Нора Эфрон ОСКОМИНА

Нора Эфрон

ОСКОМИНА

проза еврейской жизни

SHOUT
SHARE
IT

Annotation

В центре романе «Оскомина» известной американской писательницы и сценаристки Норы Эфрон история распада одной благополучной семьи. Рассказывает об этих трагичных для нее событиях главная героиня, и рассказывает остроумно, не жалея ни себя, ни других и перемежая язвительные наблюдения рецептами блюд. Вместе с тем эта история распавшегося брака дает представление о жизни целого слоя людей, чьим родителям стоило такого труда выбиться из нищеты. Их дети теперь путешествуют, гурманствуют, покупают дома и вместе с тем не могут справиться со своими проблемами без помощи психоаналитиков и сеансов групповой терапии. По роману «Оскомина» снят фильм, главные роли в нем исполнили Мерил Стрип и Джек Николсон.

- Нора Эфрон
  - I
  - II
  - III
  - IV
  - V
  - VI
  - VII
  - VIII
  - IX
  - Картошка и любовь: некоторые соображения
  - X
  - XI
  - XII
  - XIII
  - Указатель рецептов
  - Коротко об авторе
  -
- notes
  - 1
  - 2
  - 3
  - 4
  - 5
  - 6
  - 7
  - 8

- ○ 9
- ○ 10
- ○ 11
- ○ 12
- ○ 13
- ○ 14
- ○ 15
- ○ 16
- ○ 17
- ○ 18
- ○ 19
- ○ 20
- ○ 21
- ○ 22
- ○ 23
- ○ 24
- ○ 25
- ○ 26
- ○ 27
- ○ 28
- ○ 29
- ○ 30
- ○ 31
- ○ 32
- ○ 33
- ○ 34
- ○ 35
- ○ 36
- ○ 37
- ○ 38
- ○ 39
- ○ 40
- ○ 41
- ○ 42
- ○ 43
- ○ 44
- ○ 45
- ○ 46
- ○ 47
- ○ 48
- ○ 49
- ○ 50
- ○ 51
- ○ 52

- ○ 53
- ○ 54
- ○ 55
- ○ 56
- ○ 57
- ○ 58
- ○ 59
- ○ 60
- ○ 61
- ○ 62
- ○ 63
- ○ 64
- ○ 65
- ○ 66
- ○ 67
- ○ 68
- ○ 69
- ○ 70
- ○ 71
- ○ 72
- ○ 73
- ○ 74
- ○ 75
- ○ 76
- ○ 77
- ○ 78
- ○ 79
- ○ 80
- ○ 81
- ○ 82
- ○ 83
- ○ 84
- ○ 85
- ○ 86
- ○ 87
- ○ 88
- ○ 89
- ○ 90
- ○ 91
- ○ 92
- ○ 93
- ○ 94
- ○ 95

Нора Эфрон
Оскомина
Роман

Посвящается Марии и Бобу

I

В первый день мне было совсем не смешно. На третий тоже, но я все-таки пошутила:

— А что самое обидное, в таком виде на свиданье не пойдешь.

Что тут началось!.. Как говорится, жаль, что вас не было с нами, но сейчас, когда я это пишу, выходит совсем не смешно. А тогда, уж поверьте, было очень смешно, главным образом потому, что если громко и звонко произнести слово «свиданье» в конце фразы, то эффект получается обалденный — будто ты юная девушка. Но я уже не совсем юная девушка (ладно, куда денешься, — мне тридцать восемь), к тому же до меня только-только дошло, что мой второй муж завел любовницу, а я, между прочим, была беременна, на восьмом месяце, — какие уж тут свидания. Вот я и решила хотя бы шуткой отвести душу. Мои согруппники захохотали, — но кто знает, может, просто хотели меня подбодрить. Мне и вправду необходимо было взбодриться. Я тогда уехала в Нью-Йорк к отцу, почти все время плакала, а едва переставала хныкать, перед глазами маячила невообразимо мрачная мебель орехового дерева, тусклые серые лампы — и я снова заливалась слезами.

Я улетела в Нью-Йорк через несколько часов после того, как узнала о романе мужа, а узнала я о его амурах из отвратной надписи на сборнике детских песенок, который его пассия ему подарила. Песенки *для детей*! «Теперь ты сможешь петь эти песенки Сэму», — писала поганка. Я взбесилась — передать не могу как. Подумать только: через ту придурочную надпись моего двухлетнего сыночка, кровиночку мою, впутали в шашни моего коротышки мужа с долговязой Телмой Райс: шея у нее — длиной с руку, нос — с большой палец; а вы бы видели ее ноги, не говоря уж про плоскостопие.

Отцовская квартира пустовала: за несколько дней до моего приезда моя сестра Элинор, прозванная в семье «хорошей дочкой», — чтобы не путать со мной, — отвезла его в психушку. У отца с его третьей женой психологически весьма сложные отношения; между прочим, нынешняя его жена — это сестра Бренды, моей бывшей лучшей подруги. За неделю до этих событий третья супруга отца разгуливала по Третьей авеню в одном махровом полотенце, там ее и увидела Рене Флейшер — с ней и Брендой мы учились в одной школе. Рене Флейшер тут же позвонила моему отцу, но что проку: он уже наполовину спятил, и она позвонила мне в Вашингтон:

— Не верю собственным ушам! Представь, я только что столкнулась на улице со старшей сестрой Бренды, и она утверждает, что вышла замуж за твоего отца.

Мне тоже было ох как непросто в это поверить: вообразите, что ваш отец женится на старшей сестре вашей заклятой врагини. На мой вкус, чересчур много в этой истории случайных совпадений, хотя с присловьем «тесен мир» спорить не стану. Ну а если уж ты родился евреем, у тебя вообще выбора нет. Когда позвонил отец, чтобы поведать мне о своих матримониальных планах, я сказала:

— Да на здоровье, женись на Брендиной сестре, раз хочется, я не против, только пусть она до брака подпишет контракт, чтобы после твоей смерти денежки твои рано или поздно не достались Бренде.

Контракт старшая сестрица подписала, было это три года тому назад, а теперь — на тебе! — звонит Рене Флейшер:

— Привет! Брендина сестра вышла за твоего отца, а сейчас она, между прочим, разгуливает по Третьей авеню в махровом полотенце.

Я сообщила об этом сестре Элинор; та, блюдя свой образ «хорошей дочки», заехала в отцовскую квартиру, взяла кое-какие вещички, одела Брендину сестру и отправила ее в Майами-Бич, к их с Брендой матери, а отца отвезла в психушку «Семь облаков»; для психушки не слишком оптимистичное название, но вы не представляете, какой у психушек убогий выбор названий. Туда и отчалил мой папаша — лечиться от алкоголизма и сооружать из пальмовых листьев пепельницы; его нью-йоркская квартира тем временем пустовала.

Ключи от нее у меня имелись; в предыдущем году я там живала часто, потому что у нас было туго с деньгами. Когда мы с Марком поженились, мы были вполне состоятельной парой, а два года спустя остались на бобах. Ну, не совсем уж без гроша, у нас все-таки была собственность: стереосистема в тысячи долларов, загородный дом в Западной Виргинии, на который мы ухлопали десятки тысяч долларов, и дом в Вашингтоне, на него мы ухлопали сотни тысяч долларов, а еще — уйма ценных вещей — да каких! Флюгеры и стеганые одеяла, карусельные лошадки и оконные витражи, жестяные коробки и карманные зеркальца, формочки для кексов фирмы «Кэдбери» и открытки с видами Сан-Франциско еще до землетрясения[1]; словом, не бедняки, кое-что за душой у нас было; а вот наличных — ноль. Я не могла взять в толк, как мы от такого богатства дошли до бедности. Сейчас-то я, конечно, лучше понимаю, как и почему: еще куча денег ушла на амуры с Телмой Райс. В разгар их романа Телма уехала во

Францию, и вы бы видели, какие нам приходили счета за телефон!

Но в тот день, когда мне на глаза попался сборник детских песен с отвратной дарственной надписью, я об этих счетах, разумеется, понятия не имела. «Милый мой Марк, — писала она, — мне захотелось подарить тебе что-нибудь на память о том, что случилось сегодня, — теперь наше будущее прояснилось. Ты будешь петь эти песенки Сэму, а потом придет день, и мы вместе споем их твоему сынишке. Люблю тебя. Телма». Вот те на. Я отказывалась верить своим глазам. По правде сказать, совсем не верила. Снова уставилась на подпись — в надежде, что проступит не знакомое, а совсем другое, неведомое мне имя, но не тут-то было. Вот оно, «Т», в конце — несомненно «а»; правда, буквы между ними разобрать трудновато, но если имя начинается с «Т» и кончается буквой «а», вариантов остается совсем немного — имя Телма напрашивается само собой. Телма! Она же совсем недавно у нас обедала! Вместе с мужем Джонатаном. Вообще-то они пришли не столько обедать, сколько поспеть к десерту. Я испекла морковный торт, но переборщила с мякотью ананаса; все равно, по сравнению с десертами, которыми потчует Телма, торт получился вкуснейший. А она вечно угощает вязкими пудингами. Они трое — Телма, ее муж Джонатан (который, как выяснилось, прекрасно знал о романе жены) и мой муж Марк — сидели за столом, а я, в бесформенном платье из быстросохнущей ткани, ковыляла пузатой уткой вокруг, раскладывая по тарелкам торт и извиняясь за излишек ананаса.

Вы, наверно, удивляетесь, с чего это я так досадую на их приход, но если внезапно обнаруживаешь, что муж тебе изменяет, чувствуешь себя полной дурой, а это очень обидно; особенно жгла мысль, что я сама их зазывала, они и явились, а теперь все трое наверняка считают меня балдой. Мне стало совсем тошно. А самое обидное случилось назавтра: Телма позвонила — поблагодарить за прием и попросить рецепт морковного торта. Рецепт я ей отправила, про мякоть ананаса, разумеется, даже не упомянула. «Вот рецепт морковного торта, простой, без прибамбасов», — написала я на открытке. И даже нарисовала рядом с рецептом смайлик. Вообще-то, я смайликами не злоупотребляю, но иногда без них не обойтись. Вот сейчас, к примеру, я закончила бы это предложение смайликом, только насупленным.

Хочу подчеркнуть: хотя мне и трудно было поверить, что у Марка роман с Телмой, — в том, что у него роман на стороне, я не сомневалась. Мне ведь песенник попался не случайно: я рылась в столе мужа в поисках улик. Но чтобы с Телмой! Я

вскипела. Свяжись он с какой-нибудь финтифлюшкой — это бы еще ладно; а он возьми да заведи шашни с дылдой, вдобавок с умной дылдой. Сколько раз (не счесть!), вернувшись с очередной вечеринки и переодеваясь в домашнее (а их роман тем временем был в разгаре), я говорила: «Как удачно сегодня сострила Телма! Умора!» И слово в слово повторяла Марку ее остроту. Представляете, какая дура! *Какая же я дура!* Мало того, я точно знала, что у Телмы роман на стороне! Весь город знал. Она и не скрывала — всем встречным-поперечным рассказывала, что Госдепартамент направляет ее мужа Джонатана черт-те куда, а она останется в Вашингтоне и купит себе квартиру в кондоминиуме.

А тут звонит мне как-то моя подруга Бетти Серл и говорит:

— Телма все толкует про кондоминиумы. Наверняка завела роман.

— Точно? — спрашиваю я.

— Абсолютно, — заверяет Бетти. — Главный вопрос — с кем? — Потом помолчала и говорит: — Может быть, с сенатором Кэмпбеллом. Он тоже толкует про кондоминиумы.

— Сенаторы вечно про них толкуют, — говорю я.

— И то правда, — соглашается Бетти, — но с кем же тогда?

— Спрошу у Марка, — говорю я.

И вечером спрашиваю мужа:

— Как ты думаешь, Телма крутит роман с сенатором Кэмпбеллом?

— Нет, — говорит он.

— Но с кем-то у нее точно роман, — уверяю я.

— Откуда ты знаешь? — спрашивает он.

— Так она же сама твердит, что, если Джонатана отправят в Бангладеш, она купит квартиру в кондоминиуме.

— Джонатана в Бангладеш не отправят, — говорит Марк.

— Почему?

— Потому что Бангладеш представляет для нас интерес.

— Ну, тогда в Верхнюю Вольту, — предполагаю я.

Марк удивленно покачал головой — как это его угораздило втянуться в такой убогий бабский разговор? — и вновь углубился в журнал «Дом и сад». Вскоре разговоры про кондоминиумы прекратились.

И вот опять мне звонит Бетти:

— Телма больше не говорит про кондоминиум. К чему бы это?

— Может, роману конец, — предполагаю я.

— Нет, — возражает Бетти, — вовсе не конец.

— Откуда ты знаешь? — спрашиваю я.

— Она сделала восковую эпиляцию ног, — говорит Бетти и многозначительно цедит: — В первый раз. А до лета еще далеко.

— Понятно, — говорю я.

В таких делах (и не только в таких) Бетти Серл — сущая ведунья. Стоит ей побывать на каком-нибудь вашингтонском приеме, и наутро она уже сообщает, кого скоро уволят. Взглянет на схему рассадки гостей — и готово! В ту пору, когда фотография первомайской демонстрации была главным источником нашей информации о России, из Бетти вышел бы классный кремленолог. Если для простых смертных гримасы, подмигивания, пожимание плечами — всего лишь признаки нервозности, то для Бетти это прямо-таки штормовые предупреждения. Вот вам пример: однажды на приеме она увидела, как жена вице-президента, здороваясь с министром здравоохранения, образования и социального обеспечения, целует его и гладит по плечу; Бетти тут же смекнула, что министру грозит отставка.

— Если ты член правительства и тебя кто-то гладит по плечу, это верный знак: жди беды, — сказала она назавтра.

— Но гладила-то всего лишь жена вице-президента, — заметила я.

Бетти покачала головой: бесполезно, мол, учить тебя уму-разуму. Позже она позвонила министру здравоохранения, образования и социального обеспечения и предупредила, что его дни в служебном кресле сочтены, но он был поглощен борьбой с табачным лобби и не прислушался к ее словам. Два дня спустя табачное лобби уже праздновало его отставку в бальном зале вашингтонского «Хилтона»; а бывший министр здравоохранения, образования и социального обеспечения укладывал вещи: утром начинался его вояж по стране с циклом лекций.

— Так с кем же, по-твоему, у Телмы роман? — спрашивает Бетти.

— Да мало ли с кем, — говорю я.

— Верно, а все же — с кем именно?

— Может быть, с конгрессменом Тоффлером? — предполагаю я.

— Ты думаешь? — говорит Бетти.

— Она же постоянно толкует, какой это блестящий ум.

— Да, и на прошлом званом ужине посадила его возле себя, — добавляет Бетти.

— Спрошу-ка я у Марка, — предлагаю я. — Он тоже сидел рядом с Телмой, но по другую руку.

И вечером спрашиваю мужа:

— Как, по-твоему, у Телмы Райс роман с конгрессменом

Тоффлером?

— Нет, — говорит Марк.

— Ну, с кем-то у нее точно роман, — возражаю я.

— С чего ты взяла? — спрашивает Марк.

— Она сделала восковую эпиляцию ног, — объясняю я. — А еще только май.

— Ясно, «Дамское ЦРУ» и на этой неделе не дремало, — замечает Марк. — Кто донес?

— Бетти, — признаюсь я.

Марк снова уткнулся в «Аркитекчурал дайджест»[2]. Вскоре Телма уехала на несколько недель во Францию, а мы с Бетти переключились на другую тему: по ночам Бетти стал названивать помощник президента с предложениями типа: «Давай встретимся в Ротонде[3], я тебе сисечки пощекочу» и прочими дикими затеями из серии «секс в Вашингтоне».

— Ну и что мне с ним делать? — спрашивает Бетти.

Мы с ней в тот день пошли пообедать в ресторане.

— Скажи, что в следующий раз позвонишь газетчикам, — предлагаю я.

— Уже говорила, — роняет Бетти. — А он в ответ: «Раз ты еще не тискала мой личный „Вашингтонский пост“, стало быть, ты жизни не знаешь». И ржет, как псих. — Она вяло потыкала вилкой в салат с курицей «Альберт Гор». — Потом, я же не могу доказать, что звонил именно он; впрочем, Телма всегда говорила, что он — тот еще ходок.

— Марк то же самое говорит, — вставляю я.

Конечно, мне бы давно пора смекнуть, что к чему. Когда у меня открылись наконец глаза, оказалось, что связь мужа с Телмой тянется уже несколько месяцев, точнее, семь, то есть столько же, сколько моя беременность. Мне бы раньше мозгами пошевелить, я давно бы заподозрила неладное, тем более что в то лето Марк необычайно много времени проводил у дантиста. Мы с Сэмом сидели себе в Западной Виргинии, сверлили отверстия в банках с гусеницами, чтобы те не задохнулись, а Марк то и дело мотался в Вашингтон — чистить и пломбировать каналы, лечить десны, учиться пользоваться зубной нитью и ставить мост; и при этом — ни разу не пожаловался ни на разъезды, ни на боль, ни на занудство Ирвина Танненбаума, доктора стоматологии, который знай талдычит про свой кларнет. Потом наступила осень, мы все вернулись в Вашингтон, и у Марка появилась новая причуда: днем он непременно выходил из кабинета над гаражом и сообщал, что ему нужно купить носки; к вечеру возвращался с пустыми руками и начинал ныть:

— Ты не представляешь, в этом городе днем с огнем не найти

приличных носков!

Только спустя месяц я заподозрила неладное. Никогда себе не прощу! Тем более что ровно так же регулярно вешал мне лапшу на уши мой первый муж, проведя полдня в постели с моей лучшей подругой Брендой, вследствие чего она стала моей заклятой врагиней.

— Где ты болтался целых шесть часов? — допытывалась я у первого мужа.

— Ходил за лампочками, — отвечал он.

Лампочки. Носки. На чёрта мне мужья, которые не могут придумать предлог получше?

Как-то — еще в первом браке — я в шесть утра отправилась в гостиницу на свидание с одним знакомым, а мужу сказала, что буду участвовать в телепередаче «Сегодня». Так моему благоверному даже в голову не пришло включить телевизор! Врать тоже надо умеючи! Впрочем, эта история едва ли говорит о моей изобретательности; какой толк уверять, что ты — ума палата, если оба мужа без особых усилий водили тебя за нос.

Конечно, то мое рандеву в гостинице случилось давно, еще до развода, до встречи с Марком, до того как я решилась за него выйти и стать убежденной поборницей супружеской верности. Вот уж действительно злая ирония судьбы: именно брак с Марком сделал меня поборницей безоглядной супружеской верности; впрочем, я вечно принимаю решения не вовремя. Во всяком случае, альтернатива, то есть измена, тоже не выход. Запас энергии у человека не безграничен, если ее распылять, в голове возникает каша, и ты вдруг обнаруживаешь, что не помнишь, кому что наплела, а потом вдруг стонешь: «Ах, Морти, Морти, Морти!..» А на самом деле из души рвется стон: «Ах, Сидни, Сидни, Сидни!..» И затем понимаешь, что влюблена в обоих просто-напросто потому, что тебе с детства вдалбливали: на слова «я тебя люблю» отвечать надо «я тебя тоже люблю» — этого требует вежливость; а потом тебе кажется, что влюблена ты лишь в одного из двоих: совесть не даст любить обоих.

После того как я наткнулась на песенник с отвратной надписью, я позвонила Марку. Стыдно сказать, куда я звонила. Ладно, скажу: он сидел у своего психиатра. Родом она из Гватемалы, живет в Алегзандрии[4], очень похожа на Кармен Миранду[5], и у нее есть песик по кличке Пепито.

— Немедленно возвращайся домой, — говорю я. — Мне все известно про тебя и Телму Райс.

Марк помчался домой отнюдь не сразу. Он приехал два часа спустя, потому что — готовьтесь! — ТЕЛМА РАЙС ТОЖЕ СИДЕЛА У ТОГО ЖЕ ПСИХИАТРА! У них был сеанс для двоих! По

расценкам семейной консультации! Но тогда я этого не знала. Мало того, что Телма Райс и Марк еженедельно консультировались у доктора Валдес с ее чихуахуа Пепито, туда же ездил и муж Телмы Джонатан, заместитель госсекретаря по Ближнему Востоку. Марк с Телмой являлись на прием к Чиквите Банане[6] вместе, а Джонатан Райс — в одиночку. И от такого человека зависит мир на Ближнем Востоке!

Когда Марк наконец приехал, я была во всеоружии. Продумала и отрепетировала речь: я люблю его, он любит меня, нам нужно вплотную заняться нашим браком, у нас растет ребенок и скоро появится второй… В нашей ситуации речь замечательная, вот только ситуацию я не понимала.

— Я люблю Телму Райс, — с порога объявляет Марк.

Вот вам и вся ситуация. Затем муж сообщил, что, хотя он любит Телму, они не любовники. (Очевидно, он считал, что его увлечение Телмой я еще снесу, а что они трахаются — нет.)

— Вранье, — заявляю я, — но если это правда… — Понимаете, мне очень хотелось ему поверить, но я сознавала, что он врет; мужчина способен трахаться и со стиральной доской. — Но даже если это правда, почему бы тебе и не спать с ней — что тебе мешает?

Тут он стал разливаться про Телму, сказал, что ни за что с ней не расстанется, а я — мегера, сука, вечно пилю его, ною и вдобавок ненавижу Вашингтон (а вот это — истинная правда), и выразил надежду, что, несмотря на все, я останусь с ним. Уж не спятил ли он? — пронеслось у меня в голове. Я сидела на тахте, плакала в три ручья, а живот у меня был такой огромный, что лежал на коленях. Марк завершил шестнадцатую тираду о том, какая Телма Райс замечательная, не то что я.

— Ты спятил, — говорю я, собрав остатки апломба.

— Ошибаешься, — говорит он.

Он прав, мелькнула мысль: я ошибаюсь.

И мы снова пошли кругу. После чего он спросил, не хочу ли я пожить некоторое время одна. Наверно, ему не терпелось сообщить Телме, что он отстоял их любовь. Мне было все равно. Он уехал, а я набила подгузниками чемодан, взяла Сэма на руки, вызвала такси, и мы помчались в аэропорт.

II

Одного я не могу уразуметь: когда ты замужем, как добиться, чтобы в жизни — как прежде — и дальше что-то происходило. Когда ты не замужем, все происходит само собой. Ты знакомишься с мужчинами, путешествуешь, усваиваешь разные уловки, читаешь Троллопа[7], пробуешь суши, покупаешь ночные сорочки, бреешь ноги. Потом выходишь замуж, и ноги спокойненько обрастают заново. Я люблю повседневный уклад замужней жизни, люблю прикидывать, что приготовить на ужин, как развесить картины и сколько мы должны Ричардсонам. Но жизнь замедляется, дни еле ползут. Все лето, пока Марк, под предлогом визитов к дантисту, тайком встречался с Телмой, я стряпала. Я зарабатываю деньги тем, что пишу кулинарные книги. И пока я открывала совершенно новый и стопроцентно надежный способ сварить яйцо в мешочек за четыре минуты и достигла совершенства в салатных заправках, мужнины шашни меня не очень волновали. (Даже теперь мне не верится, что Марк рискнул бы навсегда лишиться моей заправки. Таких заправок днем с огнем не сыскать.) А до этого сколько времени я потратила на выбор обивки, на кушетки и поэтажные планы! Марк достиг известности как газетный обозреватель, я — как кулинар, а мы с ним достигли успеха в борьбе со строительными подрядчиками. Сперва мы сражались с вашингтонским подрядчиком: помимо прочих дикостей, он умудрился настелить наш ковер на седьмом этаже вашингтонского универмага; потом пришел черед битвы с подрядчиком из Западной Виргинии, который напрочь забыл про парадную дверь.

— Да за городом никто парадной дверью не пользуется, — отмел он наши претензии; то же самое мы услышали про отсутствующую аптечку и держатель для туалетной бумаги. Чтобы уладить недоразумения с подрядчиками, мы наняли специалиста по урегулированию конфликтов, это был венгр по имени Ласло Памп. Тут-то и начались серьезные недоразумения. Ласло снес в гостиной стену — и исчез. Мы позвонили ему домой. К телефону подошла его жена и сказала, что у него умер отец. Спустя неделю она сообщила, что у него сдохла собака. Еще через неделю — что умер его психиатр. В конце концов мы дозвонились до Ласло. Он сказал, что у него рак.

— У него рак, — положив трубку, докладываю я мужу.

— Чушь, — фыркает Марк.

— Такими диагнозами не бросаются, — говорю я.

— Еще как бросаются, — возражает Марк. — Особенно

подрядчики. Врут напропалую. Слушай, а давай к нему съездим. Посмотрим, как он выглядит. Если нормально, я его пришибу.

— Съездить к нему мы не сможем, — говорю я.

— Почему? — удивляется Марк.

— Потому что не знаем, где он живет.

— Найдем адрес в справочнике, — парирует Марк.

— Не найдем, — говорю я. — Его адреса нет в справочнике.

— Как это нет? — удивляется Марк.

— Нет, и все. С недавних пор это в порядке вещей.

— И чьих же адресов нет в справочнике? — спрашивает Марк.

— Объясняю: адресов тех, кто не хочет стать трупом. То есть тех, кого хотят укокошить. Чего ты на меня-то злишься?

— Ничуть я на тебя не злюсь, — говорит Марк.

— Что же тогда ты на меня орешь?

— Потому что здесь, кроме тебя, никого нет.

Я заплакала:

— Терпеть не могу, когда ты злишься.

— Да не злюсь я на тебя, — говорит Марк. — Я тебя люблю. И ничуть на тебя не сердился.

— Знаю, — говорю я, — но мне все равно страшно. Ты напоминаешь мне моего отца.

— Но я же тебе не отец. Повторяй за мной: Марк Фелдман мне не отец.

— Марк Фелдман мне не отец, — повторяю я.

— Я разве толстый? — спрашивает Марк.

— Нет.

— Я лысый?

— Нет.

— От меня пахнет супинаторами доктора Шолля?

— Нет.

— У защиты вопросов больше нет, — заключает Марк.

Обычно у нас тем все и кончалось: мы против целого света, самая отважная вашингтонская пара ведет борьбу со сферой обслуживания и ее автоответчиками. Но не об этом речь. Я летела в Нью-Йорк с ощущением полной безысходности, а в глубине души исподволь росло облегчение: все, никаких больше обивок, кушеток и битв с подрядчиками! В том же уголке души шевелилась мыслишка: ну вот, Рейчел Самстат, наконец с тобой что-то происходит.

Так меня зовут — Рейчел Самстат. С рождения. Я и в браках не меняла фамилию. В первом замужестве менять отказалась, потому что мне не нравилась фамилия мужа, а ко второму я уже приобрела некоторую, пусть и скромную, известность под именем Рейчел Самстат. Мои кулинарные книги хорошо раскупаются. В

них я непринужденно болтаю с читателем, а кулинарные рецепты сообщаю как бы между прочим. Я посвящаю целые главы друзьям и родственникам, поездкам и путевым впечатлениям, попутно вставляю в текст рецепты. Ну а потом появилась моя кулинарная телепрограмма, и продажи книг, естественно, подскочили.

Вас, наверное, интересует, как это мне удалось заполучить собственную передачу на телевидении, хотя я не похожа на типичную телеведущую, во всяком случае, на телеведущую коммерческих телекомпаний, но, судя по всему, вполне гожусь для общественного телевидения. Когда одному сетевому каналу предложили меня в качестве ведущей, то в ответ услышали: «От нее так и шибает Нью-Йорком». Ловко замаскированный антисемитский выпад, но плевала я на них. Пусть лучше от меня шибает Нью-Йорком, чем чем-нибудь еще. Словом, коммерческому телевидению я не подхожу. Лицо у меня неправильное, но занятное, оно вполне годится для обычной жизни, но не для экрана, поэтому мне самое место на общественном телевидении: тамошние режиссеры и операторы привыкли к Джулии Чайлд[8] и по-детски радуются, что я не такая высокая, как она. Но я часто моргаю. Пока я, глядя в камеру, говорю: «Привет, меня зовут Рейчел Самстат», я моргну минимум раз пятьдесят-шестьдесят. Просто оттого, что надо упорно смотреть в камеру. Когда я гляжу на человека или на запеченную свинину, я моргаю не чаще других.

На съемках самой первой передачи телевизионщики заметили эту мою особенность, и Ричард, продюсер программы, посоветовал мне обратиться за помощью к одной специалистке при студии: она занимается постановкой голоса, но готова заодно подправить работу век. Вероятно, чтобы меня подбодрить, она без конца повторяла, что у нее не было ни единой осечки; в результате я твердо решила стать ее первым фиаско — и стала.

— Судя по всему, помочь ей не моргать ежесекундно не в моих силах, — после нескольких занятий призналась кудесница Ричарду, — но, может, стоит чуточку подправить ей голос?

— Голос нам нравится, — сказал Ричард, и слава богу, потому что к тому времени во мне осудили чуть ли не всё. Уж это ее моргание. Эти волосы. Этот ее подбородок. Этот голос. «На экране она слегка напоминает Хауарда Коселла»[9], — вроде бы сказал кто-то из теленачальства. И хотя мне нравится думать, что это комплимент: мол, он, похоже, имел в виду, что я из тех людей, кого либо любят, либо терпеть не могут. Вот только на Коселла мне никак не хотелось бы походить. То ли дело Имоджен Кока[10] или Элейн Мей[11]. Что до голоса, то он у меня и правда особенный: у слушателей и зрителей он вызывает смех. Для моей

передачи это даже плюс; но где уж специалистке по постановке голоса это понять? Она уверена, что ее задача — обучить всех говорить, как Дэвид Бринкли[12].

Моя передача появилась в эфире только благодаря Ричарду. Я участвовала в ток-шоу, рекламировала «Печенье моей бабушки», там Ричард меня и приметил. Собственно, впервые он меня увидел в передаче Фила Донахью[13]. Он просто обожает Фила Донахью. Если бы Зигмунд Фрейд, говорит он, смотрел ток-шоу Донахью, то не задавался бы вопросом, чего хотят женщины. И вот он видит на экране меня: я без заминки отвечаю на вопросы насчет корочки на пирогах и разыгрываю мой коронный номер — как ублажать капризного еврейского мужчину. Туг Ричарда и осеняет: надо запустить регулярное кулинарное телешоу, где я, мои друзья, родственники и несколько именитых гостей будут говорить о еде, о ее роли в нашей жизни и тем временем что-то готовить; а ведущая, то есть я, будет чем-то средним между умеренно интеллектуальной Джулией Чайлд и высоколобой Дайной Шор[14]. Как мы с этим справились, для меня до сих пор загадка; разве что благодаря тому, что в начальных титрах упоминался Пруст и его «мадленки»[15], а на пробный выпуск передачи мне удалось затащить Исаака Башевиса-Зингера[16] — он готовил кугель[17].

Кроме того, наша передача обходилась студии дешево, да и эти деньги, весьма скромные, обязалась выплачивать некая нефтяная компания, с одним из служащих которой я в юности встречалась, а теперь он одним росчерком пера выделяет средства общественному телевидению. Когда я бегала к нему на свидания, он был еврей на все сто, даже преподавал в еврейской школе. Теперь же, когда он работает в нефтяной компании, — кто его знает. А я еврейского образования не получила и однажды ночью, в Гарварде, в студенческом общежитии, узнала от него про Пурим[18], про добрую царицу Эстер[19] и злодея Амана. В ту пору мы про клитор еще слыхом не слыхали — просто засовывали пальцы куда не след. Тем не менее я была довольна, что выяснила наконец, откуда взялись гоменташи[20]; с тех пор, как это ни смешно, я особенно люблю Пурим, хотя гоменташи терпеть не могу. Но не всякие. Флоренс, тетя Марка, она его вырастила, печет на редкость вкусные гоменташи. Стряпуха она отменная. Свое коронное блюдо — запеченную рульку с кислой капустой и коричневым сахаром — она неизменно подает на День благодарения, ну и, само собой, индейку. Знаю, «рулька с сахаром» звучит не аппетитно, на самом же деле ничего вкуснее мне есть не доводилось.

Я запланировала пригласить бабушку Марка на следующий

трехмесячный цикл моего шоу и там обсудить рульку, а также бабушкин рецепт цимеса и фаршированной рыбы, но не уверена, что теперь у меня хватит пороху. Мне не нравится, когда вину за то, что дети сбились с пути, валят на родню. И вот почему: если моих детей арестуют за крупную кражу, я не хочу, чтобы на меня косо смотрели. Но в поведении Марка целиком виновата Флоренс, и даже ей самой это ясно. Когда я позвонила ей и сказала, что улетаю в Нью-Йорк, потому что ее племянник влюбился в Телму Райс, у нее тут же вырвалось: «Наверно, в этом я виновата». «Глупости!» — решительно возразила я, а в голове мелькнуло: «Кто бы сомневался! Евреи же еврейскими мужьями не рождаются, их еврейскими мужьями воспитывают».

Рейчел Самстат

ИНТЕРМЕДИЯ «ЕВРЕЙСКИЙ МУЖ»

Вы же знаете, что такое еврейский муж, правда?

(*Поднимает бровь.*)

Если не знаете, то поймете сразу, по одному незатейливому вопросу: «Где масло?»

(*Долгая пауза: в зале постепенно нарастает смех.*)

Ладно. Все знают, где масло, верно?

(*Зрители улыбаются.*)

В холодильнике, где же еще.

(*Пауза.*)

Масло в холодильнике, в ящичке с надписью «масло».

(*Пауза.*)

Однако на самом деле еврейский муж вовсе не стремится выяснить, где масло. На самом деле он имеет в виду: «Подай мне масло». Но он умен и потому говорит не «подай мне», а «где».

(*Пауза.*)

А если вы ему скажете…

(*кричит*)

…в холодильнике!..

(*продолжает, понизив голос*)

…и он направится к холодильнику, то произойдет удивительная вещь — медицинское явление, пока еще недостаточно изученное.

(*Пауза.*)

Воздействие лампочки холодильника на мужскую роговицу.

(*Пауза.*)

Слепота.

(*Пауза.*)

«Что-то я его не вижу».

(*Пауза.*)

«Где масло?» — это лишь один из способов, посредством которых еврей-баловень проявляет свою суть. Иногда он действует иначе. Вопрошает: «Есть в доме масло?»

(*Пауза.*)

И мы с вами прекрасно знаем, кто виноват, если масла нет, правда?

(*Пауза.*)

Иногда еврейский муж проявляет потрясающую изобретательность: он дает вам понять, что отчаянно нуждается в вашей редкостной мудрости, здравом смысле и способности мыслить творчески. К примеру, спрашивает: «Как ты считаешь, масло с этим сочетается?»

(*Пауза.*)

Под «*этим*» он обычно имеет в виду сухой гренок.

(*Пауза.*)

Я давно убеждена, что понятие «еврейский муж» изобрел еврейский муж, который никак не мог добиться, чтобы жена подавала ему масло.

Меня еврейской цацей не растили. И все же иногда называют именно так, потому что я не большая любительница проводить время на свежем воздухе. Зато я — сызмалу птичка-невеличка — всегда была напористой и спортивной, и моя напористая мама-невеличка мечтала, чтобы я, как и она, сделала хорошую карьеру. Интересно, как бы она отнеслась к моей нынешней работе. Мама замечательно готовила, но лишь по особым случаям, а в глубине души неколебимо верила, что гели добиться успеха, стряпать для тебя будут другие.

Мама работала в Голливуде агентом по подбору актеров. Классический вариант деловой женщины сороковых годов: короткая стрижка, челка, жакет с подкладными плечами, низкий хриплый голос. Занималась она, как тогда говорили, «кадрами с нестандартной внешностью»; под этим обычно подразумевались лилипуты. Когда перестали выпускать фильмы типа «Волшебник из Оз»[21] и спрос на лилипутов упал, ее клиентами стали актеры со шрамами. Но в нашем доме по-прежнему болталось множество лилипутов, в результате мама частенько подавала порции буквально «на один укус». Моя сестра Элинор очень нелестно отзывается о маминой стряпне и не упускает случая заметить, что ее увлечение румаки[22] чересчур затянулось. Впрочем, Элинор вообще не способна воздать человеку должное, когда он того заслуживает. А мама, если хотела блеснуть, готовила искусно, с большой выдумкой, но когда стараться не имело смысла, вбухивала слишком много масла. Еще она умела Ладить с

Прислугой, и я с детства знала, что это очень непросто; мне с малых лет внушили, что не уметь Ладить с Прислугой для взрослого — хуже некуда.

На Новый год родители всегда приглашали кучу гостей: к нам съезжались их друзья, делали ставки — какая команда выиграет «Розовую чашу»[23], обсуждали, кто из игроков еврей, а кто нет; мама подавала превосходную копченую лососину с луком и яйцами, которую готовила весь первый тайм. У меня просто не хватит времени описать этот рецепт, потому что сначала придется объяснять, как медленно и кропотливо она все проделывала: жарила лук на малюсеньком огне, чтобы ни кусочек не подгорел, постоянно добавляла в сковороду масло, потом готовила яйца — да так тягомотно, что отец каждый раз опасался, что до конца матча они не сварятся и гости разъедутся по домам несолоно хлебавши. Нам бы давным-давно понять, что мама не в своем уме, — хотя бы по той маниакальной страсти, с которой она возилась с лососиной, луком и яйцами, но до нас все никак не доходило. Большой популярностью пользовался и другой мамин кулинарный шедевр: запеченный окорок с гарниром — рагу из лимской фасоли с грушами. Пару лет назад я приехала в Лос-Анджелес рекламировать свою книгу «Борщ с говядиной по рецепту дяди Симура», и на фуршете одна женщина меня спросила: «Ваша мама не Бебе Самстат?» «Да, она самая», — подтвердила я, и она сказала: «А у меня хранится рецепт ее фирменного рагу из лимской фасоли с грушами». Думаю, маму позабавило бы это признание: стало быть, есть в Голливуде человек, который ее помнит, пусть даже благодаря рагу из лимской фасоли с грушами; а возможно, и не позабавило бы.

Так или иначе, вот этот рецепт:

> Возьмите 6 чашек размороженной лимской фасоли, 6 очищенных и порезанных на дольки груш, ½ чашки черной патоки, ½ чашки куриного бульона, ½ чашки мелко нарезанного репчатого лука, сложите все в кастрюлю с толстым дном, накройте крышкой, поставьте в нагретую до примерно 100 градусов Цельсия духовку и запекайте 12 часов.

Вот такими блюдами она любила угощать: с виду — давно знакомые бобы, и вдруг — на тебе — бобы-то с грушами! Еще она варила замечательный буйабес с листовой свеклой. Спустя некоторое время мама стала относиться к еде слишком истово, принялась готовить китайские голубцы и прочее в том же духе, но однажды вечером у нее вышла осечка с омаром по-кантонски, и она распрощалась с кухней. Это было началом конца.

Следом наступила пора синих скидочных купонов. Разумеется, в этом увлечении она была далеко не одинока. Шел 1963 год, и множество американок собирали в супермаркетах купоны — синие, зеленые, в клеточку, все подряд; однако дамы в пиджаках с подкладными плечами не должны бы попадаться на эту удочку. А моя мать, годами обходившая супермаркеты стороной, взяла за правило хотя бы раз в день наведываться в местный сетевой универсам «Трифтимарт». (К тому времени спрос на актеров со шрамами упал, с работой стало туго, заняться ей было нечем.) Она садилась в свой «студебеккер» 1947 года выпуска и день напролет объезжала супермаркеты. На время в ней вспыхнула страсть к торговым новинкам. Месяц она увлекалась сушеным рубленым луком. Потом — пирожками с малиной фирмы «Пепперидж Фарм». Следом — замороженным рубленым шнитт-луком. Домой мама возвращалась с полными сумками, бросала их на кухне — пусть экономка разбирает, а сама, не мешкая, поднималась в спальню, к карточному столику, на котором стояло хитроумное изобретение: баночка с губкой — в помощь тем, кому приходится клеить много марок.

Я тогда жила в Нью-Йорке и узнавала обо всем от сестры Элинор; ей требовалась вся ее праведность, поскольку мамино безумие нарастало. Я тоже заподозрила неладное, когда мама неожиданно нагрянула ко мне в Манхэттен и одарила блендером с десятком скоростных режимов, который она приобрела за двадцать шесть наборов синих купонов. Мама взяла блендер с собой в самолет и всю дорогу до Нью-Йорка держала его на коленях. На следующий день в мою квартиру влезли грабители и унесли блендер вместе с гарантией. А также прихватили мою пишущую машинку, телевизор и золотой браслет. Мама поглядела на разоренную квартиру и, вместо того чтобы выйти и за шестнадцать долларов купить новый блендер, отправилась в ближайший супермаркет, где набрала продуктов на шестьсот долларов — исключительно ради пачки клетчатых купонов. Вернувшись ко мне, она принялась их клеить в специальные купонные книжечки. За этим занятием ее и застали приехавшие наконец полицейские: она сидела за столом и, хрипло посмеиваясь, лизала очередной купон. Стражи порядка — их было двое — принялись рассказывать нам уморительные, как им казалось, истории про ньюйоркцев, из чьих квартир грабители уносили из-под рождественских елок все подарки. Мы дружно выпили по стаканчику, потом еще, и четыре часа спустя мама уже распевала «Когда полночный поезд отправится в Алабаму»[24], сидя на коленях одного из полицейских, а тот легонько пощипывал ей плечико. Потом она вскочила и начала бить

чечетку под песенку «Положись на Ритц»[25], но посреди номера отключилась. Отключка вышла та еще: мама подпрыгнула, отвела ноги в сторону и щелкнула каблуками, но тут глаза у нее закрылись, и она боком соскользнула на пол. Я уложила ее в постель.

— Я очень расшалилась? — спросила она, когда на следующий день я везла ее в аэропорт.

— Да нет, не очень, — буркнула я.

— Прошу тебя, скажи напрямик, — настаивала она.

Мой отец тоже изрядный оригинал, но не в прямом смысле слова. Он — характерный актер, его псевдоним — Гарри Страттон, и отец до сих пор под ним выступает. Однако, будучи характерным актером, он играл исключительно бесхарактерных персонажей: добродушных юристов, добродушных врачей, добродушных учителей. И когда ведущий актер падал духом — либо в безуспешных попытках открыть пенициллин, либо в борьбе с преступниками, либо в битве с нацистами, — мой папа с неизменным добродушием его утешал. Он, как и мама, зарабатывал кучу денег; деньги они вложили в акции «Тампакса» и вскоре разбогатели — что было очень кстати, потому что счета за лечение мамы приходили немыслимые. Она пила все больше, и в конце концов у нее вдруг жутко, огромной дыней, вспух живот. Ее положили в фешенебельную больницу для богатых и поставили диагноз: цирроз печени; врачи поцокали языками и сказали, что медицина бессильна. Еще до маминой болезни родители переехали в Нью-Йорк, и окна маминой палаты выходили на Ист-Ривер. Мама лежала и медленно умирала на глазах папы, который с нетерпением ждал конца.

— Перекройте кран! — просил он врачей, а те невозмутимо отвечали, что никакого крана нет, больная просто угасает.

Кое-кто из бывших клиентов приезжал навестить маму. Обладатели лиц со шрамами пугали медсестер, лилипуты с хохотом разъезжали на электрических креслах-каталках, но время от времени мама приходила в себя и тут же начинала строить деловые планы:

— Сдается мне, на следующем проекте нам с тобой удастся срубить сотню «кусков».

Клиентов у нее давным-давно не было, но она все талдычила про проценты со сборов да сколько можно содрать до выхода картины и сколько после.

Ей приносили обед.

— Я, пожалуй, пообедаю в кафетерии студии, — заявляла она.

Однажды мне позвонил отец:

— Давай-ка приезжай, — скомандовал он. — По-моему, это конец.

Разумеется, с этим сообщением он звонил ежедневно, но по его тону я догадывалась, что он, скорее всего, выдает желаемое за действительное; а тут почувствовала, что он, наверное, не ошибся. Я помчалась в больницу, вошла в палату: мама спит. Внезапно она открыла глаза, посмотрела на меня и говорит:

— Я только что обдурила на ремейке Даррила Занука[26], — и захрипела; я решила, что она смеется — смех у нее всегда был хриплый, — и не придала значения; но хрип и впрямь был предсмертный — мама умерла.

— Отошла мать-то, — сказала медсестра.

Не «ваша мама», а просто «мать». Я уставилась на сестру: меня ошеломила не столько мамина смерть (ее пророчили уже много месяцев, и, с точки зрения моего отца, уже заждались), сколько бесцеремонность сестры.

— Вы свою называйте «мать», — огрызнулась я, — а мою не надо.

Сестра испепелила меня взглядом, давая понять, что мой вполне естественный гнев — всего лишь дамская истерика. И накрыла мамино лицо простыней.

— Сейчас мы мать увезем, — сказала она, да так высокомерно, что я еще больше взбесилась.

— Она не ваша мать! — заорала я. — И не «отошла», а умерла. Слышите? *Умерла*. И увезете вы не ее, а ее тело. Так и говорите — тело. Да хоть трупом назовите — ради бога!

Сестра, оцепенев от испуга, уставилась на меня; я решила, что она ужаснулась моему поведению, но нет. В ужас ее повергло другое: за моей спиной как раз в ту минуту воскресала мама. Простыня стала плавно приподниматься — как с полтергейстом при замедленной съемке, — потом мама одним махом откинула простыню, крикнула «опа!» и упала в обморок.

— Обмерла, — сказала сестра; вот вам очередная нелогичность медиков: слово «мертвый» они употребляют только не к месту.

— Мы думали, ты умерла, — сказала я через несколько минут, когда мама пришла в себя.

— Так оно и было, — подтвердила она, тряхнув головой, будто силилась припомнить смутный сон. — Я куда-то уплывала в белом кисейном платье и черных лакированных туфельках с перепонкой. Точь-в-точь как у Малышки Снукс[27]. Мне хотелось одеться как-то более подобающе, но все приличные костюмы потребовались на другой съемочной площадке. — Она кивнула; мало-помалу память к ней возвращалась. — Я глянула вниз, а там

твой отец, в руках у него хлопушка, а на ней надпись: «Смерть Бебе. Дубль один». Камера поехала. А я уплывала все дальше и дальше. Несомненно, я была мертва. Твой отец продал акции «Тампакс» и купил себе шляпу «борсалино»[28]. «Вот это фарт, — сказал он. — Мы не промахнулись». — И она с вызовом забарабанила пальцами по грудине: — Не кто другой, как я, в 1944 году сидела рядом с Бернардом Барухом[29] на званом ужине и собственными ушами слышала, как он сказал: «Покупайте то, чем люди пользуются всего один раз, а потом выбрасывают». Не кто другой, как я, в 1948 году воспользовалась «тампаксом» и, выйдя из уборной, сказала: «Проверьте, продают ли их без рецепта». И благодаря *мне*, а не кому-нибудь другому мы разбогатели, но теперь этот ублюдок транжирит мои деньги на смазливых дур, а я торчу в этом гойском раю в неподобающем виде. Да пошло оно все, сказала я себе и тут же вернулась сюда.

Назавтра я поехала проведать маму. Она сидела на кровати, курила ментоловые сигареты и решала кроссворд.

— Со мной случилось чудо, — объявила она. — Понимаешь, о чем я, да?

— Нет, — призналась я.

— Бог все-таки есть, вот о чем, — сказала она. — Если веришь в чудеса, то верить и в Бога — иначе нельзя. Одно вытекает из другого.

— Ничего подобного, — возразила я. — Ничуть не вытекает. С чего ты взяла, что это твое чудо произошло по чьему-то велению? Все могло произойти чисто случайно. Могло тебе присниться. А может, медсестра просто-напросто ошиблась.

Мама покачала головой:

— Я умерла. Ты бы видела, как оно там, наверху. Пушистые белые облачка, розовощекие ангелочки играют на арфах.

— На лирах, — поправила я.

— Ох уж эта мне умница — она же колледж закончила! — сказала мама.

Неделю спустя мама выписалась из больницы, подала на развод и отправилась в Нью-Мексико на поиски Бога. И она таки его отыскала. Отыскала и вышла за него замуж. Звали его Мел, и он верил, что он — Бог. Мой первый муж Чарли тогда заметил: «Если мы что и знаем про Бога, так это, что его зовут не Мел».

Мел обобрал маму, оставив ее без гроша, а заодно прихватил старинный шведский диван в стиле модерн и комплект столовых приборов, которым и очень дорожила. После этого мама опять умерла, но уже навеки.

Мне очень хотелось спросить у нее: что делать женщине, если на восьмом месяце беременности выясняется, что ее муж любит

другую? По правде говоря, мама вряд ли могла бы мне помочь. Даже и добрые старые времена по большому счету мать она была никакая, разве что умела ввернуть глубокомысленное замечание, отчего ребенок чувствовал себя взрослым, умудренным жизнью и если и задумывался, то досадовал только на себя: до чего же глупо приставать к ней с такой ерундой. Если бы в ту критическую минуту я могла с ней поговорить, то, скорее всего, услышала бы в ответ раздраженное: «Все записывай». После чего она скрылась бы в кухне — жарить миндаль.

> Для этого надо распустить в сковороде сливочное масло, всыпать бланшированные ядра миндаля и обжаривать их до золотисто-коричневого цвета; некоторые орешки могут слегка подгореть. Затем надо дать маслу стечь, ядра слегка обсушить, посолить и закусывать ими, налив себе чего-нибудь покрепче.

«Мужчины ведь в сущности — мальчишки, — сказала бы мама, поднимая бокал. — Не взбалтывай, а то лед разобьешь».

III

Вероятно, вы думаете, что я ушла от Марка так скоропалительно потому, что очень его любила; на самом деле, если бы не мой психотерапевт, все могло сложиться иначе. Я об этом не упоминала и сейчас не хотела бы об этом рассказывать: вы же до сих пор думали, что только у Марка есть свой, весьма своеобразный психоаналитик, а теперь убедитесь, что у меня он тоже есть. Ну и ладно. Моего психотерапевта зовут Вера Максвелл, ей пятьдесят восемь лет. Она очень красивая: сливочно-белая кожа, вьющиеся черные волосы, она ярко красит губы и носит платья в восточном стиле. Ее все знают, она регулярно участвует в телевизионных ток-шоу, среди ее пациентов много знаменитостей. Время от времени она летает к Мерву Гриффину[30] — вести с ним его программу, а иногда в разгар приема раздается звонок с Каннского кинофестиваля: у одного из ее клиентов нервный срыв.

Вера — замечательный психотерапевт. Теплая, внимательная, великодушная и упорная. Впервые я к ней обратилась, когда ощутила, что несчастлива в браке с моим первым мужем Чарли; и вот прошло девять лет, и я снова несчастна — уже в браке с Марком; выходит, что успеха она не достигла. Так оно и есть, уж поверьте. Верить придется на слово: внятно объяснить, что и как она делает, невозможно — получается какое-то идишское шаманство. Вера рассказывает анекдоты про креплах[31], особенно часто один — про то, как выходец из Минска встречается с выходцем из Пинска. Я вам его расскажу, но, честно говоря, без еврейского акцента впечатление будет не то. Рецепт креплах тоже дам, но делать их — жуткая морока.

Анекдот про креплах

Жил-был маленький мальчик, который терпеть не мог креплах. Всякий раз, заметив их в супе, верещал: «Ааа, там креплах!» Тогда мать решила отучить его бояться креплах. Она привела сына в кухню, раскатала на доске тесто и говорит: «Смотри, совсем как блинок». «Совсем как блинок», — повторяет мальчик. Потом она взяла немного мясного фарша и скатала в шарик. «Совсем как тефтелька», — говорит она. «Совсем как тефтелька», — повторяет мальчик. Потом мать завернула фарш в тесто и показала сыну: «Совсем как клецка». «Совсем как клецка», — говорит тот. Затем она бросила шарик в суп, немного

погодя вынула и положила перед сыном. «Ааа, креплах!» — не своим голосом заверещал он.

Но у Веры есть одна особенность: она говорит без обиняков, в отличие от тех психоаналитиков, которые безучастно выслушивают тебя и время от времени мычат «ммм» или «угу». После того как Марк объявил, что он любит Телму Райс, и ушел, чтобы побыть в одиночестве, я позвонила Вере в Нью-Йорк и рассказала, что произошло. Знаете, что я услышала? «Ну и мерзавец!» Я уже знала, что Вера не стесняется в выражениях, называет вещи своими именами, но это уж чересчур, подумала я и спросила:

— Что же мне делать?

— Что тебе делать? — повторила Вера.

Ответом это не сочтешь, однако ж это был ответ. Она напирала на слово «делать», давая понять, что делать надо только одно и спрашивать, что именно, просто нелепо. Но я стояла на своем — хотела, чтобы она была чуть конкретнее:

— Да, что мне делать?

— Тебе *это* нужно? — спросила Вера. — Ты от мужа *этого* хочешь?

Разумеется, совсем не этого. С другой стороны, я хотела именно такого мужа, как Марк. Так, по крайней мере, мне тогда казалось. И что я могла поделать, если Марк не соответствовал Вериным представлениям об идеальном муже? А вот муж Веры вполне соответствует идеалу: его зовут Никколо, у него седая бородка, он носит хлопчатобумажные полосатые костюмы с иголочки и соломенные шляпы чуть набекрень. И Вера говорит, что и теперь, после двадцати лет брака, он в постели ничуть не хуже, чем после свадьбы. Тут есть от чего впасть в уныние, ведь кто, кроме Веры, может такое сказать? Но раз Вера так говорит, значит, так оно и есть; а что еще важнее — и в известном смысле еще хуже, — по ее словам, ни он ей не наскучил, ни она ему, потому что они никогда не рассказывают друг другу одну и ту же историю дважды. Это я от нее услышала, еще когда была замужем за Чарли.

— Никогда? — уточнила я.

— Никогда, — подтвердила Вера, а если ей и случается рассказать что-то дважды, во второй раз она кое-что меняет, чтобы Никколо было интересно.

Я же никогда и ничего в рассказе не меняю, даже *интонацию*, если слушателям мой рассказ нравится. А вот Марк свои байки разнообразит, отчего они становятся раз от разу длиннее. Так, он любит рассказывать про свой первый рабочий день в газете. Он

пришел в редакцию в новехоньком белом костюме, и ему с ходу поручили отмывать копирку. Он отправился в мужскую уборную, открыл кран и вмиг забрызгал белоснежный костюм краской. Отличная история. Марк рассказал ее мне в первую нашу встречу. У каждого есть такие в запасе, мы к ним прибегаем в начале знакомства, чтобы расположить к себе собеседника. Я в этих случаях неизменно рассказываю, как мечтала играть в школьном оркестре на укулеле. Меня спросили, на чем я хочу играть, я сказала: на укулеле. Но в нашем школьном оркестре укулеле нет, объяснили мне. Тогда я спросила, нельзя ли мне играть на инструменте, похожем на укулеле, — да, сказали мне, на альте. Эта история, если ее записать, теряет свою прелесть, но изустно она имеет успех. Словом, к тому времени, когда Марк влюбился в Телму Райс, его рассказ про первый день в газете разросся в повесть.

— Ну и как? — гнула свое Вера. — Ты *этого* хочешь от мужа?

— Пожалуй, нет, — упавшим голосом сказала я и поехала в аэропорт.

Я не уверена, стоит ли все это вам подробно расписывать. Психоанализ как-то странно подействовал на мое умение вести беседу, и, говоря о нем, я себе напоминаю старлетку из передачи «Сегодня вечером»[32]: краем уха услышав про восточную философию, феминизм, групповую психотерапию или любую другую теорию, такая девица уверена, что с ее помощью за восемь минут можно разъяснить все на свете. Припомните какой-нибудь сон, любой, — я разложу его по полочкам и сумею вас окрылить. В свое время у нас с Марком из-за этого начались раздоры. Когда мы только познакомились, ему снился один и тот же страшный сон: за ним гонится Генри Киссинджер[33] с ножом в руке, а я сказала, что на самом деле это за ним гонится его отец; он возразил, что это никакой не отец, а Генри Киссинджер; и пошло-поехало. Так мы препирались месяц за месяцем, пока он не начал ходить на консультации миниатюрной докторицы из Центральной Америки, и та сказала, что на самом деле Генри Киссинджер — это младшая сестра Марка. Пожалуй, если больше не за что, то хотя бы за это я могу помянуть добрым словом ту Святую Деву с Кастаньетами: по крайней мере, визиты к ней положили конец нашему с Марком конфликту на почве психоанализа. Марк быстро переменил свои взгляды. «Что на самом деле тебя гложет?» — стал спрашивать он. Или: «О чем это тебе напоминает?» Или: «По-моему, тон был неприязненный». Или: «Я ведь не твоя мать». Перемена произошла еще до того, как мы официально поженились, и она была мне очень по душе.

Итак, мы поженились, я забеременела, отказалась от нью-

йоркской квартиры и переехала в Вашингтон. Вот уж истинно — на свою голову. Я, завсегдатай театра «Талия», знаток новейших сортов козьего сыра, дока по части лучших путей на Лонг-Айленд, из последних сил старалась не ударить в грязь лицом в городе, где даже приличный бейгл днем с огнем не сыщешь. Не думайте, будто я ною исключительно потому, что я еврейка, но у Вашингтона есть одна особенность: там евреи особенно остро ощущают свое еврейство. И дело не только в том, что там много гоев, а в том, что они подчеркивают, что они гои. Слушайте, там даже евреи держатся по-гойски. Я не жаловалась. Я могу работать где угодно, заявляла я храбро. У меня был новый муж, потом родился новый ребенок, потом я уже ждала следующего, а тем временем у меня появилось много друзей и плита с шестью горелками. Моя книга «Борщ с говядиной дяди Симура» вошла в список бестселлеров, и две недели спустя я увидела свою фамилию в кроссворде, напечатанном в «Санди таймс»: «26 по горизонтали — племянница дяди Симура».

Иногда я летала в Нью-Йорк — то за тем, то за этим — и непременно заходила к Вере. К тому времени курс психотерапии я закончила, но изредка с удовольствием к ней забегала — для подзарядки. У меня все в порядке, правда-правда, говорила я, — много работаю, у нас с Марком все хорошо, малыш чудесный; потом, после сеанса, шла в «Балдуччи»[34], а там тебе и руккола, и красный цикорий, и свежий базилик, и щавель, и сахарный горошек, и шесть видов брюссельской капусты, и я не могла отделаться от мысли: в Нью-Йорке даже овощи и те лучше.

Дело, конечно, не в овощах. Я смотрю из окна на огни, на силуэт города, на прохожих, спешащих в поисках увлекательных занятий, любви и лучшего в мире печенья с шоколадной крошкой, и у меня радостно бьется сердце. Когда я выглядывала из окна отцовской квартиры, оно тоже билось радостно, пусть не совсем в ритме польки, но все же — я была там, где хотела быть. Если уж Марка я потеряю, то хотя бы вернуться сюда и варить опять щавелевый суп точно смогу.

> Возьмите 4 чашки мытого щавеля и аккуратно отрежьте черешки. (Иначе в супе будут плавать волокна, а их можно принять не за волокна щавеля, а за волосы поварихи.) Распустите 4 столовые ложки сливочного масла на сковороде и обжаривайте щавель, пока он не привянет. Добавьте примерно 2 ½ литра куриного бульона и 4 очищенные и мелко порезанные картофелины. Варите 45 минут, пока картофель не станет мягким. Пропустите все через блендер, посолите,

поперчите и добавьте несколько стружек острого красного перца. Остудите, подсолите, добавьте сок 1 лимона и 1 чашку густой сметаны. Подавайте с ломтиками лимона.

На следующее утро в дверь позвонили. Я всю ночь не спала, ждала: вот появится Марк и скажет, что это ужасная ошибка, — любит он только меня, он просто спятил, не иначе, и сам не понимает, что на него нашло, он никогда больше не увидится с Телмой, — лишь бы я тут же вернулась в Вашингтон… Я распахнула дверь, собираясь произнести заготовленную речь: мол, хоть я вовсе не желаю его видеть, я все же подумаю и, быть может, на определенных условиях и вернусь… Но кого же я увидела? Передо мной стоял Джонатан Райс, помощник госсекретаря США и, как я, жертва супружеской измены. Я залилась слезами, и мы упали друг другу в объятия.

— Джонатан! — всхлипнула я. — Вот ужас-то, правда?

— Ужас, — подтвердил он. — Куда катится наша страна?

(Джонатан никогда и ничего не воспринимает в личном плане; он неизменно рассматривает события своей жизни как статистическую составляющую общей картины развития общества.)

В гостиную приковылял малыш Сэм и стал методично сбрасывать с полок книги, а мы с Джонатаном для начала налили себе водки с яблочным соком. Выяснилось, что Джонатан полночи обсуждал сложившуюся ситуацию с Телмой и Марком, потом, поняв, что они не намерены ничего предпринимать, сел на самолет в Нью-Йорк и, так как Марк сказал, что я, скорее всего, живу в квартире отца, поехал сюда.

— Мне до зарезу нужно с тобой поговорить, — сказал Джонатан. — Я люблю свою жену.

Больше я его цитировать не буду — и без того тошно: за сутки, даже менее того, мне пришлось выслушать двух взрослых мужчин, которые, как недоросли, талдычили про Телму. Я люблю Телму, никого, кроме нее, не любил, твердил Джонатан, люблю ее уже девятнадцать лет и буду любить до конца своих дней, хотя Телме наплевать на меня и всегда было наплевать. Она истеричка, утверждал Джонатан, и к тому же неисправимая мечтательница; он пережил уже пять или шесть ее романов с разными мужчинами; тяжелее всего, по его словам, дался ему ее роман с помощником секретаря посольства Китайской Республики[35]. После того как Никсон признал коммунистический Китай, всем работникам посольства пришлось покинуть США, а у Телмы случилось нервное расстройство.

— Она слегла и несколько недель не вставала с постели, — рассказывал Джонатан. — Представь себе мое положение: я ведь работал в отделе азиатских стран. — Он вздохнул. — Разумеется, нормализация отношений между нашими странами психологически стала тяжелым ударом для многих американцев.

И все же, продолжал Джонатан, ему не доводилось видеть, чтобы Телма увлеклась кем-нибудь до такой степени, как Марком, ну а Марк так же увлекся ею; затем он стал пространно описывать подарки, которые Марк преподносил Телме, рестораны, куда он ее водил, и яства, которые они заказывали, деловые поездки, в которых она сопровождала Марка, отели, где они останавливались, еду и напитки, которые доставляли им в номер (еду и напитки в номер! Вот до чего дошло!), и цветы, которыми он ее осыпал на следующий день. От одной мысли о цветах мне захотелось умереть. Подумать только, ее он осыпал цветами, а мне изредка приносил букетик поникших цинний. Марк ничего не делает вполсилы; и если штурмует цель, то штурмует ее безоглядно. До меня наконец дошло, что его месяцами ни на что другое не хватало, кроме как на Телму Райс; и такая тоска на меня навалилась, что даже дыхание перехватило. А Джонатан бубнил и бубнил, описывая все в мельчайших подробностях; в конце концов я даже решила, что он вставил в телефон подслушивающее устройство, иначе откуда бы он все так досконально разузнал — вплоть до того, что они друг другу говорили, но он утверждал, что Телма ему сама все рассказала.

— Мы никогда не обманывали друг друга, — заявил Джонатан и зыркнул на меня — можно подумать, в этой передряге каким-то боком виновата *я*, потому что мой брак держится на обмане. Несколько месяцев подряд я только и делала, что варила яйца и учила моего малыша отличать кота в колпаке от лисички в носочках[36], а Джонатан Райс, помощник госсекретаря, еще и наезжает на *меня*! Что же после этого удивляться, что мы так опростоволосились в Камбодже. Но, раз Джонатан до тонкостей все знал, я спросила, не в курсе ли он случайно, чем именно занимались Марк и Телма четырьмя днями раньше, в тот день, когда Телма написала на детском песеннике: *«Мне захотелось подарить тебе что-нибудь на память о том, что случилось сегодня, — теперь наше будущее прояснилось…»*

Конечно, он знал; он знал всё. Четырьмя днями раньше мой муж, Марк Фелдман, повел свою пассию, Телму Райс, в мебельный отдел «Блумингдейлз»[37] — присмотреть диван Марку в кабинет. «Блумингдейлз»! Вот это предательство так предательство!

— Ноу него в кабинете есть диван, — сказала я.

— В его *новый* кабинет, — уточнил Джонатан.

— Какой еще новый кабинет? — спросила я.

— Он хочет снять кабинет на Коннектикут-авеню, — объяснил Джонатан. — Естественно, ему там понадобится диван. — Он выразительно помолчал. — Какое же любовное гнездышко без дивана? — Он снова смолк. — Без дивана-кровати.

— Я туповата, сама знаю, — сказала я. — Но зачем диван-кровать, все же сообразила.

Телме понравился зеленый, доложил Джонатан, но Марк предпочел другой, обитый коричневым твидом, они почти сошлись на бледно-желтом, но Телма сказала, что цвет чересчур маркий. Я уже пожалела, что начала расспросы, но тут Джонатан перешел к цели своего приезда — а цель у него была: если я вернусь к Марку, считает он, то нам с Джонатаном надо просто перетерпеть, пока их роману не придет конец. Он уже беседовал с кудесницей из Гватемалы, сообщил он, — тут-то я и сообразила, что все трое регулярно у нее консультировались, — и она заверила, что их связь надолго не затянется: Марка заест совесть — он как-никак еврей и детей ни за что не бросит.

— К тому же, — добавил Джонатан, — Марк много чего не знает о Телме, а как узнает, наверняка ее разлюбит.

— Телма тоже много чего не знает про Марка, — сказала я.

— Чего, например? — спросил Джонатан.

— Неважно. Ты же вот знаешь про Телму много чего плохого и все равно ее любишь, и я знаю про Марка много чего плохого, но все равно его люблю, так отчего ты решил, что они разлюбят друг друга, когда узнают, что мы про них все знаем?

— Расскажи мне про Марка что-нибудь плохое, — попросил Джонатан.

Ничего путного на ум не приходило. Марк забывает чистить ногти, *ему нужно про них* напоминать; иногда он говорит, что прочел книгу, а на самом деле осилил страниц пятьдесят, не больше; ему следовало бы чаще навещать свою двоюродную бабушку Минни — та живет в еврейском приюте для престарелых. Вообще-то, если честно, то самое плохое, что я знаю про Марка Фелдмана, это то, что он мне изменил. А хуже и быть ничего не может. Но Джонатану нужно было другое: он жаждал услышать, что Марк — отъявленный плагиатор, или магазинный вор, или не соблюдает законов, чтобы потом принести эти сведения Телме, как верный пес — кость. Бедняга Джонатан. Бедный жалкий песик. Он в самом деле надеялся с помощью доводов убедить Телму разлюбить Марка. Вдобавок я не собиралась ничего ему говорить, но Телма явно уже растолковала, что к чему: где уж Джонатану сравниться в постели с настоящим мужчиной!

Впрочем, давно приевшийся супруг потерпит фиаско от *любого* нового партнера. Мне и правда хотелось его утешить, но едва я открывала рот, как Джонатан выкладывал очередную гадость про моего коварного мужа; так мальчуган лет шести, застенчиво улыбаясь, подходит к вам, берет за руку и тихонько сует в нее змею. Неудивительно, что Телма влюбилась в Марка. Проживи я с Джонатаном Райсом девятнадцать лет — сбежала бы от него с первым попавшимся курьером из службы доставки.

— К Марку я не вернусь, — сказала я. — Сидеть там одна-одинешенька, пока они будут кувыркаться на диване-кровати? Ну уж нет. И ждать, что они друг другу наскучат, тоже не стану.

— Ты — моя единственная надежда, — сказал Джонатан.

Я снова заплакала, он обнял меня и забормотал что-то про плачевное состояние экономики; мы прижимались друг к другу, а он все бубнил про валовой национальный продукт, но тут в гостиную вошел мой отец в спортивном костюме: он сбежал из психушки в чем был.

— Познакомься, пожалуйста, это Джонатан Райс, — сказала я.

— Что ты себе позволяешь при ребенке?! — возмутился отец.

— Все не так, как ты думаешь, — сказала я. — Марк влюбился в жену Джонатана.

— Кто такой Марк? — спросил отец.

— Мой муж, — напомнила я.

— Это все аминазин, — объяснил отец. — Они его столько в тебя всаживают, что не можешь вспомнить, как зовут зятя. А Чарли кто?

— Мой первый муж.

— Сущий болван, — сказал отец.

— Мне казалось, Чарли тебе нравился, — заметила я.

— Я не про Чарли. Про Марка. Это Марк — болван.

— Что же мне делать? — Я снова зарыдала.

Отец мотнул головой — дал понять Джонатану Райсу: ну-ка, парень, отвали, не путайся под ногами. Джонатан отпустил меня и встал, а отец тут же занял его место. Я продолжала всхлипывать, сопеть и хлюпать носом уже в его спортивную фуфайку. Отец утешал меня в стиле «любящий папочка», и я еще больше разнюнилась, отчасти потому, что наш диалог чуть ли не дословно повторял сцену из какого-то полузабытого фильма с Дэном Дейли[38], где папа играл педиатра, и отчасти потому, что при всем при том он произносил свой текст весьма прочувствованно.

— Что же мне теперь делать? — спросила я.

— Ты, золотко, ничего тут поделать не можешь, — ответил отец.

— Кое-что, безусловно, может, — возразил Джонатан. — Она может вернуться к мужу. Если мы проявим упорство, рано или поздно это кончится.

— Джонатан — помощник госсекретаря по Ближнему Востоку, — вставила я.

Отец посмотрел на Джонатана.

— Сдается мне, на такой пост еврея не назначат, — заметил он.

— Это верно, — подтвердил Джонатан.

— Если хотите заключить соглашение, звоните президенту Египта, — сказал отец. — А Рейчел сюда не припутывайте.

И, пожелав Джонатану хорошего полета, выпроводил его за порог. Затем позвонил Люси Мей Хопкинз, своей домработнице, и попросил ее на время переехать к нему — помогать с Сэмом. После чего позвонил в китайский ресторан по соседству и заказал жареный рис с креветками; я люблю жареный рис с креветками, китайской горчицей и кетчупом, особенно когда я не в духе. Ну а потом прибыла Люси Мей, следом за ней китайская снедь, и отец объявил, что возвращается в психушку, потому что всем нам спальных мест не хватит.

— Уж эти мне мужики, — пробурчал он на пороге. — Ненавижу. Всю жизнь ненавидел. Думаешь, почему я всегда вожу компанию с бабами, а не с мужиками? Потому что *так* поступают только мужики. — Он неопределенно махнул рукой в мою сторону, вернее, в сторону моего живота и затрусил по ночной улице.

Я, конечно же, знала, что в психушку он не вернется, а направится прямиком к Франсес. Франсес — его любовница, она работает в компании по производству бумажной продукции и хранит верность моему отцу, хотя он то и дело женится на других женщинах, а ей не перепадает ничего, кроме комиссионных от его заказов на канцелярские товары. Правда, заказы он делает гигантские, отчасти чтобы поддерживать связь с Франсес, а еще — чтобы под рукой всегда был запас чистых листов, на них он пишет нам с Элинор, как и что собирается нам завещать. Два-три раза в месяц отец грозится вычеркнуть меня из завещания, потом одумывается и тогда строчит новое послание. Кроме того, он пишет кучу писем Франсес — заверяет ее, что в конце концов непременно с ней соединится. Я в этом лично убедилась. Однажды он ошибся и перепутал конверты: письмо Франсес сунул в конверт с моим адресом, а мое — в конверт Франсес. Прочитав его письмо мне — а оно было без обращения, Франсес страшно разволновалась: вот, значит, как — *ее* он вычеркнет из завещания; она же не предполагала, что ее имя в нем никогда и не

упоминалось. Почему она терпит моего отца, не понимаю. И почему все мы его терпим. Сказать по правде, не будь он мой отец, я считала бы его как раз таким мужчиной, какие ему ненавистны: это же вероломный и самовлюбленный нарцисс. Причем такого крутого замеса, что я порой забываю, каким он иногда бывает милым.

(А еще, когда мне грустно, я часто ем рагу из копченого бекона.

> Мелко порежьте немного бекона и потомите на маленьком огне, чтобы растопить жир. Добавьте нарезанный кубиками картофель и жарьте бекон и картофель на медленном огне, пока они не зажарятся до хрусткости. Добавьте яйцо и — приятного аппетита.)

IV

Внезапный скачок из приземленного быта в Высокую Драму потряс меня настолько, что, проснувшись наутро, я, честно говоря, обомлела: оказывается, то был вовсе не дурной сон! Конечно, метафора эта затерта до дыр, но ощущение было именно такое: мне снится кошмар, и я понимаю: это — кошмар, потом просыпаюсь, а кошмар все длится, прямо как на знакомой всем картинке на коробке детского питания: малыш ест кашку, а рядом коробка, на которой малыш ест кашку, и так далее без конца.

На второе утро я отчаялась. Проснулась, но продолжала лежать, ощущая, как в животе ворочается ребенок, и думала: что же будет со мной дальше? Разумеется, рано или поздно Марк явится. А если нет? Что тогда? Где я буду жить? Сколько мне потребуется денег? Кто будет со мной спать? Последний вопрос меня особенно интересовал, потому что я и вообразить не могла, что вернусь в свою прежнюю форму. Теперь я всегда буду на восьмом месяце, думала я, и слезы, одна за другой, неторопливо затекали мне в уши; потом вечно буду на девятом месяце, и так на девятом месяце навсегда и останусь. Отныне на меня могут позариться разве что мужчины, привыкшие к теткам с безобразными фигурами; стало быть, речь может идти исключительно о врачах. При других обстоятельствах я о врачах и не подумала бы. Давно, еще в колледже, встречалась я с одним начинающим эскулапом. У меня нарывал палец после того, как я случайно вонзила шариковую ручку в заусенец. Мой кавалер взглянул на него и произнес: «Абсцессы. Диабет». Я перепугалась не на шутку: мне всегда казалось, что евреи чаще других болеют диабетом, хотя таких данных я не знаю. Как-то раз я познакомилась со специалистом по диабету и решила докопаться:

— Можно вас спросить? — начала я, но он меня опередил:

— Вы хотите спросить, правда ли, что евреи болеют диабетом чаще других.

— Да, — подтвердила я.

— Меня все об этом спрашивают, — сказал он. — Нет, это не так. В Индии существует секта, члены которой болеют диабетом чаще, чем евреи.

Он говорил ну прямо как феминистки — те вечно твердят, что доминирующее положение мужчин вовсе не предопределено природой: есть же одно племя в Новой Гвинее, у них мужчины сидят дома и ткут, а женщины охотятся на медведей. Как бы то ни было, диабета у меня не нашли, только нарыв на пальце. С тех

пор я потеряла к врачам всякий интерес. Но кто, кроме них, обратит на меня внимание? Беременная, уже на восьмом месяце, неуклюжая копуша с огромным пузом и кривой спиной, пупок торчит, как плодоножка тыквы, а ступни — ни дать ни взять перезревшие огурцы. Если представить беременность в виде книги, то последние две главы наверняка надо вырезать. Начало восхитительное, особенно если тебе повезло: по утрам тебя не тошнит и не рвет, а также если у тебя, как у меня, грудь как была маленькая, так и осталась. А тут груди вдруг наливаются, и вот уже у тебя роскошный бюст, при ходьбе он колышется; правда-правда, колышется и прыгает: вверх-вниз, вверх-вниз. Ты начинаешь подолгу разглядывать себя в зеркале, играючи берешь груди в ладони, поднимаешь и опускаешь, сдвигаешь, раздвигаешь, смотришь на себя сбоку, нагибаешься, напрягаешь их, чтобы торчали. Ах, эти груди, сказочные, нежные, величиной с абрикос, затем — прелестные, смелые, упругие мандаринки, но потом, когда они уже вот-вот станут персиками, апельсинами, грейпфрутами, канталупами и бог знает какими еще фруктами или овощами — победителями окружных фермерских ярмарок, — у тебя начинает расти живот, и все сравнения теряют смысл перед этим самым настоящим арбузом. Ты в жизни не выглядела такой несуразно огромной. Теперь ты тоскуешь по своему прежнему тощему, далекому от совершенства телу, и хотя здравый смысл подсказывает, что в конце концов ты станешь примерно такой, как и была, но голос здравого смысла заглушают козни твоего организма: ты уже не можешь, как раньше, спать на животе; стоит кашлянуть, и ты непроизвольно окропляешь трусики; соски оставляют пятна на нарядных шелковых блузках; и еще одна неожиданность: ты теперь разбираешься в загадочных недугах, знакомство с которыми рассчитывала отложить вплоть до почтенного возраста, — типа отекших ног, варикозных вен, неврита, невралгии, повышенной кислотности и оскомины.

Оскомина. Вот отчего я так страдаю, думала я, лежа в постели. *Оскомина*. Это слово охватывает все, что со мной случилось. Осложненная *оскомина*. Измеряемая двузначными цифрами. Смертельно *опасная оскомина*. Едва это сравнение пришло мне на ум, как из глаз хлынули слезы; жаль, что я не лежала в теплой ванне, тогда я получила бы еще большее удовольствие мазохистского толка. Нет ничего лучше, чем всласть порыдать в ванне от жалости к себе: вся, с головы до ног мокрая, ты утираешь слезы, но лицо у тебя все равно мокрое, так что слезы значения не имеют.

А не залечь ли в кровати на весь день, подумала я. А может, все же встать, плюхнуться в ванну и остаться на весь день там. А

если никаких других вариантов, кроме этих двух, я не вижу, — может, это уже признак нервного расстройства? — спросила я себя. (Нет, вряд ли.) Не покончить ли мне с собой, мелькнула мысль. Порой я размышляю о самоубийстве — просто чтобы напомнить себе, что оно меня совершенно не влечет, поскольку ничего не решает. В свое время эта тема меня волновала, скоротечный невроз казался страшно романтичным, я мечтала походить на девушек, которые знают названия полевых цветов, умеют выкармливать птенчиков из пипетки, спасают падающих в бассейн жуков, а подчас задумываются, не наложить ли на себя руки. Сейчас, в лучшую пору жизни, я наконец поняла, что ничуть не склонна к неврастении, и смирилась, зато малейшие признаки наличия такого недуга у других меня теперь жутко раздражают. И когда я вижу женщину, которая роняет слезы при виде деревьев, роняющих по осени листья, я знаю, что передо мной набитая дура.

Я взяла пульт и включила телевизор. Шла передача Фила Донахью. Он интервьюировал пятерых лесбиянок, те по такому случаю решили признаться в нестандартной ориентации. Я представила себе, как все пятеро годами ждали достойного предложения; они отвергли Мерва, Купа[39], отвергли Каветта[40] и с презрением посматривали на товарок, которые для такого разоблачения выбирали заурядные оказии, вроде встречи Дня благодарения с папочкой и мамочкой. Эти же дожидались приглашения от самого Фила, чтобы открыться, наконец, на камеру. Лесбиянство я тоже рассматривала как вариант. Оно всегда представлялось мне чрезвычайно изобретательной реакцией на нехватку мужчин, но что касается всего остального — пустые хлопоты. И вдруг до меня дошло: если залечь надолго, то волей-неволей придется смотреть мыльную оперу. Большое спасибо, не надо. Я встала и отправилась в группу.

При обычных обстоятельствах я навряд ли упомянула бы группу. Но если пишешь книгу, то упоминать группу или не упоминать — вопрос непростой: ведь тогда — опа! — придется ввести в повествование шесть новых персонажей. Целых шесть! Хотя в дальнейшем они не будут принимать сколько-нибудь значимого участия в действии, их все равно надо хоть как-то описать по той простой причине, что, если не раскрыть, что происходило в группе, рассказ мой будет не полон. Кто-то, может, и припомнит, что читал про нас в прессе, но сомнительно. А вот если сообщить, что в моей группе была Ванесса Меладо, вы почти наверняка вспомните. То, что в моей группе Ванесса Меладо, оказалось очень кстати: по крайней мере, мне не нужно представлять всех шестерых участников — ведь ее вы видели в

кино. Остальных я назову только по имени: согласно одному из правил групповой терапии, фамилии участников не раскрываются. К Ванессе это, естественно, не относится, она — знаменитость, ее знают все. А когда начали выходить мои книги, члены группы узнали и мою фамилию. Но пока на первых страницах газет не появилось наше общее фото, фамилий всех остальных мы не знали.

Я уже два года не посещала группу: окончила курс перед переездом в Вашингтон. Одно занятие было целиком посвящено мне, оно прошло замечательно. Каждый старался сказать мне что-то хорошее — все, кроме Дайаны; я тоже постаралась сказать что-то приятное каждому, кроме Дайаны. Ив принесла *гривен*[41], то есть рубленый репчатый лук, жаренный в курином жире; Эллис принесла шампанское, и даже Дэн, который никогда не приносил ничего съестного, если не считать крошечной баночки капустного салата, которого на всех не хватило, — даже он принес творожный торт, испеченный по моему рецепту.

Рецепт творожного торта я узнала от Амелии, второй жены моего отца; прежде чем он на ней женился, она много лет была нашей домработницей. Собственно, когда люди отмечали, что у моей матери редкий талант Ладить с Прислугой, они как раз имели в виду Амелию. Она была черная, вернее, темно-желтая и очень крупная (пожалуй, вежливее всего описать ее габариты словом «крупная»); ее так густо усыпали родинки, что она походила на булку с маком. И хотя было ясно, что отец женился на ней главным образом в отместку моей матери, выскочившей замуж за Мела, который считал себя Богом, все равно такое не прощается. Я тоже так считала, но не потому, что Амелия была цветная, толстая и походила на булку с маком, а потому, что отец, женившись на ней, стал задаром получать то, за что прежде платил ей приличные деньги, так что если говорить об умении Ладить с Прислугой, тут, на мой взгляд, был явный перебор. А вот моя сестра Элинор не могла простить отцу этот брак, потому что была уверена: Амелия позарилась на его состояние. После того как Мел, мнивший себя Богом, обобрал нашу мать до нитки, Элинор уже не сомневалась, что оставшаяся половина средств, вырученных за акции «Тампакс», тоже испарится, вернее, будет ухлопана на парики, к которым безгрешная в прочих отношениях Амелия питала страсть.

— У нее этих париков уже не меньше сорока, — говорила Элинор. — Представляешь, сколько она еще накупит, когда его не станет?

Как-то раз я попыталась вызвать сестру на разговор, расспросить, спит ли отец с Амелией. Но Элинор была в таком

бешенстве от их брака, что не желала его обсуждать, даже строить какие-либо предположения и то не хотела. Очень жаль: Амелия была на редкость добродушна и на роль охотницы за состояниями никак не годилась; отец был с ней счастлив, мы же с Элинор были заняты собой, устройством своей жизни. Амелия вкусно готовила, после чего садилась с ним за стол и радостно хихикала над любым его словом. И вообще, кто бы что ни сказал, она неизменно радостно хихикала. Таким образом, рядом с ней любой чувствовал себя затейником, но отцу это очень нравилось. Время от времени он изрекает фразы типа: «Летающая монахиня[42] покрывает все грехи» и ждет, что все зальются смехом; Амелия его никогда не подводила и заливалась смехом, пусть даже остальные пропускали его слова мимо ушей.

А как она стряпала! Что ни приготовит, все получалось наилегчайшим, наислоистым, наинежнейшим, наимягчайшим, наикакимхотите. Стоит она, бывало, в кухне за разделочным столом — месит дрожжевое тесто для булочек, или стругает завитками морковь, или делает шарики из сливочного масла — и поверяет мне свои секреты. Она проникла в тайну чудесного печенья моей бабушки (все дело в сметане), уверяла, что есть только один надежный способ добиться румяной корочки на пироге (все дело в «Криско»[43]). Ее руки, от кончиков пальцев до локтей, были в рубцах от ожогов, и она могла рассказать историю каждого: этот — обожглась, когда запекала курицу на девяностолетие матери, этот — когда впервые жарила картофельные оладьи, этот — след от висевшего над огнем чугунного котла: ей, еще девчонке, поручили присматривать за варевом на берегу речного рукава. Я ей очень многим обязана, и если бы она в конце концов получила кругленькую сумму из отцовского состояния и забила париками всю комнату от пола до потолка, я бы ничуть не возражала. Но Амелия после замужества прожила всего год, и если ей что и досталось от моего отца, то лишь красивое надгробие где-то в Луизиане.

Вот рецепт творожного торта от Амелии; она всякий раз повторяла, что когда-то прочитала его на обертке мягкого сливочного сыра «Филадельфия».

> Раздробите сухое печенье из муки грубого помола и плотно выложите им дно формы диаметром 23 см. Затем смешайте 340 граммов мягкого сливочного сыра с 4 хорошо взбитыми яйцами, добавьте чашку сахара и чайную ложечку ванили, выложите все в форму и выпекайте 45 минут при температуре около 180 градусов Цельсия. Выньте и поставьте остудить на 15 минут.

Взбейте 2 чашки сметаны с ½ чашки сахара, осторожно выложите смесь на торт и поставьте в духовку еще на 10 минут. Остудите и перед подачей на стол уберите в холодильник на несколько часов.

На сеанс групповой терапии я отправилась на метро. К Вере и обратно я всегда добиралась на метро: такая поездка проветривает голову. В вагоне я тут же повернула кольцо бриллиантом вниз, чтобы не привлекать внимание грабителей; потом стала думать, как рассказать сотоварищам про перемены в моей жизни. Я сгорала от стыда и унижения. Всего два года назад я, озаренная заходящим солнцем, уходила от Веры *полностью излеченная*! Чудо из чудес! Только посмотрите, как она идет! И вот я снова возвращаюсь к ним — в отчаянии, едва волоча ноги. Я огляделась. Какой-то японец фотографировал пассажиров. Наверняка турист, но пассажирам все равно было не по себе. Я старалась не смотреть на японца, но удержаться не могла. Однажды мне случилось увидеть в метро эксгибициониста, и я тогда тоже отводила глаза, но с этими эксгибиционистами не так-то все просто: невольно ловишь себя на том, что украдкой косишься в его сторону — не торчит ли еще из штанов его причиндал. Вот почему злиться на них глупо. Я глянула на японца, давая понять — мне, мол, все равно, фотографирует он меня или нет; и если фотографирует не в лучшем виде, мне тоже все равно, но спохватилась: а вот и не все равно. И улыбнулась. Улыбка меня очень красит. Если я не улыбаюсь, может показаться, что я хмурюсь, хотя я вовсе и не хмурилась.

Японец меня сфотографировал и кивнул головой в знак благодарности. Я кивнула в ответ; сидевший рядом мужчина в клетчатой рубашке глянул на меня и подмигнул. Интересно, он холостой? — мелькнуло у меня в голове, — и если холостой, окончил ли колледж? И традиционной ли он ориентации? Потом подумала, как ужасно снова стать одинокой, опять выходить на нью-йоркский рынок невест, где численное соотношение не в мою пользу: на каждого холостого гетеросексуала — двести одиноких женщин, стаи амазонок рыщут по улицам в тщетных поисках подходящего, самостоятельного кандидата в мужья, который закроет глаза на излишек целлюлита. Картина получилась такая мрачная, что я чуть не заплакала, но вовремя вспомнила про японца с фотокамерой. Мне совсем не хотелось, чтобы даже случайный пассажир в метро снимал меня зареванной.

Мужчина в клетчатой рубашке снова подмигнул, и тут до меня дошло: даже если он одинокий, правильной сексуальной ориентации и получил приличное образование, вряд ли стоит

связываться с типом настолько неразборчивым, что он подмигивает в метро беременным женщинам. У тех, кто подмигивает беременным в метро, должно быть, не все в порядке с головой, подумала я. Конечно, у каждого из нас *что-нибудь* да не в порядке, кто спорит, но у этого дядьки сдвиг *капитальный*. Может, он насильник или грабитель. Впрочем, в моем нынешнем состоянии насильники едва ли на меня позарятся, сообразила я, а вот если он грабитель, способный углядеть дорогое кольцо, даже когда оно повернуто бриллиантом вниз, — дело другое. На всякий случай я незаметно сняла кольцо и, непонятно зачем потрогав кожу на шее, ловко опустила его в лифчик.

На Юнион-сквер я вышла из вагона и сразу же увидела Эллиса. Эллис — член нашей группы. Он покупал в киоске попкорн и при виде меня так обрадовался, что опрокинул всю коробку попкорна себе на голову: шарики кукурузы оседали на нем, сыпались на пол, а он стоял и ухмылялся — ни дать ни взять оживший снеговик из стеклянного шара. Тряхнешь такой шар, и внутри идет снег. Я тоже обрадовалась, увидев его, но ему об этом не сказала — это правило групповой психотерапии: за пределами помещения, где проходят тренинги, нам запрещается разговаривать друг с другом. Поэтому всю дорогу до Вериного кабинета мы с Эллисом шли молча.

Вера сидела за низеньким круглым столом и открывала банки и коробки с едой — члены группы принесли их на обед. Ванесса уже была здесь, а также Ив, Дайана, Сидни и Дэн. Они ахали и охали, разглядывая фотографии Сэма, спрашивали, когда ждать второго малыша, и пришли в непритворный ужас, узнав, почему я здесь опять.

Произнести вслух «Мой муж любит другую» очень нелегко. «Моему мужу кажется, что он любит другую женщину», — с трудом выдавила я и залилась слезами. Даже Дайана была явно потрясена, чему я очень удивилась: когда со мной случается что-нибудь кошмарное, она, как правило, лишь ухмыляется. Несколько лет назад я как-то пришла в группу и с порога заплакала, а Дайана лишь ухмыльнулась. А когда узнала, что я плачу оттого, что на меня набросился таксист, была страшно разочарована. Скорее всего, она рассчитывала услышать трагическую историю с серьезными последствиями для моей жизни. Что ж, теперь ее мечта сбылась.

Сидни протянул мне коробку бумажных носовых платков. На наших сборищах Сидни обычно отмалчивается — просто сочувственно подает коробку платков. Я утерла слезы и, стараясь хотя бы не всхлипывать, вкратце рассказала суть. Потом опять заревела, заревела и Дайана.

— Почему все всегда случается с Рейчел, а со мной — никогда? — хлюпая носом, сказала она.

— Сунь свое нытье себе в задницу, Дайана, — бросил Эллис.

— А ты бы и сам не прочь сунуть, — огрызнулась Дайана. — Небось, только так и ловишь кайф.

— Я-то кайф по-разному ловлю, не то что твой муж, — парировал Эллис.

— Кто принес печеночный паштет? — спросил Дэн.

— Я, — сказала Ив.

— Сама делала? — поинтересовался Дэн.

— Купила, — призналась Ив. — Как он тебе?

— Как раз хотел сказать: паштет — пальчики оближешь, — ответил Дэн. — Но теперь не скажу — не хочется.

— На тебя не угодишь, — заметила Ив.

— Ты из недели в неделю придираешься к еде, — вторила ей Ванесса. — А *сам-то* когда в последний раз хоть что-то принес? Когда?

— А сейчас что я не так сделал? — пробурчал Дэн.

— Что ты сделал *сейчас*? — сказала Ив.

— Угадайте, что все это мне напоминает, — сказала Вера.

— Байку про старуху из Владивостока и верблюда, — предположил Эллис.

— Умоляю, только не рассказывай ее опять, — не сдержалась Ванесса.

— Не буду, — сказала Вера. — Но дело не в байке. Почему вы не хотите поговорить о Рейчел?

— Мне страшновато обсуждать Рейчел, — призналась Ив. — Я в Рейчел верю. В Рейчел и Марка. Если уж у них семейная жизнь не сложилась, у кого она может сложиться?

— У Веры с Никколо, — сказал Эллис.

Все хмуро кивнули.

— А та женщина кто? — спросила Дайана.

— Не важно кто, — отрезала я.

— А вот Дайане очень даже важно, — сказал Эллис. — Ей всегда страшно хочется узнать все-все фамилии.

Я рассказала им немного про Телму: что нос у нее длинный, с большой палец величиной, ходит она как пингвин — и почувствовала себя лучше. А Марк просто *шмок*[44], добавила я и почувствовала себя еще лучше. Рассказала, как они втроем консультировались у шарлатанки, приехавшей из Центральной Америки вместе со своей карликовой собачонкой, и посетовала, что теперь даже не могу ходить на свидания — вот ведь какая несправедливость.

— Видите, ей стало лучше, — сказал Эллис. — Она уже

шутит.

— Она шутит, даже когда ей из рук вон плохо, — заметила Вера. — Так что не заблуждайся.

— Зачем ты стремишься обратить все в шутку? — спросила Дайана.

— Ничего подобного, — возразила я. — Просто я стремлюсь сделать из любого события рассказ. Ты что, не помнишь?

— Как ты сейчас себя чувствуешь? — спросила Ив.

— Уязвленной. Злой. Глупой. Несчастной. — Минутку подумала и добавила: — И виноватой.

— Не ты же все это затеяла, — возразила Ив. — А он.

— Но ведь я его сама выбрала, — сказала я.

— Кто бы не выбрал Марка Фелдмана! — вставила Ванесса.

— Никаких фамилий, — напомнила Вера.

— Все равно, это еще не конец, — сказала Ив. — Он вернется.

— И что тогда? — поинтересовалась я. — Это все равно как если бы разбилась красивая ваза, и даже если ее аккуратно склеить — все равно она уже не та, что прежде.

— Точь-в-точь как брак, — сказал Сидни. — Кусочки отваливаются, а ты все стараешься прилепить их обратно.

— Давайте посмотрим на это так, — предложила Ванесса, — не все еще потеряно. По крайней мере, нам даже удалось разговорить Сидни!

Сидни самодовольно улыбнулся.

— Это все, Сидни? — спросил Эллис.

— Да, — ответил Сидни.

— Потому что если у тебя все, тогда скажу я, — продолжал Эллис. — Я хочу заметить, что сравнение неверное.

— Нет, *верное*, — возразил Дэн. — Через некоторое время все начинает расползаться — а ты знай латай!

— Но вот же у Веры с Никколо все иначе, — сказала Ив.

Все опять хмуро закивали.

— Иногда мне хочется, чтобы вы с Никколо разошлись, — обратилась я к Вере. — Ваш брак — укор нам всем.

— На прошлой неделе я встретила Никколо, — начала Ванесса, — и он мне сказал, что порой они с Верой к концу дня все-таки друг друга раздражают.

— Раздражай он меня хотя бы слегка — я бы его убила, — сказала я.

— А при каких же обстоятельствах ты встретила Никколо на прошлой неделе? — поинтересовалась Дайана.

— Они с Верой пришли на премьеру моей новой картины, — сказала Ванесса.

— Дайана, когда ты станешь кинозвездой, я тоже приду на

показ твоего нового фильма, — пообещала Вера.

— Большое спасибо, — отозвалась Дайана. Она — программист.

— Чего ты хочешь? — спросила Ванесса. — Рано или поздно Марк вернется, тебе надо знать, чего ты от него хочешь.

Я задумалась.

— Хочу, чтобы он вернулся.

— А для чего тебе это нужно? — спросил Дэн. — Ты же только что называла его шмоком.

— Хочу, чтобы вернулся, а уж я всласть наору на него и обзову шмоком. И потом, пусть он и шмок, но мой шмок. — Я помолчала. — Еще хочу, чтобы он перестал с ней встречаться. Хочу, чтобы сказал, что никогда ее по-настоящему не любил. Чтобы сказал, что, скорее всего, это было временное помешательство. Хочу, чтобы она умерла. И он тоже.

— Мне кажется, ты говорила: хочу, чтобы он вернулся, — заметил Эллис.

— Да, хочу, — подтвердила я, — пусть вернется, но только в гробу.

Я улыбнулась — впервые за весь этот разговор. И оглядела комнату, надеясь, что мне улыбнутся в ответ, но все смотрели на меня так, будто происходит нечто странное. Молчание нарушил Эллис:

— Ты, случаем, киллера втихую не наняла?

Я обернулась. В дверях стоял мужчина с нейлоновым чулком на голове, в руке он держал короткоствольный револьвер. Обхватив другой рукой мою шею, он рывком поставил меня на ноги и прижал револьвер к виску.

— Всё на стол! — скомандовал он. — Деньги, украшения, ценности. Что-нибудь утаите, и я мигом кокну эту дамочку — вот так.

И, направив дуло в стену, спустил курок. Грохнул выстрел, все подскочили; фотография Теодора Райка[45] в рамке, брызнув осколками стекла, рухнула на пол. Секундой позже со стены свалился рекламный плакат виски «Чивас Ригал» в рамке, с надписью: «Бутылка либо наполовину пуста, либо наполовину полна — как посмотреть».

— Эта картинка меня всегда раздражала, — буркнул Сидни.

— Сейчас не время болтать, — проронила Вера.

Она сняла старинные бусы в несколько ниток, три обручальных кольца тонкого золотого плетения и положила на середину стола. Остальные стали бросать туда же деньги. Ванесса расстегнула золотое ожерелье, которое ей в Мексике подарил Джон Уэйн, — что-то там (не бог весть что) между ними было.

Дайана разыграла целый спектакль: неспешно сняла с себя пластмассовые браслеты и торжественно опустила их в общую кучу.

Мужчина с чулком на физиономии так сильно прижал дуло к моему виску, что я чуть не вскрикнула и закрыла глаза.

— Ваш черед, дамочка, — произнес он.

Я грудью чувствовала бриллиантовое кольцо: еще в метро я сунула его в лифчик. Кольцо подарил Марк, когда родился Сэм. Мы ехали в роддом, у ворот больницы перерывы между схватками уже сократились до пяти минут. В родильной палате Марк неотлучно сидел возле меня, держал за руку, шептал что-то, пел, шутил, делал все как надо. А ведь я не сомневалась, что все будет ровно наоборот: он окажется никчемным отцом, из тех, кто от начала и до конца пребывает в заблуждении, что участвует в родах не меньше жены. А начинается этот самообман с подготовки семейных пар к родам по методу Ламаза[46] — в итоге мужу начинает казаться, что он в положении, — но, уж простите, это не так. Не в его теле растет плод, и схваток у него нет, и болей тоже; все это — ваше бремя. И хоть один мужчина отдает вам за это должное? Уважает вас за это? Нет. Они просто стараются примазаться: держат секундомер, указывают нам, когда дышать, когда тужиться, фотографируют ребенка, который появляется из нашей утробы липкий и грязный, а потом, в застолье, демонстрируют снимки друзьям и твердят, какой это был прекрасный и трогательный жизненный опыт. Но Марк на эту удочку не клюнул. Он просто сидел рядом и тем мне помогал; спокойствие ему не изменило, даже когда врач предупредил: с ребенком что-то неладно, возможно, пуповина обвилась вокруг шеи. У него в лице ничего не дрогнуло, когда он увидел на экране монитора, что ребенок не дышит, так что я и близко не догадывалась, насколько все осложнилось. Он продолжал что-то нашептывать, петь и шутить, пока меня спешно мчали на каталке в операционную и, усыпив, сделали кесарево сечение.

Когда я очнулась, Марк стоял рядом — в маске, в зеленом облачении; он смеялся и плакал, а на руках у него лежал Сэм, наш чудесный Сэм, наше розово-золотистое солнышко, ворковавшее, как голубок. Марк положил его на меня, сам примостился рядом на узкой койке и крепко обнимал нас обоих, пока я снова не заснула.

Два часа спустя я проснулась, и он вручил мне это кольцо: успел выскочить из больницы и купить. Бриллиант в старинной оправе, окруженный крошечными бриллиантиками, был похож на изящный ледяной цветок. Наутро Марк отнес его к ювелиру, и тот выгравировал на нем: «Рейчел и Марк и Сэм».

Мне до сих пор не дает покоя вопрос: как бы я поступила с кольцом в лифчике при других обстоятельствах? Будь у меня выбор? Но выбора не было: мужчина с чулком на голове оказался тем самым типом в ковбойке, он видел в метро, как я опустила кольцо в лифчик. А если бы не видел? Отдала бы я кольцо? Или, рискуя жизнью, держала бы его при себе до последнего? Не знаю. Знаю только, что когда грабитель в ковбойке и с чулком на голове произнес: «Ваш черед, дамочка», он указал на мой лифчик. Так что я полезла в лифчик и отдала кольцо. Так же молча, жестом, он приказал Ив сложить остальное в сумку, что она и сделала.

— А сейчас все — на пол, лицом вниз, — скомандовал он. И, не отводя револьвера от моей головы и прикрываясь мной, стал пятиться из комнаты. — Полицию не вызывать, не то дамочке каюк.

Спиной отворил дверь в коридор и стянул с себя чулок. Мы вошли в лифт и поехали вниз.

— Уж простите за кольцо, — сказал он.

— Пустые слова, — буркнула я.

Он пересек вестибюль и выбежал на улицу. Я поехала обратно, наверх, вошла в Верин кабинет. Вся группа встала, вид у них был чуточку смущенный. Вера пошла звонить в полицию, а мы бросились обниматься. Вообще-то, по правилам обниматься запрещено, но и грабить тоже запрещено, так что мы правилами пренебрегли.

— Полиция прибудет через несколько минут, — объявила по возвращении Вера и обвела нас взглядом: — Вы, наверно, считаете, что я не сумела вас защитить.

— Вера не виновата, — сказала я. — Это все из-за меня.

— Ты вечно твердишь, что ты виновата, — сказала Ванесса. — Что у тебя за страсть себя виноватить?

— А что, Рейчел никогда не бывает виноватой? — спросила Дайана.

— Он приметил меня еще в метро, — сказала я. — Видел, как я сняла кольцо и сунула в лифчик. Судя по всему, он двинулся за мной, но я шла вместе с Эллисом, так что грабить меня на улице ему было не с руки.

— Надеюсь, вы с Эллисом по дороге не разговаривали? — поинтересовался Дэн.

— Нет, — ответил Эллис, — а если бы заговорили, то, скорее всего, о тебе — до чего же ты несносный.

В комнате повисло молчание.

— Ограбление наверняка попадет в газеты, — сказала Ванесса, — и уж в этом буду виновата я.

Все, что бы Ванесса ни сделала, попадает в газеты.

— Вот и хорошо, — обрадовалась Дайана. — Наконец-то мы узнаем, какая у кого фамилия.

— Я должен признаться, — сгорая от смущения, начал Эллис. — Как это ни ужасно, но я почувствовал влечение к тому типу. Это лицо под нейлоновым чулком… Да, влечение, и еще какое…

— А я видела его без чулка, — объявила я.

— И? — оживился Эллис.

— Я тоже почувствовала влечение к нему.

— Ну, ты… Ты же в отчаянии, — заметил Эллис.

— Твоя правда, — сказала я. — Только незачем об этом напоминать.

V

Однажды, примерно за месяц до этих событий, я колдовала на кухне нашего вашингтонского дома: старалась улучшить свой способ готовить яйцо в мешочек за четыре минуты. Рецепт такой:

> кладете яйцо в холодную воду, доводите ее до кипения и сразу же выключаете горелку. Накрываете кастрюлю крышкой и оставляете на три минуты. В итоге через три минуты вы получаете идеальное яйцо в мешочек.

Увы, человечество почему-то не стремится, затаив дыхание, разузнать, как за *три* минуты получить яйцо в мешочек, но даже очевидная бесполезность затеи редко останавливает увлеченного своим делом кулинара, а здравый смысл частенько берет свое уже слишком поздно. (Например, однажды, когда я только делала первые шаги на кулинарном поприще как профессионал, торговцы каперсами наняли меня, чтобы я разработала кучу рецептов с этой приправой. Помнится, я неделями совала их во все подряд, кроме разве что молочных коктейлей, пока в конце концов не поняла: как с каперсами не мудруй, их все равно никто особо не любит. Некоторые только *делают вид*, что любят, но давайте признаемся: те блюда, которых каперсы не портят, без них гораздо вкуснее.)

Как бы там ни было, в четверг днем, в двадцать минут четвертого, я варила на кухне яйца. Время я запомнила точно, потому что, услышав крик, тут же посмотрела на часы. Кто-то кричал, вернее, истошно вопил. Потасовка, подумала я. Потасовка, причем нешуточная: того и гляди кого-нибудь укокошат. Пошла в прихожую, открыла входную дверь. Вопли смолкли. И я вернулась к яйцам. Вечером, едва Марк приехал домой, я ему сообщила:

— Если в нашем квартале сегодня кого-то убили, то произошло это в три часа двадцать минут.

Марк и ухом не повел. Тогда я подумала, что он считает меня типичной домохозяйкой, которая от скуки развлекается, сочиняя романтические приключения и страшилки. Теперь-то я понимаю, что у него тогда только-только начинался роман с Телмой, а в таких случаях все, связанное с женой, его уже не трогало, не забавляло и не интересовало.

Теперь я думаю, что я *и вправду превращалась* в скучающую домохозяйку — но не в такую, которая безвылазно сидит дома и

выдумывает бог знает что, а в такую, которая пытается привлечь внимание мужа, чьи мысли где-то далеко, с кем-то другим. Когда их роман еще только завязывался, что бы мне *тогда* не заподозрить неладное? Эта мысль не дает мне покоя, но убийство в нашем квартале вспомнилось мне не по этой причине, я к нему еще вернусь.

Прошло три дня. Наступило воскресенье. Мы с Марком решили пойти пообедать и видим: на нашей улице полицейская машина. Дверь дома напротив приоткрыта, на полу в прихожей — большое бурое пятно.

— Если в доме обнаружили труп, — обратилась я к полицейскому — он стоял возле крыльца, — то убийство произошло в четверг днем, в три двадцать.

Да, обнаружили. Труп мистера Эбби, смирного человечка, незадолго до смерти начавшего предлагать состоятельным господам услуги интимного свойства. И я оказалась единственным свидетелем! Не стремлюсь нагнетать страсти, но мне всегда хотелось попасть в свидетели, поклясться на Библии, что буду говорить правду, одну только правду, ничего кроме правды, а потом спорить с адвокатами и позировать судебным художникам. И вот моя мечта осуществилась! Но сказать мне было нечего. Вот досада! Причем досадовала не только я, но и детектив Хартман — он расследовал убийство и упорно пытался хоть что-то из меня вытянуть.

— Вам известно гораздо больше, чем вы думаете, — твердил он в надежде извлечь из моей памяти еще какие-нибудь сведения.

— Увы, нет, — отвечала я.

Несколько дней спустя детектив Хартман предпринял еще одну попытку проникнуть в мое подсознание. Он поведал мне много интересного. Выяснилось, что последнее утро своей жизни мистер Эбби провел на мебельном аукционе. Встретил там приятеля, и тот предложил ему пообедать вместе. Мистер Эбби отказался, объяснив, что накануне ночью приметил возле автовокзала некоего черного красавца и хочет его разыскать.

Больше живым мистера Эбби никто не видел.

Эта история меня поразила. Мне не верилось, что можно быть настолько одержимым страстью, чтобы отказаться от обеда, да еще и после аукциона! Себя я привыкла считать человеком здоровым, темпераментным, но мне и в голову никогда не пришло бы отказаться от обеда ради секса. Я сказала об этом Марку. Сказала, что гомосексуалисты отличаются от гетеросексуалов тем, что у них редко бывают постоянные партнеры и либидо сохраняется до более преклонного возраста.

Марк слушал меня с такой скептической миной, что я

невольно подумала: видимо, он про себя дивится, до чего же у меня короткая память. Неужели я забыла первые месяцы нашего романа? Мы же часами напролет кувыркались в постели, любовью пропахло все: воздух, простыни, мои руки, волосы… Неужели я все это забыла?! (Разумеется, не забыла. С другой стороны, из положенных трех трапез в день мы ни разу не пропустили ни одной!) Теперь, когда я знаю про Телму, мне, разумеется, понятно, чем был вызван скептицизм Марка, а в ту пору я так мало знала и о нем, и о его либидо, и о *мужчинах вообще*. Когда же я научусь их понимать? Когда же пойму: не то удивительно, что мужчин, хранящих супружескую верность, мало, а то, что они вообще есть?

Я вижу, что опять отклонилась от основного сюжета, меня опять отнесло назад, к Марку, вернее, к Марку и Телме, но с этим я ничего не могу поделать. Когда случается нечто подобное, теряешь чувство реальности. Теряешь кусок собственного прошлого. Сама по себе неверность — сущая ерунда по сравнению с шоком от мысли, что большая часть твоей жизни была совсем не такой, как тебе представлялось. И тогда что бы ты ни вспомнила — будь то пустячный разговор с мужем в гостях или ужасная смерть мистера Эбби, — тебя мучают сомнения: а так ли все было на самом деле? Посмотрите на супругов. На супругов с ребенком. На супругов с ребенком, у которых на подходе второй малыш. *Что в этой картинке не так?* Выясняется — всё не так.

Но рассказала я про смерть мистера Эбби по причине, не имеющей к измене отношения. Мне просто хотелось, чтобы вы поняли, почему я почти обрадовалась, когда мою группу ограбили: я опять могла выступить в роли свидетеля. И на этот раз я знала, что к чему, в самом деле знала. Я своими глазами видела этого негодяя. И сгорала от нетерпения: пусть меня поскорее допросят под присягой, или как там это у них называется.

В участок нас доставили в полицейском фургоне, что довольно обидно, ведь мы были потерпевшими, но детективу, расследовавшему преступление, предстояло снять столько показаний, что ему требовались стенографистки, машинистки и магнитофоны. Остаток дня мы провели в комнатушке с зелеными стенами, и каждого опрашивали по очереди. Сначала полиция допросила Веру как арендатора помещения, где преступление было совершено, затем Ванессу — самую красивую и знаменитую (я уже смирилась с тем, что Ванесса самая красивая и знаменитая, но тогда меня это страшно раздражало: ведь я знала о случившемся больше всех), потом Дайану — она пригрозила полицейским, что, если она опоздает на свой сверхдешевый рейс

в Лос-Анджелес, отвечать придется им. И наконец детектив Нолан вызвал меня.

Я рассказала ему все. Сообщила, что грабитель был ростом примерно 1 метр 80 сантиметров. Волосы светлые. Глаза светло-голубые, слегка косят. Лицо розоватое, широкое, лоснящееся. Нос длинный, тонкий. Вес примерно 75 килограммов — точно определить вес мужчины я никогда не умела. Толстая шея. Одет в ковбойку в красно-зеленую клетку, поверх нее защитного цвета куртка, ну и джинсы с кроссовками. Первый раз он привлек мое внимание в вагоне подземки, когда меня фотографировал японец. Наверно, он сфотографировал и грабителя.

— Как выглядел тот японец? — спросил детектив Нолан.

— Как все японцы, — ответила я. — Вы же понимаете.

— Понимаю, — подтвердил детектив. — Низкорослый, азиат, одет в темно-серый костюм, на шее фотоаппарат.

— Точно, — согласилась я.

— Что за фотоаппарат?

Я пожала плечами:

— До этого вопроса мне казалось, что я смогу вам помочь.

— Вы уже здорово помогли, — заверил меня Нолан.

— Вы всем так говорите.

— Ничего подобного, — возразил детектив.

— Всем, всем, — сказала я. — Недавно я выступала свидетелем по другому делу, и оперативник меня уверял, что мои показания очень важны, хотя ничего путного я сообщить не могла.

— Чему еще вы стали свидетелем? — спросил детектив Нолан.

— Убийству в Вашингтоне. В сущности, я даже свидетелем не была, лишь слышала крики. А что?

— Просто поинтересовался, — ответил детектив.

— Просто поинтересовались, не того ли я типа женщина, которая притягивает преступников; есть ведь женщины, которые привлекают алкоголиков или садистов.

(Одна моя подруга привлекает карликов. Стоит ей обернуться — глядь, за ней топает очередной карлик. Это ее очень напрягает.)

— Нет, — отрезал детектив Нолан. — Почему в метро вы обратили внимание на того мужчину?

— Он мне подмигнул.

— Ясно.

— Вероятно, я сама виновата: я улыбнулась японцу, потому что, когда я не улыбаюсь, у меня на фотографиях хмурый вид. Тут-то грабитель мне и подмигнул. Может, он не женат, подумала

я. А когда он снова подмигнул, я решила, что он грабитель, и поскорее опустила кольцо с бриллиантом в лифчик.

— Вы говорите, что взглянули на него и с ходу заключили, что он не женат, так?

— Ну, он же мне подмигнул.

— А с чего вы взяли, что он грабитель?

— Да я не то чтобы *решила*, просто подумала, что он, пожалуй, не самый подходящий объект для фантазий. Даже приличного образования, небось, не получил.

— Может быть, вспомните какую-нибудь деталь, которая могла вас насторожить. Пожалуйста, постарайтесь!

— Вроде выпирающего из-под куртки револьвера?

— Да, — подтвердил детектив.

— Вряд ли, — сказала я. — Но он, вероятно, приметил мое кольцо еще до того, как я повернула его бриллиантом вниз; я его взгляд перехватила. Неосознанно, конечно.

— Неосознанно, — повторил детектив Нолан.

— Да, и еще кое-что вспомнила, — спохватилась я. — У того японца на шее болталась карточка с фамилией. Вроде тех, что выдают на конференциях.

— Превосходно, — сказал детектив и вышел. Через пару минут он вернулся и снова уселся за стол.

— А мне, на ваш взгляд, сколько времени потребуется? — спросил он.

— На поиски японца?

— На курс психотерапии, — сказал он. — Сколько он тянется?

— А что с вами? — поинтересовалась я.

— Ничего особенного.

— Девять лет, — сказала я.

— А у вас сколько лет ушло?

— Девять. Правда, мне пару лет скостили за хорошее поведение, но сейчас хоть начинай сначала. А ведь тогда у меня ничего серьезного не было. Только потому и сочли, что меня можно выпустить в мир. Те, у кого по-настоящему серьезные проблемы, проходят курс пожизненно.

— А девять лет назад вы почему решили пройти курс? — спросил Нолан.

— Я хотела развестись.

— С тем парнем, который вас мучает сейчас?

— С первым мужем, — уточнила я и посмотрела на него. — Это Дайана вам рассказала? Она, кто же еще. Вот стерва.

— Простите, если сыплю вам соль на раны, — сказал детектив. — Тем более что это даже не относится к делу. Хотя и

объясняет, почему вы стали гадать, женат тот тип в подземке или нет.

— Верно, — согласилась я.

— А я стал подумывать о курсе терапии потому, что никак не могу решить, делать мне пересадку волос или нет, — признался Нолан.

— У вас же прекрасные волосы, — сказала я.

— Парик, — объяснил детектив.

— Выглядят совершенно как свои.

— Правда? — обрадовался он.

— Вне всяких сомнений.

— Я с вами поделился, чтобы немного нас уравнять: я знаю ваши секреты, вы — мои, — пояснил он.

— Не думаю, что вы нуждаетесь в психотерапии, — заметила я. — По-моему, вы единственный человек в Штатах, кому она без надобности.

Допрос закончился, я оставила детективу Нолану телефон отца и мой вашингтонский номер, на всякий случай. И только прошмыгнув мимо газетных репортеров и нырнув в метро, я задумалась: а Нолан женат? Он был не совсем в моем вкусе; ну а те, кто вполне в моем вкусе, сильно меня осчастливили? Интересно, он обрезан? Была бы я счастлива замужем за полицейским? До чего же я пошлая закомплексованная баба! Даже мои фантазии о мужчине непременно завершаются воображаемым браком.

Я бросила копаться в собственной душе. Во-первых, я приехала на свою станцию и вышла из вагона. Во-вторых, мне было ясно, что это самокопание ни к чему не приведет. И я твердо знала, что в отцовской квартире застану Марка.

Так оно и вышло.

VI

С Марком Фелдманом я познакомилась в Вашингтоне на вечеринке у моей подруги Бетти. Мы с Бетти Серл учились в колледже и после окончания даже собирались поселиться вместе. Но в один прекрасный день Бетти заявила, что раз я — брюнетка, мне место в Нью-Йорке, а она — блондинка, стало быть, ей место в Вашингтоне, и она была права. Бетти уехала в Вашингтон, стала звездой местного телешоу и прославилась своими обедами и многочисленными интрижками с виднейшими представителями американских левых.

Каждое Рождество она устраивала прием, на который съезжался весь вашингтонский бомонд, и однажды там появился Марк. Я его узнала, как только он вошел, поскольку видела его в телепередаче «Встреча с прессой»: такую бороду век не забудешь — черным-черная, но слева, из-за депигментации кожи, белеет седая прядь. Прямо как у скунса, подумаете вы и будете правы, но выглядит это очень необычно и по-своему привлекательно.

Меня всегда тянуло к таким мужчинам: я ведь тоже необычная и привлекательная, у меня больше шансов покорить их, чем общепризнанных красавцев, полагала я. (Сами знаете, рыбак рыбака и т. п.) Моей маме очень понравилась бы борода Марка Фелдмана. «Точно шрам — а все ж таки не шрам», — сказала бы она.

Марк — обозреватель, его колонки печатают в самых разных газетах, вот почему я уже видела его по телевидению. Он пишет про Вашингтон так, будто это город как город (что совсем не так) и в нем живут богатые и своеобычные люди (что тоже не так). Суждения Марка о политике, как правило, идут вразрез с общепринятым мнением. Например, многих пугает, что вашингтонские власти не справляются со своими задачами; и прекрасно, что не справляются, уверяет Марк, потому что, если бы они справлялись, они бы провернули что-нибудь такое, что всем нам пришлось бы несладко. Этакий изощренный цинизм, но Марку он сходит с рук.

— Держись от него подальше, — шепнула Бетти, заметив, на кого я уставилась.

— Что так? — поинтересовалась я.

— Не то жди неприятностей…

— Учи ученого, — хихикнула я.

Короче, Марк Фелдман пригласил меня в ресторан. За ужином он рассказывал о своем первом дне в газете, я — о том, как мечтала играть на гавайской гитаре в школьном оркестре. А

потом мы оказались в постели, где и провели около трех недель. Периодически он вставал, чтобы написать очередную колонку, а я — чтобы справиться у своего нью-йоркского автоответчика, должна ли я срочно покинуть Вашингтон. (Нет, необходимости не было.)

Так или иначе, в конце концов мы встали и вышли прогуляться неподалеку от Пеншн-билдинга[47], огромного, квадратного строения, по периметру которого тянется многофигурный барельеф: тысячи вооруженных солдат времен Гражданской войны натужно тянут пушки, фургоны и лошадей.

Мы поднялись по ступеням, и смотритель впустил нас во внутренний двор. Уже почти стемнело, служитель вернулся в зал, зажег свет. И внезапно передо мной открылось обширное пространство в центре здания, где высокие, в три этажа колонны поддерживали потолок из свинцового стекла. Долгие годы здесь устраивались балы в честь инаугурации президентов. Из радиоприемника смотрителя лилась старая песня Синатры. Марк протянул ко мне руки.

— Я не танцую, — запротестовала я. — Никогда не умела.

— Рейчел, я в тебя верю!

И мы стали танцевать.

— Я же тебя предупреждала…

— Уж я-то ногу тебе не отдавлю, — заявил Марк.

— Не сомневаюсь, — сказала я.

— И напрасно. — Слегка отступив, он положил правую руку себе спереди на талию, а левую — на талию сзади. — Вот так, — сказал он. — Сейчас соответствующая часть твоего тела на три минуты станет моей. Потом я ее тебе верну. А теперь — не сопротивляйся.

— То есть я должна довериться тебе.

— Именно.

— *Следовать* за тобой.

— Именно.

— О боже! — пробормотала я.

— Ты сможешь, Рейчел, — и он снова протянул ко мне руки. Мы продолжили танцевать. Я закрыла глаза. И расслабилась. И кто только мне это не советовал: расслабиться уговаривает меня мой парикмахер, а также стоматолог, тренер по фитнесу и примерно дюжина теннисистов, безуспешно пытающихся улучшить мой удар слева, но, думаю, именно в эти три минуты, пока я танцевала с Марком Фелдманом в Пеншн-билдинге, я единственный раз в жизни действительно расслабилась.

— Получается! — изумилась я.

— Я люблю тебя, — сказал он.

Словом, мы полюбили друг друга. Полюбили безумно. Носились друг к другу из Вашингтона в Нью-Йорк и обратно на автобусах «Восточного экспресса»[48], бесконечно названивали друг другу по межгороду. Я подружилась с его близкими друзьями, он — с моими близкими подругами. Это был период подарков, концертов и гигантских омаров в ресторане «Палм», но однажды, прилетев в Вашингтон, я помчалась в квартиру Марка и обнаружила и пепельнице окурок сигареты «Вирджиния слимз». *Кто сидел на моем стуле и ел мою кашу?* Марк сказал, что окурок оставила домработница. Я возразила: та курит «Ньюпортс». Тогда он сказал, что это бычок его сестры. Я напомнила, что она бросила курить. Он заявил, что, скорее всего, стрельнул сигаретку в газете — у младшего редактора. Я сказала, что даже она не настолько глупа, чтобы курить «Вирджиния слимз». Тут Марк вскипел: если бы он хотел жить с пинкертоном, заявил он, то так бы и поступил! С какой стати я ему не доверяю?! Тогда вскипела я: если он намерен стрелять сигаретки — ради бога, заявила я, но уж хотя бы «Мальборо», чтобы не вызывать у меня подозрений; а сейчас прошу оказать мне любезность — отправить окурок в мусорное ведро!

Следующий звоночек прозвенел на приеме: Марк отмечал выход своей книги о Вашингтоне. Тогда-то я и заметила, что он болтает в дальнем углу с репортершей из «Сидней морнинг геральд». Внезапно она захохотала, причем даже хохотала она с австралийским акцентом. Я подошла к ним и демонстративно взяла его под руку.

— Ой, а Марк мне сейчас рассказывал о своем первом дне в газете, — сообщила девица. — Умрешь со смеху.

А потом он отправился в тур по стране — рекламировать свою книгу.

— Привет, меня зовут Эрд Капсинет, и сегодня у меня в гостях Марк Фелдман, известный обозреватель, чьи колонки публикуют все крупные газеты, он же — автор нового бестселлера «Возвращение к власти»; Тоби Брайт, директор Института исследования сексуальных проблем и тоже автор бестселлера под названием «Успех в постели»; Гарольд Вильсон, бывший премьер-министр Великобритании; а также Грэм Керр, ведущий кулинарного шоу «Гурме по-быстрому», Грэм пришел к нам поговорить об Иисусе Христе.

Пару дней спустя мы с моей подругой Мери пошли в закусочную на Шестьдесят первой улице пообедать, там-то я и увидела по телевизору это шоу.

— А я случайно встретилась с Марком, — говорит Мери.

— Когда?

— Пару дней назад, в Чикаго, он туда приехал в рамках рекламного турне: представлял свою книгу.

— И где же ты с ним встретилась?

— «Плейбой» устраивал презентацию какой-то книжки.

— И?

— Он держался очень мило, — говорит Мери. — А там поди разбери… Народу куча, и вообще… — Она поковыряла вилкой рататуй.

— Мери?

— Я беспрестанно об этом думаю. Понимаешь? Будь я на твоем месте, чего я ожидала бы от себя самой? А ты-то что думаешь?

— Думаю, что страдать заставляют двое: и тот, кто причиняет боль, и тот, кто раскрывает тебе глаза.

— Понимаю. Вот черт.

— Но я правда хочу, чтобы ты мне все рассказала. Кто она?

— Та, что написала книгу о сексе, — отвечает Мери.

— Они были вместе на приеме, — заключаю я.

— Да, и после. В отеле.

— Вот ублюдок, — вырывается у меня.

— Пойми: у него только что вышла серьезная книга, вот он и решил гульнуть, но это же ненадолго.

— Знаешь, у меня тоже вышла книга, — говорю я. — Меня тоже показывали по телевизору в кулинарной программе Купсинета. Но я же не прыгнула в койку к «Гурме по-быстрому», а ведь он тогда еще и не думал бредить Иисусом Христом.

— Мне так худо — хуже не бывает, — говорит Мери.

— И ты туда же?! Худо мне, а не тебе, так что твоя хата с краю.

— Несправедливо все это, — говорит она. — Ты в отношениях разбираешься куда лучше меня… Ты же ходила на групповую терапию.

Мы, естественно, могли без конца обсуждать, зачем Мери мне рассказала про Марка. Но я даже рада этому, тем самым она уберегла меня от жестокого удара в дальнейшем; и все равно — только диву даешься… Как бы там ни было, мы с Марком разбежались. Я полетела в Вашингтон за своими пожитками, и там мы сцепились; он бросил мне в лицо самое, с мужской точки зрения, оскорбительное обвинение: для меня главное — выйти замуж (мужчины сплошь и рядом бросают женщинам это обвинение). Потом отвез меня в аэропорт, а там, посреди аэропорта, моя дорожная сумка лопнула — и все мои сковородки, венчики и кулинарные книги вывалились на асфальт, тут мы с Марком снова сцепились, но уже по другому поводу: чей томик

Джулии Чайлд, мой или его (книга была его). Все, конец.

— Выходит, ты с самого начала знала, что он не подарок? — спросила меня Вера, узнав о нашем разрыве. Она всегда делает такие заключения, и, хотя в принципе я с ней согласна, они меня крайне раздражают.

— Разумеется, знала, — отвечаю я. — Я же тебе сразу так и сказала, как только познакомилась с Марком. Помнишь, что ты ответила? Что у всех есть скелет в шкафу.

— Ничего подобного я не говорила, — протестует Вера.

— Точно *говорила*, — возражаю я.

— Я сказала только, что люди способны меняться, — не сдается она. — Ну а если ты в это не веришь, зачем сюда ходишь?

— Спонсировать твои кафтаны, — говорю.

Зазвонил телефон, Вера взяла трубку.

— Какую долю прибыли обещают от тиража в бумажной обложке? — спрашивает она того, кто ей звонит. — И что сказал ваш агент? — Она кивает. — Ладно, требуйте сорок-шестьдесят сверх двухсот пятидесяти тысяч. — Она кладет трубку и поворачивается ко мне.

— Думаешь, я выбрала Марка потому, что заранее знала, как все сложится? — спрашиваю я.

— Разве я так говорила? — спрашивает Вера.

— Тебе и говорить не надо, и без того все ясно.

— Да?

— Да. Да!

— Я тебе не рассказывала про то, как старик решил купить лошадь? — спрашивает Вера.

— Пока не знаю. Все твои истории начинаются похоже.

— Словом, идет старик за лошадью. Лошадник ему говорит: «За пятьсот рублей продам тебе отличного конягу». «А что у тебя еще есть?» — спрашивает старик. «Ну, за сто пятьдесят могу продать осла. Он долго не протянет, но из Киева до Вильно тебя довезет». Купил старик осла, а тот через две недели издох. Старикан опять пошел к барышнику и говорит: «Откуда мне было знать?..»

— Это история о чем? О том, какая ты умная, или о том, какая я дура? — спрашиваю я.

— Обо всем сразу, — отвечает Вера.

— Ну, на этот раз мне все же посчастливилось: в этой твоей притче я выступаю в человеческом обличье. В прошлый раз ты мне тоже рассказала русскую байку, но там я была корзиной с цыплятами.

Повисла долгая пауза.

— Ну? — не выдержала Вера.

— В двух словах не объяснишь, — говорю. — Ты хочешь все разложить по полочкам. Думаешь, я просто стою себе, глаза пялю, а мимо топает армия мужиков, и все орут: «*Меня* выбери, *меня!*», я же, как всегда, выбираю самого завалящего. В жизни все по-другому. Мне даже не удается подыскать мужчину, который жил бы в одном со мной городе.

— Ерунда, еще удастся, — говорит Вера.

А вот и нет, не удалось. Мой следующий возлюбленный жил в Бостоне. Он научил меня готовить грибы. От него я узнала, что сначала надо сильно разогреть сливочное масло и, когда масло раскалится, высыпать в него немного грибов — они получаются очень аппетитными, золотистыми и хрустящими. Если же масло разогреть недостаточно и грибов сыпануть много, то они пустят сок и размякнут. С тех пор всякий раз, когда готовлю грибы, вспоминаю того моего приятеля. В юности я встречалась с парнем, так вот он учил меня добавлять сметану во взбитые яйца, но поскольку я никогда не кладу сметану в омлет, то никогда не вспоминаю о нем.

Потянулись недели. Дважды в месяц я летала на выходные в Бостон. И дважды в месяц бостонец прилетал ко мне в Нью-Йорк. Я увлеченно искала способ добиться идеально румяной, хрустящей корочки на пироге и была совершенно счастлива. И тут объявился Марк. Он возник внезапно, бурно каялся и осыпал меня подарками. Слал мне цветы, слал драгоценности, слал шоколадные наборы, причем не чрезмерно изысканные, швейцарские, а наши, американские, с орехами; жевать их — одно удовольствие. Он названивал мне, вел беседы, как завзятый психоаналитик. Сказал, что совершил самую страшную ошибку в жизни, что мечтает меня вернуть, что будет вечно любить меня и никогда-никогда не заставит меня страдать. Сказал, что хочет на мне жениться. Сказал, что мне пора свыкнуться с этой мыслью. Сделал мне предложение на самой загруженной линии нью-йоркской подземки, предложил стать его женой в автобусе, что идет по Сорок девятой улице через весь город. Он так часто умолял меня выйти за него, а я ему так часто отказывала, что, если он пропускал день-другой, я начинала тревожиться. Он осаждал меня сутками. Разглагольствовал о детях.

— Давай споем все свадебные песни, которые только вспомним, — однажды утром предложил он. И запел о любовном гнездышке, увитом розами.

— Представь, — запела я в ответ, — *во что* это гнездышко может превратиться через год.

Я не хотела выходить за Марка по двум причинам. Во-первых, я ему не доверяла. Во-вторых, я уже побывала замужем. Марк

тоже уже был женат, но это не в счет, потому что настоящий брак — это такой, в котором вам не хочется снова вступить в брак. Первую жену Марка звали Кимберли. (И он уверял, это была первая Кимберли среди евреек.) Они прожили вместе меньше года, но ему хватило впечатлений на всю оставшуюся жизнь.

— Моя жена, первая еврейская Кимберли, — заводил Марк, — была такой скупердяйкой, что готовила рагу из остатков блинчиков.

Или:

— Моя жена, первая еврейская Кимберли, из скупердяйства как-то раз пыталась продать ношеный чулок грабителю в качестве маски.

Сказать по правде, первая еврейская Кимберли и впрямь была скупердяйкой, она пускала в дело всё, включая отходы, и однажды, решив сделать бренди из старых вишневых косточек, взорвала их квартиру со всем имуществом.

Мой первый муж тоже был скупердяем, но это был наименьший из его пороков. Сущий псих, он старательно стирал в ежедневнике запись о любой встрече, так что к концу года тот становился девственно чистым.

Этот псих держал хомяков, давал им симпатичные имена, к примеру Арнолд или Ширли. Он обожал их, вечно натирал им на мелкой терке овощи и в зообутике, что в Риго-Парке[49], покупал для них крошечные свитерочки. Он был такой псих, что, подавившись однажды рыбьей костью, с той поры больше рыбу в рот не брал. Лук он тоже не ел, утверждая, что у него на лук аллергия. Неправда! Я это знаю точно, поскольку тайком клала лук во все подряд. А вы попробуйте приготовить что-нибудь без лука.

— Это что, лук? — вопрошал Чарли, щурясь на маленький полупрозрачный кусочек, выловленный из соуса к порции бескостного мяса.

— Нет, сельдерей, — успокаивала я.

Но его не проведешь, и всякий раз после еды на краю его тарелки оставалась ровненькая стопочка малюсеньких полупрозрачных кусочков. А какой аккуратист! Устилая газетой клетку хомяка, мой первый муж тщательнейшим образом загибал уголки — так в хорошей больнице заправляют постели.

А развелась я с Чарли (хотя вы, наверно, поражаетесь тому, что я не ушла от него через минуту) не оттого, что он спал с моей давнишней подругой Брендой, и даже не оттого, что он подцепил от нее лобковых вшей, а оттого, что Арнолд умер. Его смерть меня очень огорчила, ведь Чарли был к нему привязан и воображал его по-настоящему разносторонней личностью, чему

Арнолд изо всех сил старался соответствовать. Хомяки обычно на такое не способны, но Чарли придумал для хомяка яркий образ и множество всяких хомячковых шуточек, всякий раз уверяя, что Арнолд сам до них додумался; предметом шуток был в основном мелко нарезанный салат. Чарли — мне, право, неловко об этом рассказывать — частенько говорил за Арнолда высоким, писклявым голосом, а я, стыдно признаться, отвечала ему тоненько и визгливо, будто я Ширли. Если вы замужем за человеком, обожающим домашних питомцев, у вас тоже поедет крыша, но на это мне было наплевать. Вышла я за Чарли в двадцать пять лет и одиннадцать месяцев и — простофиля — благодарила Господа за то, что успела выскочить замуж до двадцати шести, а не то вышла бы в тираж.

Словом, когда Арнолд помер, Чарли отвез хомяка в одно из этих криогенных предприятий, чтобы его там заморозили. Обошлось это не дорого: тельце-то было малюсенькое, и даже за хранение не пришлось платить: Чарли привез Арнолда домой в красивом мешочке с резиновым ремешком и сунул его в морозилку. А я представила себе, как Кора Бигелоу, наша домработница, в один прекрасный четверг наткнется на него в морозилке и примет за новомодную вымороженную картофелину в пакете для варки. То-то огорчится Чарли, когда полезет в морозилку пристроить малюсенький букетик цветов к месту последнего упокоения хомяка, справа от поддона для льда. Ну и как же, по-вашему, я должна была поступить с таким первым мужем? Только развестись. Больше того, разведясь с таким первым мужем, вы ни разу о нем не вспомните. Ни разу не подумаете: боже, как жаль, что рядом нет Чарли! Он помог бы мне в трудную минуту. Но Чарли всеми силами избегал любых трудностей. Он лишь записывал их в свой ежедневник, а потом, когда проблема без его вмешательства разрешалась, стирал записи.

Прожив с Чарли шесть лет, я от него ушла, причем последние два года, если не больше, наш союз уже дышал на ладан. В таких случаях многие семейные пары, вместо того чтобы положить конец неудачному браку, пытаются его склеить, и способы эти всем известны: купить дом, завести интрижку на стороне или родить ребенка. А в начале семидесятых было как минимум еще два. Можно было записаться в группу развития самосознания и раз в неделю собираться вокруг тарелочки с сыром и чесать язык с семью такими же несчастливыми в браке женщинами. Или до хрипоты без толку спорить с мужем о том, кому и что делать по дому, вновь и вновь пытаясь спихнуть с себя хоть какие-то обязанности. Тысячи семей проходят этот этап с одним и тем же

результатом: мужья соглашаются убирать со стола. И убирают. После чего победно озираются в ожидании заслуженной медали. Убирают в надежде, что больше ничего делать не придется. Убирают со стола в надежде, что эта дурь скоро пройдет. Она и проходит. Феминизм сошел на нет, и очень часто вместе с женами. Они уходили в мир — наконец-то свободные, вновь одинокие, и там им открывалась ужасная правда: они были товаром на рынке, только покупателей было маловато, и единственным реальным достижением феминизма семидесятых стала возможность платить за себя в ресторане.

Я оставила Чарли все — кооперативную квартиру, загородный дом, а также Ширли, Менделя, Мэнни и Флетчера. Забрала свои вещи, кулинарные принадлежности и пару кушеток, купленных мной еще до замужества. Я забрала бы и журнальный столик, да Чарли его не отдал. Пока мы с Чарли препирались, грузчик читал мою книгу «Мы сами и наше тело»[50] — главу про самостоятельный вагинальный осмотр. У нас же три журнальных столика, сказала я, ты бы хоть один отдал мне. А ты забираешь обе кушетки, возразил он, и на чем прикажешь мне сидеть? Я напомнила, что кушетки я привезла в качестве приданого, в то время как все три столика были куплены *во время нашей совместной жизни*, и я имею право *хотя бы на часть* совместно нажитого имущества. Можешь забрать Менделя, сказал Чарли. Я заявила, что Мендель даже для хомяка полный отстой.

Тогда Чарли заявил, что тоже внес в общий семейный котел кое-что из мебели, но та мебель ушла к моей матери, когда она уезжала с Мелом — тем самым, кто считал себя Богом, — и только мы ту шведскую мебель и видели. Я заявила, что модерновый хлам, который он отдал моей матери, был гаже некуда, так что Мел сделал нам большое одолжение, избавив нас от него. Чарли заявил, что ни за что не отдаст мне журнальный столик, так как понял, что вместе с кухонной утварью я увожу и нож для чистки моркови, и теперь он не сможет готовить обед для Ширли и мальчиков. Уже направившись к выходу, чтобы купить новый нож для чистки моркови, он бросил, что никогда не простит мне хамства насчет Менделя. После переезда грузчик торжественно пожал мне руку и сказал:

— У меня было пять таких же разъездов на этой неделе. Ваш — еще куда ни шло.

Позже Вера, конечно же, сказала, что я сама все подстроила, по-другому и быть не могло, — подстроила так, чтобы Чарли ни при какой погоде уже не мог отдать мне журнальный столик; и теперь, когда я завершаю свою семейную жизнь, меня будет греть сознание, что Чарли скупердяй, как я всегда и говорила.

— Ты и выбрала его потому, что его тараканы замечательно сочетались с твоими, — заключила Вера.

Я люблю Веру, правда люблю, но *разве не может с тобой произойти хоть что-нибудь, чего ты сама никак не предусматривала?* «Ты выбрала его, зная, что у вас не срастется». «Ты его выбрала, потому что ваши тараканы прекрасно сочетались». «Ты выбрала его, зная, что он будет тебя подавлять, точь-в-точь как твои родители». Со всех сторон только это и слышишь, но правда заключается в том, что кого бы ты ни выбрала, все равно не срастется; ваши тараканы будут отлично сочетаться, но от этого легче не станет: он будет тебя подавлять, точь-в-точь как твои родители.

«Из всех мужчин на земле ты выбрала того, с кем будет трудно». «Из всех мужчин на земле ты выбрала того, кто тебе совсем не подходит». Никакого откровения во всем этом нет, просто такова жизнь. Всякий раз, стоит оглянуться, и ты выбираешь того единственного, с кем связываться никак не стоит. Возможно, психиатр Роберта Браунинга[51] ему тоже что-то подобное говорил: «Забавно, Роберт, не правда ли? Из всех лондонских дам вы выбираете именно эту, безнадежно больную и вдобавок влюбленную в собственного отца». Давайте посмотрим правде в лицо: жизнь не стоит связывать практически *с каждым встречным*.

Да и о каком выборе речь? Кто кого выбирает? Учась в колледже, я составила список: какими качествами должен обладать мой будущий муж. Список длинный-предлинный. Мой избранник должен быть членом Демократической партии, постоянным подписчиком «Нью рипаблик»[52], игроком в бридж, быть способным к языкам, должен бегло говорить по-французски и отлично играть в теннис. Конечно, не лысый, не толстый и не волосатый. И чтобы у него были длинные ноги, узкие бедра и веселые морщинки у глаз. Потом я повзрослела и удовольствовалась умеренным психом, обожающим хомяков. Вначале муж казался мне очаровательным оригиналом. Очарование быстро прошло. Взамен возникло желание его укокошить. Всякий раз, когда он куда-нибудь улетал, я воображала авиакатастрофу, похороны и начинала прикидывать, что надеть по такому случаю, как я буду флиртовать кое с кем из собравшихся у гроба мужчин и когда можно будет ходить на свидания.

Неужели в браке неизбежно наступает время, когда любая мелочь тебя раздражает и ты впадаешь в бешенство оттого, что муж курит, кашляет поутру, роняет крошки и все преувеличивает, а машину водит, как полный псих, и ты готова на стену лезть от

его любимого присловья «между нами говоря»?.. В один прекрасный день ты влюбляешься в другого, и в новом избраннике тебя особенно привлекают качества, которых у тебя нет; потом ты выходишь за него замуж, и эти различия начинают сводить тебя с ума.

Ты влюбляешься в другого и начинаешь себя убеждать, что тебя не колышут ни политика с бриджем, ни знание французского, ни теннис; а как выйдешь замуж, сходишь с ума от мысли, что живешь с человеком, которому до лампочки, кто у нас баллотируется в президенты. Наступает новый период, психотерапевты называют его страхом близости; уж не слишком ли ты привязана к матери или, может быть, не в силах оторваться от отца? Но, по-моему, все дело в том, что ты просто не способна ни с кем сжиться.

Вскоре в браке не остается ничего, кроме взаимного раздражения; за ним изредка следуют извинения или краткие диалоги о том, какой стул поставить в кабинет и к кому пойти на ужин. В конце концов дело сводится к вашему общественному имиджу. Вы — семейная пара. Вы всюду появляетесь вместе. И когда вы в конце концов расходитесь, грузчик, приехавший перевозить мебель, сообщает, что ваш разъезд — «еще куда ни шло». Хотя хуже и быть не может. Пусть вы давно мечтали разойтись, все равно это ужас.

Я разматываю перед вами этот клубок, чтобы стало понятно, почему я всячески пыталась избежать следующего брака. Мне представлялось, что желание создать семью — а его, как ни грустно признать, я считаю главным, фундаментальным желанием каждой женщины — практически сразу вызывает не менее главное и фундаментальное стремление вновь стать свободной. Но ведь речь шла о Марке — чудесном, с огромными карими глазами, с букетами дивных роз. С обещаниями любви до гроба. *«Я буду любить тебя вечно… Не часы, не дни, не годы, а целую вечность».*

Я долго не верила ему. Потом поверила. Поверила в то, что он изменился. Поверила в перерождение. Поверила в искупление. Поверила в Марка. И вступила в этот брак настолько добровольно, насколько это вообще возможно, — вопреки всем доводам рассудка. Вышла замуж, ни на йоту не веря в институт брака, понимая, что любовь проходит, страсть гаснет, — и меня охватил романтический порыв такой силы, на какой способен только циник. Теперь я это понимаю. А тогда ничегошеньки не понимала. Я искренне полагала, что Марк урок усвоил. К сожалению, усвоил он не тот урок, на который рассчитывала я, а совсем другой: со мной можно поступать как угодно, и ему все

сойдет с рук.

VII

— Тут он, ваш муж, — сообщила Люси Мей Хопкинс, открыв дверь отцовской квартиры, и закатила глаза.

Сорок лет назад Люси отказалась от всех мужчин ради Иисуса Христа и понять, почему женщины не следуют ее примеру, не могла. Я вошла в гостиную. Марк сидел на кушетке и читал Сэму книжку. Увидев меня, он кивнул и продолжил читать. Я обратила внимание на блейзер, наброшенный на спинку кресла. Новехонький блейзер. Этот человек разбил мне сердце, а потом отправился покупать новый блейзер! К моей досаде, блейзер был отличный. Я пощупала его.

— «Бритчес», — проронил Марк.

«Бритчес» — это магазин в Вашингтоне, где Марк покупает одежду. Человек разбил мне сердце, затем пошел и купил себе новый блейзер, а при встрече первым делом сообщает, где он этот блейзер купил!

Марк закрыл книжку, послал Сэма на кухню за печеньем. Поднял на меня глаза и сказал:

— Я хочу, чтобы ты вернулась.

Я помотала головой, но не потому, что отказывалась вернуться, просто подумала: неужели ему больше нечего мне сказать?! И ни слова о Телме. Ни слова о том, какую он сделал глупость. Ни намека на раскаяние. Видимо, так, по его понятиям, проявляется выдержка. А может, дело не в этом. Скорее всего, не в этом. Я все еще мотала головой. И не могла остановиться.

— Я тебя люблю, — сказал он. Ленивец[53] и тот вел бы себя более пылко. — Хочу, чтобы ты вернулась. Без тебя дом не дом.

— Если ты намерен с ней и дальше встречаться, даже не подумаю, — говорю я.

— Я не намерен с ней встречаться, — говорит Марк.

Долгая пауза. Я ждала, что он возьмет меня за руку или коснется щеки. Ничего подобного. Не вздумай соглашаться, Рейчел, — приказываю я себе. — Так дело не пойдет. Зачем тебе вообще — тем более дома — человек, который просит прощения, но при этом не считает нужным хоть как-то выказать нежность, пусть даже притворную. Скажи твердо: нет. Скажи ему: чтоб ты сдох! Тресни его по башке одной из жутких отцовских ламп, да так, чтобы осколки посыпались. Уйди на кухню и придумай, как вмиг приготовить вафли. Сделай же что-нибудь!

— Понимаю, тебе тяжело, — говорит Марк. — Но и мне, поверь, не легче.

И он заплакал. Чтобы *Марк* заплакал?! Я не верила своим

глазам. Мне казалось, что если кому и было положено плакать в этой сцене, то, конечно же, мне. Он просто-напросто украл мою роль.

— Как же мне больно, — бормочет он.

В последние годы много писали том, что мужчины слишком редко плачут. Психологи полагают, что слезы действуют благотворно, что это признак зрелости мужчины, его способности к сопереживанию; если же в детстве мальчику внушить, что плакать недостойно мужчины, то, повзрослев, он не сумеет справиться с болью, горем, с тяжелым разочарованием, с любыми чувствами.

А я об этом хочу сказать вот что. Во-первых, я всегда считала, что благотворное действие слез преувеличено: женщины слишком часто плачут, и едва ли мы обрадуемся, если плакать станут все подряд. Во-вторых, берегитесь плачущих мужчин. Да, они способны на тонкие чувства, на сопереживание, но главным образом их тонкие чувства направлены на самих себя, и сопереживают они лишь самим себе.

Но тогда я этого еще не знала. А если бы знала, возможно, осталась бы в Нью-Йорке со своими жалкими мечтами о детективе Нолане и о том, как приготовить копченую лососину шестью способами. И на что же я решилась? Поглядела на Марка — в ту минуту прямо-таки воплощение скорби — и дрогнула. Что поделаешь, не могу я спокойно смотреть на плачущего мужчину. На плачущих женщин тоже смотреть не могу; впрочем, это зрелище довольно редкое, за исключением моей собственной зареванной физиономии в зеркале. Возможно, вы считаете, что я чересчур часто лью слезы, особенно если учесть, что я не выношу вида слез, но хочу заметить: теперь я плачу гораздо меньше. В юности я запросто могла разрыдаться, если продавец в скобяной лавке мне нагрубил.

— Ладно, — говорю я Марку. — Я вернусь.

— Хорошо, — отвечает он и перестает плакать. — Тогда снова надень то кольцо.

Я качаю головой.

— Бога ради, Рейчел, надень же кольцо!

— Я его отдала.

— Что-что? — спрашивает он.

— Отдала.

— Кому?

— Выставила на аукцион — где продают вещи знаменитостей.

— Это что, шутка?

— Да, — говорю, — и, учитывая все обстоятельства, довольно

удачная.

— Ну же, надень его, — настаивает Марк.

— Это шутка лишь отчасти.

— В какой же именно части? — говорит Марк. Вообще-то ему нравилось, что я могу шутить в самых неблагоприятных обстоятельствах, но тут ему стало явно не до шуток.

— Насчет участия в аукционе, — говорю. — А что я его отдала — вовсе не шутка.

— Значит, ты отдала то кольцо, — тупо повторяет Марк.

— Не по своей воле.

— У тебя его отняли? — предполагает он.

— Да.

— Хочешь, чтобы я угадал кто? — спрашивает он.

— Всю мою группу ограбили.

— Вот смеху-то! — И Марк расхохотался. — И кто, член группы или кто-то посторонний?

— Посторонний. И ничего смешного тут нет, — говорю я. — Этот тип приставил ствол к моей голове.

— Тебе это смешным не кажется, а мне, извини, очень даже кажется, — говорит Марк. — Пожалуй, из этого выйдет неплохая колонка.

И он закивал головой — неторопливо, в ритм своим мыслям, это помогает ему обдумывать новую статью. Марк пишет по три статьи в неделю, большей частью о политике, но нередко и на житейские темы. Временами мне казалось, что я живу с каннибалом: любой эпизод из жизни семьи Марк выворачивал наизнанку, раздувал так, чтобы из пустяка состряпать статью слов на 850 для своей завтрашней колонки. Бывало, когда он никак не мог подыскать сюжетец для статьи, за ужином он лихорадочно озирал столовую: может, солонка с перечницей подскажут тему? Или салфетница? Или кухонный комбайн?

— Ты замечала, как трудно очистить крутое яйцо? — к примеру, спрашивает Марк.

— Разумеется, — отвечаю я.

— Как считаешь, в этом что-то есть?

Или:

— Тебе не кажется, что английские маффины уже не такие вкусные, как раньше?

— Пожалуй, — соглашаюсь я.

— Как думаешь, тут есть за что зацепиться?

Мне и в голову не приходило отсиживаться в сторонке, я обожала выискивать темы для будущих статей мужа. Я приносила домой истории про охранников парковок и супермаркетов — вдруг они пригодятся. Теперь я, кажется, понимаю, почему у меня

часто возникало ощущение, что с тех пор, как я вышла замуж, со мной ничего не происходит: да ровно потому, что, как только что-то случалось, Марк немедленно сочинял об этом колонку, и мне чудилось, что все произошло не со мной, а с ним. Видели бы вы его статью об убийстве мистера Эбби! А ведь это было мое убийство, я к нему была лично причастна, он же его у меня стибрил и сделал из него эссе о гомосексуалистах и городской преступности, а Лига борьбы за права секс-меньшинств нас всех чуть не поубивала. Он вторгался даже в жизнь Сэма. Сэму только-только исполнилось два годика, а уже 109 газет напечатали статью его папочки о том, как сынок проглотил жидкость для снятия лака с ногтей; заметка о его первой в жизни потере — скончавшейся аквариумной рыбке — даже вошла в антологию, выпущенную издательством Оксфордского университета. И когда Сэм вырастет и задумает написать повесть о своем детстве — дудки, все уже описано.

— Не вздумай состряпать колонку про ограбление моей группы, — говорю я.

— Почему бы и нет?

— Потому что это произошло *со мной*, — бросаю я. — К тому же это ужас что такое.

— Прости, прости, — говорит Марк. — Он тебя ударил?

— Руку мне выкрутил…

— Покажи папочке, где болит.

— Замолчи, — говорю я.

И вдруг, помимо собственной воли, улыбаюсь. Марк тоже расплывается в улыбке.

— Я куплю тебе другое кольцо, — обещает он.

— У нас на это нет денег, — возражаю я.

— Что правда, то правда, — соглашается Марк. — У нас их не было даже на то, чтобы застраховать кольцо.

Мы переглянулись.

— Все одно к одному, — подытоживаю я.

— Ты о чем?

— О том, что кольцо было символом счастья, а теперь все переменилось, так что оно и к лучшему, что кольца нет, не то оно напоминало бы о былом.

— Ненавижу, когда ты так говоришь!

— Знаю. Ты все еще ее любишь?

— Не будем об этом, — роняет он.

— Но ты ведь больше не собираешься с ней видеться?

— Я же сказал.

— И вы с ней больше не поедете к той гватемальской переперченной пицце? — упорствую я.

— Рейчел…

— Просто ответь — да или нет?

— Сказал же я тебе: встречаться с Телмой больше не буду, а раз так, то и ездить с ней к доктору Валдес не буду.

— Вот и хорошо, — говорю я.

— Телма все равно не верит в эту фигню, — добавляет Марк.

— И я бы не стала. Да и с чего мне вообще пришло бы в голову обращаться к пережаренной лепешке, именующей себя психоаналитиком.

— Рейчел…

— Да?

— Если выедем прямо сейчас, успеем на последний самолет.

Последний самолет регулярных рейсов «Истерн эрлайнз» вылетает из Нью-Йорка в Вашингтон в девять часов вечера. Пока мы с Марком не были женаты и жили порознь — он в Вашингтоне, я в Нью-Йорке, — у нас не было возможности ссориться поздно вечером, поскольку не получалось хлопнуть дверью и уйти к себе домой. Мне даже нравилось, что наша совместная жизнь и реакции каждого зависят от расписания авиарейсов; мне и в самом деле очень многое нравилось в этой челночной авиалинии. Правда, комфорт и любезность персонала оставляли желать лучшего. Но кое-что там было на высоте. Самолеты, к примеру, всегда вылетали вовремя, и ровно через час ты уже на месте. Билет можно было купить в любой момент, бронировать его не требовалось. Обстановка там была деловая, пассажиры — тоже люди деловые, солидные. Никому из них и в голову не приходило прогуляться по салону просто так. Ни один из них не *путешествовал ради удовольствия*. Нет, они перемещались из одного офиса в другой, находящийся в другом городе. Каждый имел при себе портфель. Все были одеты строго и дорого: серьезные, успешные люди. Теперь пассажиры «Истерн эрлайнз» кажутся мне почти идеальным воплощением пуританских традиций: истинная добродетель — в выносливости, умеренности и скромности. Очень правильно, думала я, что одни самолеты этой авиалинии летают из Нью-Йорка в Бостон — колыбель пуританства, а другие из Нью-Йорка в Вашингтон, где те, кто вырос в пуританских традициях, вознаграждены, поскольку теперь в их власти принуждать всю страну блюсти их ценности. Мне очень нравилась суровая аскетичность транспорта, который доставлял меня к Марку, что-то в этом было восхитительно романтичное. Я старалась не выделяться среди прочих пассажиров: одевалась, как все, и, как все, непременно брала с собой «Нью-Йорк таймс», «Вашингтон пост» и «Уолл-стрит

джорнэл». Правда, мои попутчики летали по делам, а я — к Марку.

И однажды, когда мы с Марком совершали очередной такой перелет, он сделал мне предложение. В то время он пару раз в неделю просил меня выйти за него, но на борту самолета — впервые.

— Сейчас у тебя есть шанс сказать. «да» на борту «Истерн эрлайнз». Упустить такой шанс — грех, — говорит он.

— И смех и грех, — говорю я. — Мой ответ — нет.

— Тебе бы только словами играть.

— Нет, — повторяю я.

— Другого такого шанса не будет, — предупреждает Марк. — Я и дальше буду предлагать тебе руку и сердце, но на борту «Истерн эр» — больше никогда.

И я согласилась.

Наши друзья Сигелы подарили нам на свадьбу десять акций «Истерн эрлайнз». Ха-ха. Сначала стоимость авиабилета поднялась до пятидесяти долларов, потом до пятидесяти четырех, а затем и до пятидесяти восьми.

И Артур Сигел сказал:

— Вы везунки: познакомились до того, как билеты подорожали. Никакой перепих не стоит ста шестнадцати долларов с носа.

Ха-ха. Я перебралась в Вашингтон, у нас родился Сэм, и Артур сказал: чем черт не шутит, возможно, денег, которые я сэкономила на перелетах, даже хватит Сэму на памперсы. Ха-ха. Шуточки про челночные рейсы. Не сказать, чтобы очень смешные, но уж какие есть.

Что там объяснять — попробуйте помотаться туда-сюда на аэроэкспрессе с грудным ребенком. Не обязательно на челночном рейсе — на любом, но непременно с грудным ребенком, и вы поймете, каково жилось прокаженному в четырнадцатом веке, а уж на борту шаттла почувствуете себя парией. И немудрено: остальные пассажиры, сплошь в деловых костюмах, косятся на вас, будто ждут, что вашего малыша вот-вот стошнит на конспекты их речей. Раньше, когда я доставала золотую кредитку «Американ экспресс», они смотрели на меня с уважением, но теперь не в силах скрыть презрения ко мне и моим запасам Надежных Памперсов.

Попробуйте полететь на «Истерн шаттл» с грудным ребенком *и вдобавок* с мужем, которому вообще не до вас. Едва мы приехали в терминал аэропорта «Ла-Гуардия», Марк мгновенно испарился: отправился к газетному киоску за свежей прессой, а также звонить в редакцию — не дай бог, болтаясь в Нью-Йорке по

каким-то пустяковым делишкам, он пропустит важные события. Я встала в очередь на посадку. Сэм притомился и закапризничал, я взяла его за руку и, держа другой рукой дорожную сумку и объемистый пакет с памперсами, попыталась заполнить посадочный талон огрызком карандаша; при этом с меня тут же слетели очки, а когда я наклонилась, чтобы их поднять, из кармана выпала пачка крекеров. Мужчина, стоявший за мной, поднял крекеры и изъявил готовность мне помочь. Я едва не расплакалась. И заплакала бы, но испугалась, что тогда очки снова съедут на кончик носа. Мужчина был темнокожий, с очень приятным, но незнакомым иностранным акцентом. Я с благодарностью вручила ему пакет с памперсами, и он понес мой багаж к транспортеру. Потом вернулся ко мне, и я заметила на его улыбающемся лице три подкожные кисты — маленькие бугорки, вроде тех, что не позволяют Роберту Редфорду стать уж слишком неотразимым. У меня в голове заклубилась куча вопросов: согласился бы он удалить кисты, если бы мы поженились? Смогла бы я жить с человеком, который говорит с сильным акцентом? Откуда он родом, и как его родня отнеслась бы к его женитьбе на еврейке? Не принято ли у него на родине — поди знай, где она, — называть евреек жидовками?

— А вы откуда? — не удержалась я.

— Откуда? — переспросил он.

— Из какой страны, — пояснила я.

— Мой штрана, — заулыбался он, — ошен карасыфый.

Я закивала головой. Он покивал в ответ. Я продолжала кивать. Он тоже. Все, хватит мечтать о муже-иностранце. Хватит предаваться матримониальным фантазиям при виде первого встречного.

Оставив Марку место возле окна, я села у прохода, а Сэма посадила между нами. Через пару минут Марк вернулся и вручил мне ранний выпуск «Дейли ньюс». Первую страницу украшала фотография Ванессы на пороге полицейского участка; выглядела Ванесса сногсшибательно. На следующей странице была напечатана история ограбления группы весьма известных людей. Меня там назвали «автором кулинарных книг», что меня раздражает: все-таки я пишу не просто кулинарные книги; зато не назвали беременной писательницей кухонного жанра, чуть не спятившей оттого, что ее муж влюбился в великаншу, — и на том спасибо. Если верить статье, Сидни и Дэн лишь в участке узнали фамилии друг друга и вдобавок обнаружили, что они — дальние родственники. Для меня осталось загадкой, к чему эти подробности читателям «Дейли ньюс», зато я не сомневалась: теперь мои сотоварищи будут часами судить и рядить, что их

родство может значить. Вообще-то, я все больше склонялась к мысли, что нашу группу лучше бы навсегда распустить, иначе весь следующий год мы будем бесконечно обсасывать ограбление, и времени обсудить, что происходит в жизни каждого из нас, попросту не останется. Интересно, а Марк читал эту статью, подумала я и тут же поняла, что спрашивать его не буду: он использует ее, чтобы поиздеваться над моими потугами решать свои проблемы с помощью психоанализа. Я-то ведь над его потугами издевалась. Я повернулась к мужу. Он углубился в «Каса вог»[54], делая вид, что меня тут нет: сидит рядом какая-то горемыка, не сумевшая даже повременить с очередной беременностью, и понятия не имеет, как ей повезло — ведь рядом с ней крупный вашингтонский журналист, который пытается вникнуть в тонкости квартирного дизайна. Но главная фишка была впереди. По проходу уже шла стюардесса, собирая с пассажиров деньги за билеты. Обычно мы с Марком делили все расходы поровну. Я всегда платила за себя. Мы хорошо зарабатывали и общие траты делили пополам. Но вам не кажется, что в тот знаковый вечер Марку следовало бы заплатить за нас обоих? Как бы не так.

Я уставилась на него, собираясь с мыслями, но тут впереди, над спинкой кресла возникла голова Мег Робертс.

— А я надеялась увидеть вас позавчера у Бетти, — говорит она.

— Оплатите, пожалуйста, билет, — раздается надо мной голос стюардессы.

Я нашарила в сумке кредитку, протянула стюардессе.

— У Бетти? — переспрашиваю я.

— Она же отмечала день рождения, — объясняет Мег.

— О Боже! — И я посмотрела на Марка. Он покачал головой: тоже забыл. В тот день я ревмя ревела в Нью-Йорке, он трахался, как кролик, в Вашингтоне, и мы оба забыли, что Бетти пригласила нас на вечеринку — ей исполнилось тридцать девять лет. Единственный способ вымолить у Бетти прощение — рассказать ей, почему так получилось. Но тогда все поголовно будут знать, что мое замужество потерпело крах, а этого мне вовсе не хотелось.

Мне, например, доподлинно известна вся подноготная о семейной жизни Мег Робертс. Мег под большим секретом рассказывает все своей подруге Энн, та делится с Бетти, а уж она — со мной. Я знаю, что Мег Робертс спит с кандидатами в президенты, а ее муж — с секретаршами пресс-секретарей кандидатов в президенты. И, судя по всему, оба вполне счастливы.

— Как отметили, хорошо? — спрашивает Марк.

— Замечательно, — говорит Мег, и ее голова скрывается за спинкой ее кресла.

На самом деле застолье в Вашингтоне замечательным быть не может. После получаса разнообразных аперитивов вы оказываетесь в многочасовой ловушке: вас сажают между двух чрезвычайно влиятельных господ, полагающих, что раз уж вам повезло стать их соседкой, вести беседу — ваша забота. Вы обязаны расспрашивать их обо всем. О переговорах по сокращению стратегических вооружений. О лоббистах закона о свободной продаже огнестрельного оружия. Об их избирательных округах. О грядущих выборах. Но вот ужин подходит к концу, и все разъезжаются по домам. Я не устаю изумляться тому, что женщины вроде Мег Робертс все же умудряются отыскать в Вашингтоне каких-никаких партнеров для постельных утех; впрочем, Мег Робертс явно знает способы разговорить и расшевелить здешних мужчин, просто мне они не известны.

Сэма стошнило на Марков новый блейзер.

Марк чертыхнулся.

— Извини, — бросаю я.

Сэм заплакал. Запах рвоты поплыл по салону, из соседних рядов послышался ропот, готовый перейти в шиканье. А там, чего доброго, забьют насмерть шариковыми ручками.

— За что, собственно, я извиняюсь? — говорю я. — Я ни в чем не виновата.

— Верно, — соглашается Марк. — Извини.

— Ты тоже не виноват, — говорю я.

— Да я кругом виноват.

— Если бы ты и правда так думал, то оплатил бы мой билет.

Я подхватила Сэма и направилась в туалет. А Марк принялся оттирать блейзер носовым платком.

— Этот блейзер ты покупал вместе с Телмой Райс, так? — бросаю я, уходя. Ответ меня не интересовал. Когда Марк влюбляется, он сразу же обновляет свой гардероб под нежным взглядом очередной возлюбленной. Порой мне казалось, что половину нашей с ним жизни я провела в примерочных мужской одежды, где малорослые седые портные, стоя на коленях, делали мелком отметки на отворотах его новых брюк.

В уборной я положила Сэма на крышку унитаза и начала переодевать. В самолете сиденье унитаза такое маленькое, что даже молочного поросенка не очень-то переоденешь. Пока я меняла Сэму комбинезончик, маечку и памперс, голова его то и дело скатывалась с сиденья. Закончив, я глянула на себя в зеркало: вдруг я постарела, посерьезнела или помудрела? Нет,

просто очень устала. Итак, я возвращалась домой. Возвращалась вместе с мужем. Я любила мужа. Нью-Йорк — прекрасный город, но что такое город по сравнению с моей семейной жизнью? Все, конец щавелевому супу. Никогда бы не подумала, что мой брак выдержит супружескую измену, а вот, поди ж ты, выдержал. До чего наивно было думать, что со мной такое никогда не случится. Говорят, что все супружеские пары проходят через нечто подобное. От хоровода этих избитых фраз у меня закружилась голова. Я опустила Сэма на пол туалета, и меня тут же вырвало. Командир самолета по громкой связи объявил: вскоре посадка в Вашингтоне, наш самолет начинает снижение. Ну, вот и все, подумала я. Вытерла лицо и вернулась на свое место.

VIII

Вижу, что уже довольно давно в моей повести не появлялись кулинарные рецепты. Но если хочешь развивать сюжет, вставлять рецепты не так-то просто. Конечно, сюжет этой повести не слишком сложный, и все же эта книга куда более сюжетная, чем прежние мои сочинения: там фабула перескакивала от одного персонажа к другому, а здесь как-никак есть сюжетная линия, с началом и концом. Вот чем, в частности, отличается эта повесть от моей жизни: я точно знаю, с чего она началась и чем завершится. Когда рухнул мой первый брак, я начала кое-что записывать, к примеру, про хомячков и про стычку из-за журнального столика; однако никак не могла решить, стал ли распад нашего с Чарли брака началом или концом сюжета. История же, которую я рассказываю здесь, началась в тот день, когда до меня дошло, что у Марка роман с Телмой, и ровно шесть недель спустя наступила развязка. У этой истории счастливый конец — но только потому, что я вообще за *счастливые* концы; я вовсе не против счастливых начал, но все начала и так счастливые. А что же посредине, спросите вы. Посредине все очень непросто. Возможно, тут-то и кроются главные трудности современной жизни.

И вот что еще нужно сказать моим читателям: именно потому, что я рассказываю историю моей жизни, в этой книге гораздо меньше рецептов, чем в других моих книгах; и если вы ее купили в надежде найти в каждой главе кучу кулинарных советов — не взыщите.

Итак, я остановилась на том, что приняла решение вернуться в Вашингтон, и тут уж хочешь не хочешь, а надо рассказать, наконец, про Сигелов; но, раз речь зашла о Сигелах, без рецепта лапши по-деревенски не обойтись. Несколько лет назад мы вчетвером отправились в Италию, и нам с Джули Сигел удалось выцыганить рецепт этого блюда у хозяина одного римского, ресторана. После поездки мы еще очень долго приправляли все подряд соусом песто: в Италию мы съездили в 1977 году, и песто был тогда приправой номер один. Артур Сигел однажды заметил: «Песто — это киш[55] семидесятых». Артур — мастак на точные характеристики; после его афоризма нам почему-то расхотелось приправлять еду песто. И всякий раз, услышав от Артура новый афоризм, Марк мчался разворачивать его в очередную колонку. Артур частенько негодовал на журналистов, бессовестно ворующих его словесные перлы, но на самом деле ему это льстило. Он был постоянным героем Марковых колонок; на

юридическом факультете Джорджтаунского университета, где Артур преподавал уголовное право, он славился язвительным остроумием, хотя, в сущности, просто коротал там время, ожидая, когда клан Кеннеди вернется во власть.

Но вернемся к лапше по-деревенски. Это горячая лапша, приправленная холодным соусом из помидоров и базилика; блюдо получается легкое и изысканное, все равно как салат. Готовить его надо летом, когда много помидоров прямо с грядки.

> Возьмите 5 крупных помидоров и на одну минуту опустите в крутой кипяток. Снимите с них кожицу, выньте семена и мелко порубите мякоть. Сложите в большую миску, влейте туда же ½ чашки оливкового масла, добавьте разрезанный пополам зубчик чеснока, 1 чашку нарезанных листьев свежего базилика, несколько тончайших пластинок жгучего перца, посолите и перемешайте. Дайте смеси настояться часа два и выньте чеснок. Отварите 400–450 г лапши, откиньте на дуршлаг, сложите в миску с приправой из помидоров, как следует встряхните и немедленно подавайте на стол.

Артур и Джули, Марк и Рейчел. Сигелы и Фелдманы. Мы были не просто близкими друзьями, мы, точно влюбленные, назначали друг другу встречи, причем регулярно. С супружескими парами такое часто бывает. Каждый субботний и каждый воскресный вечер мы проводили вместе, а уж о Новом годе и говорить нечего — его мы всегда отмечали сообща. Мы были почти неразлучны. Ездили вместе в Италию, в Ирландию, вместе отправились в Уильямсберг[56], в Монреаль, на Сен-Мартен[57]. Марк вел машину, а я была за штурмана, Джули регулярно предлагала свернуть куда не надо, Артур сразу засыпал. Ну а когда мы добирались до цели, Марку хотелось заморить червячка, мне — заглянуть на рынок, Джули — пойти в музей, а Артуру — по большому. Чего только не случалось: и шина спускала, и бензин в баке кончался, в сущности, мы постоянно были в дороге, ехали себе весело и ехали, а куда — не столь уж и важно. Двое из нас предпочитали красное мясо, двое других — белое, стало быть, одной курицы как раз хватало на всех.

Мне кажется, я всерьез верила, что если я не сумею спасти наш брак, то уж Сигелы его спасут наверняка. И, узнав про интрижку Марка, я тут же позвонила им из Нью-Йорка. Они были потрясены. Изумлены. По тону было ясно: они удручены. Какое облегчение: а что, если бы они знали? Что, если бы они знали, но мне не сказали?! А что, если бы знали и сказали?

— С Телмой Райс? — переспрашивает Джули. — Богтымой!

— Джули, что же мне делать? — спрашиваю я.

— Артур, возьми трубку, — говорит Джули. — Это Рейчел.

— Алло?

Это Артур.

— Извини, что звоню так поздно, — бормочу я.

— Ничего, ничего, — говорит Артур. — Очевидно, ты наконец выяснила, с кем у Телмы Райс роман, и хочешь сообщить нам. Очень тебе признателен, хоть сейчас и час ночи.

— С Марком… — бормочу я.

— С Марком что-то неладно? — спрашивает Артур. — Господи боже, Рейчел, что с ним?

— Артур, — вклинивается в разговор Джули. — У Телмы Райс роман с Марком.

— Он говорит, что любит ее, — добавляю я.

— Он сам тебе сказал? — уточняет Артур.

— Да.

— С чего это он вдруг признался? — спрашивает Артур.

— Мне случайно попалась книга с ее дарственной надписью, и когда я спросила в лоб, что это значит, он сказал, что влюбился в Телму.

— Уточни, что именно он сказал: он ее любит или он с ней спит? — просит Артур.

— Сказал, что любит, но не спит с ней.

— Ты сейчас где? — спрашивает Джули.

— В Нью-Йорке, — отвечаю. — В отцовской квартире.

— А Сэм где? — спрашивает Джули.

— Здесь, со мной, — говорю я.

— Он знает, что произошло? — спрашивает Артур.

— Вряд ли. Я реву уже восемь часов подряд, а он даже не заметил.

— Это мне знакомо, — говорит Джули. — Когда Александре было два года, я ревела восемь месяцев, а она так ничего и не заметила.

— Марк знает, где ты? — спрашивает Артур.

— Понятия не имею, — говорю я.

— Вот болван! — бросает Артур. — Совсем спятил.

— Я ему то же самое сказала, — вставляю я. — Но он все отрицал.

— Ясное дело, отрицал, — говорит Артур. — Это же вернейший признак безумия: безумцы всегда уверены, что они здоровы. Только люди в здравом уме сплошь и рядом называют себя сумасшедшими.

— А ты знал все, да, Артур? — спрашивает Джули.

— Конечно, нет, — говорит Артур. — По-твоему, я все знал, а тебе — ни гу-гу? Быть такого не может.

— Я сказала ему, чтобы он прекратил с ней встречаться, — признаюсь я.

— А он что? — спрашивает Артур.

— Сказал, что не прекратит. А еще сказал, что я все равно должна остаться с ним и родить ребенка. Говорит: «Я люблю Телму Райс. Конечно, я и к тебе не остыл, у нас будет еще один ребенок, так что давай просто жить дальше, как жили».

— Черт-те что, — буркает Джули.

— Вот что, Рейчел, ты лучше не возникай. Я с ним потолкую, — говорит Артур.

Артур с Джули поедут к Марку и прочистят ему мозги, подумала я, повесив трубку. Оба вызверятся на него, и он сгорит со стыда. А они по старой дружбе его укоротят — не мытьем так катаньем. Этот сценарий несколько отличался от той романтической картинки, которая уже сложилась у меня в голове: я предпочла бы, чтобы ослепительное видение нашего общего будущего возникло у Марка само собой, но что есть, то есть. Возможно, Марк уже готов отказаться от меня и моей заправки, но отказаться от нашей четверки — ни за что. А Телма в эту картину не впишется никогда. Во-первых, она чересчур долговязая. Все мы — Артур, Джули, Марк и я — примерно одного роста; потому-то, в частности, нам так хорошо путешествовать вместе. Трудно шагать в ногу с теми, кто выше вас, потому что у них шире шаг, и вы чувствуете себя точно щенок, который вынужден семенить за хозяином, чтобы не отстать. Во-вторых, Телма Райс к еде равнодушна — недаром ее пудинги вязнут на зубах; а для нас четверых еда — это святое. Случалось, мы ехали за тридевять земель только на поиски самого сочного творожного торта в мире, или крупнейших в мире фисташек, или початков самой сахарной в мире кукурузы. Мы часами вслепую сравнивали на вкус кошерные сосиски от разных производителей и сорта мороженого с шоколадной крошкой. Однажды, погостив в родном Форт-Уэрте, Джули вернулась в Вашингтон с ребрышками из ресторана «Барбекю у Анджело», а я перед вылетом из Нью-Йорка прихватила с собой копченую масляную рыбу, купленную в «Расс и дочери»[58]. Как-то в Новом Орлеане мы всей компанией отправились поужинать в «Моску» и отведали там и маринованных крабов, и запеченных устриц, и жареных креветок, и спагетти по-бордоски, и курицу под чесночным соусом, и колбасу с картошкой, на обратном пути заскочили в «Акме», и каждый управился с дюжиной устриц, а на причале — с пончиками в сахарной пудре и кофе с цикорием.

После чего Артур предложил:

— А давайте заглянем к «У Элен» — полакомимся шарлоткой.

Так мы и сделали, каждый съел по две порции. Когда мы уходили, хозяин ресторана дал нам рецепт шарлотки, я его здесь тоже приведу, потому что лучшей шарлотки я не едала. Вкусом она напоминает карамелизованную кашу из кукурузной муки.

> Разотрите 2 чашки сахара с 2 пачками сливочного масла. Добавьте 2 ½ чашки молока, 400 граммов сгущенного молока без сахара, 2 столовые ложки мускатного ореха, две столовые ложки ванили, разломанный на куски батон или буханку хлеба (хлеб годится любой, и чем он хуже, тем лучше) и чашку изюма. Размешайте. Вылейте смесь в глубокую смазанную маслом кастрюлю и запекайте 2 часа при температуре 180 градусов Цельсия; по истечении первого часа помешайте содержимое. Подавайте в теплом виде с густым кремом.

Как правило, Артур жизнью доволен. Однажды мы играли в «Отвечай честно», и вопрос был такой: «О чем ты сожалеешь?» Подумав, он сказал: «В придачу к шарлотке надо было заказать „У Элен“ еще и лук, жаренный кольцами». В другой раз вопрос был такой: «Какое имя вы бы хотели, чтобы вам дали родители?» Я сказала, что предпочла бы зваться Вероникой: имя шикарное, чего про меня не скажешь. Джули предпочла бы зваться Антеей, потому что в этом имени есть некая тонкость, а саму Джули тоненькой не назовешь. Марк хотел бы, чтобы его назвали Сашей: в этом имени есть удаль, которой ему не хватает. Артур думал-думал и в конце концов объявил, что, на его взгляд, имя Артур ему очень подходит. Так оно и есть. Артур коренастый, но крепкий — как и положено человеку с именем Артур; у него рыжие, закрученные кверху усы, и они отчасти компенсируют почти полное отсутствие волос на голове. Голый череп ничуть не смущает Артура — вот какой он здравомыслящий человек.

Оба, и Артур, и Марк, росли в Бруклине. Оба поступили в Колумбийский университет, но потом Марк пошел на факультет журналистики, а Артур — на юридический факультет Йельского университета. В конце концов оба оказались в Вашингтоне. Когда Артур познакомился с Джули, она работала на Капитолийском холме, консультантом по вопросам законодательства. При светлых кудряшках, больших-пребольших глазах навыкате и крупных жемчужно-белых зубах, она была точь-в-точь красотка с рекламы кока-колы; время от времени Артур поглядывает на Джули, словно не может поверить, что она и впрямь его жена.

Джули это очень озадачивает: она считает себя заурядной техасской толстушкой, которой удалось подцепить отличного еврейского мужа — по ее мнению, исключительно потому, что евреи мечтают о шиксах[59].

После свадьбы Сигелы поселились в трехкомнатной квартире на Коннектикут-авеню, и Марк водил своих девиц к ним по воскресеньям завтракать. Однажды в их жизни появилась первая еврейская Кимберли. Потом были и другие подружки. Наконец настал мой черед, и у нас неожиданно образовалась четверка. По воскресеньям мы часами вместе бездельничали: над чашками кофе клубился парок, по всей гостиной валялись газеты, сквозь подобранные в тон жалюзи пробивалось солнце, в его лучах плясали пылинки. У Вашингтона есть один недостаток, говорил Артур: здесь нет приличной кулинарии. У Джули тоже были претензии к Вашингтону: после полуночи по телевизору не крутят кино «для взрослых». Я считала, что Вашингтон чересчур гойский город, это его основной изъян. А для Марка главная беда Вашингтона заключалась в том, что слишком много людей здесь тратят слишком много времени, пытаясь выяснить, в чем главная беда Вашингтона. Мы спорили снова и снова, причем с неизменным азартом, будто прежде не слышали аргументов друг друга. Потом сообща обсуждали наши предпочтения: хотим ли мы, чтобы нас хоронили в гробу или кремировали? И наконец, переходили к насущным проблемам: стоит ли Сигелам красить гостиную в персиковый цвет? А менять фанеровку обеденного стола? Надо ли им купить видеомагнитофон? А заново обить диван?

— Не пойму, чем прежняя обивка была плоха, — замечает Артур, когда диван уже обили заново.

— Ничем не плоха, — отзывается Джули.

— Так, а это что за цвет? — спрашивает Артур.

— Серовато-коричневый, — говорит Джули.

Артур качает головой:

— Никогда не разбирался в цветах. А все оттого, что в детстве у меня был скудный набор цветных карандашей, в один рядок, а не в два. Будь он больше, я бы отличал серо-коричневый от вишневого и от цвета сурового полотна. А сейчас я могу различить только жженую сиену. И что толку? Ни разу никто при мне не сказал: это вещь *цвета жженой сиены*. Ни разу не слышал: «Держись за той машиной цвета жженой сиены».

— Пожалуй, из этого выйдет неплохая колонка, — бормочет Марк.

— Черт бы тебя побрал, Фелдман! — возмущается Артур.

— Хочешь сам — валяй, — говорит Марк.

— Как прикажешь понимать твою фразу: «Хочешь сам — валяй»? — возмущается Артур. — Тема-то и так моя. Вот я вправе сказать «хочешь сам — валяй». Но не ты.

— И что ты из этой темы сделаешь? Разберешь ее в статье для «Вопросов юриспруденции» Йельского университета?

— Артуру и не надо ничего из нее делать, — вмешиваюсь я. — Он просто пополнит ею свой застольный репертуар.

— Спасибо, Рейчел, — говорит Артур и переводит глаза на Марка: — Смотри, не вздумай с ней разбежаться, понял? Дай мне слово.

— Господи помилуй! — возмущается Марк. — Можно подумать, это *твоя* девушка.

— Да, мы оба гуляем с вами обоими, — говорит Артур.

— Помнится, вольным холостяком я вам тоже был по нраву, — замечает Марк.

— Верно, а все-таки парочкой вы куда милее, — говорит Артур и шутливо дает ему тумака. — С холостяком ведь никогда не знаешь, чем дело кончится. Я, честно говоря, хотел бы, чтобы вы поженились.

— Господи, Артур, я тебя умоляю!.. — восклицает Джули.

— Что поделать, нравится мне женатая жизнь, — объясняет Артур. — Вот и хочу, чтобы все, кто мне по сердцу, тоже поженились. Такой уж я человек. Добрый. Щедрый. Обаятельный. Душа нараспашку.

— Ага, сам попал в силки и теперь всех норовишь туда заманить, — говорит Марк.

— Так мне эти силки очень нравятся, — отзывается Артур. — Не жизнь, а малина: что у нас сегодня на ужин? какой фильм посмотрим и где мои носки?

— И где они, твои носки? — подхватывает Марк. — А мои где? Где все мои пропавшие носки?

— На небесах, — говорит Артур. — Ты умираешь, отлетаешь в райские кущи, там тебе приносят объемистый ящик, а в нем твои потерянные носки, там же твои шарфы и перчатки, и отныне ты веки вечные будешь сидеть и разбирать свое добро.

— По-моему, из этого выйдет неплохая колонка, — бормочет Марк.

— Черт бы тебя побрал, Фелдман, — бурчит Артур.

Мы с Марком поженились. Вы бы видели Артура на нашей свадьбе. Он стоял, лихо вскинув голову, и непрестанно подмигивал судье: добился-таки своего. Уломал Марка. Демонстрируя лучшему другу радости семейной жизни, убедил его расстаться с холостяцким бытьем. В конце церемонии Артур выхватил из кармана бокал и поставил на пол; Марк, как

положено, растоптал его, и осколки засыпали восточный ковер судьи; Артур оглушительно гикнул и пустился выплясывать «казачок». Спустя три месяца я шла по Коннектикут-авеню и на Дюпон-серкл свернула в парк; на скамейке Артур и неопознанная особа женского пола сжимали друг друга в страстных объятиях.

— Сегодня днем видела Артура, — сообщаю я, вернувшись домой. — Целовался с… — я неопределенно машу рукой и качаю головой.

— С женщиной, — заключает Марк.

— И давно ты про это знаешь? — интересуюсь я.

— Ничего я не знаю, — отвечает Марк. — Просто закончил за тебя фразу. Артур же целует либо женщину, либо бейгл. Я просто высказал предположение. И кто же она? — спрашивает он, глядя на меня.

— Понятия не имею.

— Какая из себя?

— Худенькая. Миловидная. Большие сиськи. Твой любимый страшный сон.

Мы переглядываемся.

— Нам надо что-то предпринять? — спрашиваю я.

— Он мой друг, — говорит Марк. — И мы не суем нос не в свое дело.

— Очень даже суем, — возражаю я, — причем постоянно. Как и положено настоящим друзьям.

— Это ты к чему?

— Сама не знаю, — говорю я.

— Может, это просто увлечение, — говорит Марк. — Ему вот-вот стукнет сорок, он, небось, чувствует, что время уходит, а в его жизни ничего не меняется…

— Угу, чисто возрастное, — бурчу я.

— Ага, — соглашается Марк.

— Чтоб его… — в сердцах бросаю я.

— Слушай, насчет той книжки: мне она тоже не понравилась, — признается Марк.

— Знаю, — говорю я. — У меня такое чувство, что меня предали. Про Джули и говорить нечего, но он же и нас обманул, понимаешь, о чем я?

— Понимаю, — отвечает Марк.

— Ты у нас, известное дело, ума палата, всегда понимаешь, о чем я говорю, даже если я сама ни черта не понимаю, — не выдерживаю я.

— Вообще-то я тоже не понимаю, — признается Марк. — А говорю «понимаю» только по привычке.

— Может, у них ничего серьезного, — предполагаю я.

— Может, просто разок переспали, — подхватывает Марк.

— Ага, — соглашаюсь я.

— Ага, а я — прима-балерина, — бросает Марк.

Спустя два дня вечером — звонок в дверь; открываем: Артур. И с порога объявляет, что влюбился.

— В стюардессу? — спрашивает Марк.

— В бортпроводницу, — уточняет Артур.

— Видать, это у тебя всерьез, — замечает Марк.

— Еще как, — подтверждает Артур.

— Это кризис среднего возраста или?.. — интересуется Марк.

— Не надо подходить к моей жизни с мерками дешевой философии, пусть даже она сильно упрощает тебе задачу, — говорит Артур. — Двадцать лет ты на моих глазах с кем только не путался, водил за нос то одну, то другую. Я тебя хоть раз осудил? Поджимал губы? Укорял? Хоть раз было такое?

— Укорял? — переспросил Марк. — Чего не было, того не было, но только потому, что у тебя слюнки от зависти текли. Слушай. Ты женат. Уже восемь лет как женат. У вас растет ребенок. Такими вещами ради перепиха не бросаются.

— Ага, сейчас, похоже, ты мне станешь рассказывать, что через восемь лет у вас с Рейчел в постели все будет как раньше, — говорит Артур.

— Нет, но все равно будет хорошо.

— Просто уже не так часто, как раньше. Не пару раз в неделю, а пару раз в год.

— Через восемь лет мне будет почти пятьдесят, — напоминает Марк.

— Знаешь, когда у тебя пропадет охота трахнуть новую бабу? — спрашивает Артур. — Когда откинешь копыта — вот когда. Предела тут нет. Охота не исчезает. Все силы уходят на то, чтобы ее подавить. Уговариваешь себя: не надо, не связывайся, ведь главное — то, что ты имеешь, а в один прекрасный день рядом возникает некая особа, и — все, тебе снова четырнадцать лет, и у тебя одна мечта: свернуть на автостоянку перед эстрадой, где крутят фильмы, и затрахать ее на заднем сиденье до потери сознания. Но ты же не из тех, кто позволяет себе такое, ты держишь себя в узде; и пилишь домой, к жене, а она ложится в постель в носках.

— Опять носки, — бурчит Марк.

И так далее, слово за слово, хотя время было не раннее. Два часа ночи. Три. Мы сидели на кухне, в окно бил яркий свет уличных фонарей — одна из мер борьбы с преступностью; я слушала Марка: брак строится на доверии, говорил он. Подорвешь доверие — останешься с носом. Я млела от

самодовольства. Мой муж обращен — стал правоверным. Мой муж — лучший муж на свете. Сходите вместе к консультанту по вопросам семьи и брака, говорил он. Сделайте хоть что-нибудь.

Сигелы так и поступили. Отправились на прием к очень милому консультанту по имени Гвендолин. Три месяца спустя Гвендолин бросила мужа, а вот Сигелы выдюжили — остались вместе. И наша четверка зажила прежней жизнью. Мы съездили в Огайо ради пирога «шу-флай»[60] и в Виргинию — ради тамошнего окорока. Стали обсуждать семейные трудности наших общих знакомых, и при этом Джули уже не делала обиженной мины, и Артур не сидел с виноватым видом. Прошлым летом они приехали к нам в Западную Виргинию погостить, и мы с Джули целую неделю старались довести торт с персиками до совершенства. Сначала испекли обычный торт с персиками, потом его же, но в глубокой сковороде, потом сделали торт с персиками и голубикой, и вот вам рецепт лучшего торта с персиками:

> Всыпьте в смеситель кухонного комбайна 1¼ чашки муки, ½ чайной ложки соли, добавьте ½ чашки мягкого сливочного масла, 2 столовые ложки сметаны и взбивайте, пока в смесителе не образуется шар. Выложите его в смазанную маслом форму, осторожно разомните, так чтобы корж закрыл дно, и выпекайте 10 минут при температуре 220 градусов Цельсия. Тем временем взбейте 3 желтка, всыпьте 1 чашку сахара, 2 столовые ложки муки, добавьте $^1/_3$ чашки сметаны. На готовый корж уложите 3 предварительно очищенных и нарезанных дольками персика. Залейте взбитой смесью, прикройте фольгой и выпекайте торт еще 35 минут при температуре 165 градусов. Затем снимите фольгу и подержите в духовке еще 10 минут — чтобы крем схватился.

Я все вспоминаю ту совершенно изумительную неделю, которую мы всей компанией провели в Западной Виргинии — плавали в реке, жарили на решетке ребрышки в саду, пили коктейли «Беллини»[61] и дешевое шампанское. Валялись на лужайке под лесным буком, и пробивавшиеся сквозь его крону солнечные лучи зайчиками плясали по траве; Александра запускала воздушного змея, Сэм неистово хлопал в ладоши, и носился за ней, визжа от восторга. «Вам не жарко? — спрашивали мы детей. — Если сразу окунуться, вода совсем даже не холодная». Мы старательно мазали им руки солнцезащитным кремом и разливали по стаканам очередной кувшин с коктейлем. Почему бы и нет. Мы же взрослые. Артур поднял стакан:

— Я люблю вас. Я люблю *нас*.

Зазвенел телефон. Марк ринулся в дом и вскоре позвал меня. Мы с Марком приникли к трубке: звонили из больницы, женский голос сообщил, что получены результаты амниоцентеза[62]. Ребенок нормальный. Мальчик. Мы вернулись к Сигелам и выпили за здоровье нашего малыша.

— У тебя будет братик, — сообщили мы Сэму. Он захныкал.

— Его зовут Натаниел, — говорю я. — Ну-ка, скажи: Натаниел. Можешь?

— Нет, — отвечает Сэм. — Животик болит.

Марк взял его за ручку и повел к реке. Там им попалась лягушка. Сэм сдвинул ладошки лодочкой, поднял ее и захихикал. Помнится, я смотрела и думала: как же мне повезло, как нам повезло, и Сэму, и Натаниелу тоже. *Что же не так в той чудесной картинке?*

IX

Артур и Джули жили в нескольких кварталах от нашего дома. Наутро после того как мы с Марком вернулись в Вашингтон, я выскользнула из постели и отправилась к ним. Артур открыл дверь и уставился на меня — так глядят на человека, у которого недавно умер кто-то из близких. Потом надолго заключил в объятия. «Что тут скажешь?» — подразумевал этот безмолвный дружеский жест.

— Как ты? — говорит он.

— Я вернулась, — говорю. — А, по-твоему, как я?

— Ты вернулась, — подтверждает он.

— Вчера Марк приехал в Нью-Йорк, — сообщаю я. — Обещал с Телмой больше не встречаться, вот я и вернулась.

Артур кивает.

— Что ты про это думаешь? — спрашиваю я.

— Не знаю, что и думать, — признается Артур.

Из спальни вышла Джули. Она обняла меня и долго гладила по плечам, по спине, а я лила слезы на ее махровый купальный халат.

— Вы его видели? — спрашиваю я.

Они кивают.

— Я даже несколько минут провел с ней, — говорит Артур.

— Я же ставлю вас в дурацкое положение, — спохватываюсь я.

— Нет-нет, ничуть, — протестует Джули.

— Что он говорил? — спрашиваю я.

— Это неважно, — говорит Артур.

— Почему неважно?

— Потому что он спятил, — отвечает Артур.

Мы пошли в кухню и сели пить кофе, над которым долго и кропотливо колдовал Артур. Прежде чем насыпать кофе, он кладет в кофейник яичную скорлупу, кусочки корицы и старый нейлоновый чулок. Его кофе крепко, пряно пахнет немытыми ногами.

— Два месяца назад вы на неделю приехали в Западную Виргинию, — напоминаю я.

— И что? — спрашивает Артур.

— Мы хорошо провели ту неделю?

— Великолепно! — говорит Джули.

— Мы с Марком казались счастливой парой?

— Да, — говорит Джули.

— Я почему спрашиваю, — говорю я, — потому что Марк мне

заявил, что наш с ним брак уже давно стал хуже некуда, и сейчас я даже толком не помню, плохо мы жили или хорошо.

— Он и нам то же самое говорил, — замечает Артур.

— А что еще? — спрашиваю я.

— Говорил, что ты к нему отвратительно относишься.

— Так оно, пожалуй, и есть, — говорю я.

— Глупости, — протестует Джули.

— Нет, правда-правда. Срывалась все лето, орала на него, потому что его вечно не было дома.

— Да не орала ты на него, — говорит Джулия. — Просто у него роман был в разгаре.

— Но я-то об этом не знала.

— Все-таки, наверно, знала, — говорит Артур. — Я же вот знал.

— По-моему, ты говорил, что знать ничего не знал, — замечает Джули.

— Про Телму я и впрямь знать не знал, — объясняет Артур, — и вообще ничего не знал наверняка, но догадывался, что дело не чисто. Эти бесконечные поездки к зубному врачу…

— А я что, ослепла? Если вы много чего заметили, почему же я ничего не замечала?

— Да не казни ты себя, — говорит Джули. — Ты же ему доверяла. Нужно доверять человеку, за которого вышла замуж, не то всю жизнь будешь копаться в телефонных счетах и чеках «Американ экспресс».

— Ничего, все уладится, — успокаивает нас Артур.

— Ты так говоришь просто потому, что тебе пора ехать к студентам, а такой фразой хорошо закончить разговор, — укоряю его я.

— Да, мне действительно пора ехать на занятия, — соглашается Артур, — но поверь, все и впрямь уладится. Он образумится. Господи, Рейчел, Сэм еще совсем маленький, ты беременна…

И поцеловав на прощанье нас с Джули, Артур вышел. Убедившись, что двери лифта за ним закрылись, Джули говорит:

— А вот я даже не догадывалась о романе Марка, понимаешь? Поди знай, что я бы сделала, если б догадалась, но мне и в голову не приходило…

— Ясно, — говорю я. — А мне что же делать, Джули?

— Иди домой. Продолжай работать. Занимайся Сэмом. Рожай ребенка. Подожди, все образуется. В конце концов она ему просто надоест. В конце концов он придет к выводу, что она зануда еще почище тебя. В конце концов она ему и в постели приестся, как приелась ты. Вот тогда он и решит, что лучше уж жить с тобой.

— Но Марк сказал, что не будет больше встречаться с Телмой, — напоминаю я. — Как же она ему надоест?

— Будет, будет, — говорит Джули.

— Что будет?

— Будет с ней видеться и будет от нее уставать.

— А я, выходит, должна, как копченая семга, висеть на крючке?

— Да, — говорит Джули, — если хочешь сохранить брак.

— Какой кошмарный совет.

— Знаю, — соглашается Джули, — зато действенный. Проверено на себе. Иногда сама не понимаю, зачем я на это пошла, — до того противно, больно и унизительно было пережидать весь этот кошмар. Порой закрадывалась мысль: уж лучше бы уйти от него самой.

— Ты рада, что осталась с Артуром?

— Еще бы, — говорит она.

— Тогда в чем же дело?

— Сама не пойму, — признается Джули. — Иной раз тянет пожить одной. К примеру, сегодня утром проснулась и поняла, что мне никогда не испытать садо-мазохистских наслаждений. У нас с Артуром о них и речи быть не может. Не то чтобы мне без них жизнь не в жизнь, а все-таки досадно: со мной ничего подобного не будет никогда.

— Я тоже ни разу такого не пробовала, — говорю я, — но, мне кажется, если бы очень захотела, вполне могла бы предложить.

— А меня Артур поднял бы на смех, — говорит Джули.

— Впрочем, непонятно, к чему бы Марк мог меня привязать, — говорю я, — у нашей кровати нет изголовья. А без него не обойтись, как ты считаешь?

— Понятия не имею, — признается Джули. — В том-то и дело.

— Думаю, можно снять номер в гостинице, — говорю я. — Там все кровати с изголовьями.

— Ага, а веревку заказать в номер, — добавляет Джули.

— Тяжело все это, правда? — говорю я.

— Когда такое случается, всегда тяжело, — признается Джули. — Но потом становится легче. Сама убедишься. А немного спустя ты уже сможешь целых пятнадцать минут не думать о том, чем они там занимаются.

— А тем временем, — говорю я, — если у нас не срастется, я смогу размышлять о том, чем бы позабавиться самой.

— Чем еще, кроме садо-мазохистских штучек? — спрашивает Джули.

— Еще есть амилнитраты[63], — отвечаю. — Секс втроем. Японские фильмы. Дискотека роллеров. Тайская кухня.

— Мне казалось, ты терпеть не можешь тайскую кухню, — замечает Джули.

— Верно, — подтверждаю я, — и если мы разойдемся, мне никогда больше не придется с ней мириться. Возможно, оно того стоит.

Джули взглянула на меня.

— Мне кажется, порой на них что-то находит.

— На мужчин, что ли?

— Я не говорю, что они хуже нас, — продолжает она. — Они другие.

— Ноу тебя выходит, что они хуже, — уточняю я.

— Знаю, — говорит Джули.

— И что же нам делать?

— Держаться, — говорит она, — а если так и не срастется, попытать удачи еще с кем-нибудь.

Когда я вернулась домой, Марк уже ушел к себе — писать веселенькую колонку про челночные перелеты между Нью-Йорком и Вашингтоном. Я зашла на кухню. Там сидели Сэм и наша домработница Хуанита, она учила его, как по-испански сказать «с кем поведешься, от того и наберешься»; в сущности, эта пословица довольно точно обобщает жизненный опыт самой Хуаниты. Двенадцать лет она прожила со своим мужем Эрнандо; в конце концов он смылся, прихватив с собой ее карту компании «Сирз, Роубак и Ко»[64] и оставив Хуаните кучу застарелых долгов, давних своих подружек и бракованные запчасти к автомобилям; от всего этого добра Хуаните, похоже, не суждено избавиться до конца жизни. Минимум раз в неделю она опаздывала к нам и, захлебываясь слезами, объясняла: то отдел кредитных карт «Сирз» грозится конфисковать у нее какую-то важную деталь стереосистемы, которой она в глаза не видала; то муж выкрал из багажника ее машины запасное колесо; то является какая-то Тереза и требует отдать ей секундомер Эрнандо.

— Я ж ей толкую: он управляется в две минуты, хоть он пьяный, хоть тверезый, — говорила Хуанита. — На какой ей время мерить?

Хуанита — женщина замечательная: она одна растит трех ребятишек, и я очень старалась ее полюбить, но было это нелегко, потому что она прямо-таки притягивала всякие напасти. Однажды утром, к примеру, по дороге на работу она на Белтуэй[65] попала в пробку; Хуанита вышла из машины посмотреть, из-за чего

затор, — и кто-то вмиг открыл пассажирскую дверь и украл ее сумку. В другой раз она стояла в очереди в супермаркете «Сейфуэй», и вдруг женщина перед ней рухнула на пол без сознания; Хуанита методом искусственного дыхания — изо рта в рот — привела ее в чувство, а та женщина потребовала, чтобы Хуаниту арестовали за непристойные заигрывания.

Увидев меня, Хуанита разразилась слезами.

— Слушай, Хуанита, — говорю я ей, — избавь меня от своих драм. Что бы ни случилось, у меня просто нет сил.

— Ой, мисси Фелман, я так за тебя болею, — говорит Хуанита.

Стало быть, даже Хуаните все известно! Оказывается, в тот день, когда я улетела в Нью-Йорк, она приехала к нам и в гостиной застала Марка с Телмой: они ворковали на диване, точно два голубка.

— Я этого даму знаю, — говорит Хуанита. — Она очень плохой.

— Я знаю, — говорю я.

— Я знай, — говорит Хуанита. — Я у ей десять лет работал.

— И что с ней не так? — спрашиваю я.

— Она очень порченый.

Хуанита крепко меня обняла, но мне пришлось несладко: росту в ней было сантиметров сто сорок, и ее объятие напоминало удар под дых. Потом Хуанита отпрянула и расплылась в ободряющей улыбке; правда, ряды ее золотых зубов лишь напомнили мне о том, как я два дня висела на телефоне, уговаривая дантиста разрешить Хуаните выплачивать в рассрочку долг за чистку и пломбирование корневого канала Эрнандо.

— Все будет хороший, — говорит она. — Сам видишь.

Я поднялась на четвертый этаж, в комнатку, служившую мне кабинетом. В пишущей машинке белела страница моей статьи о картошке. Я вынула страницу и вставила в каретку чистый лист. Необходимо тут же все это записать, думаю я, кто знает — возможно, когда-нибудь мне захочется сочинить не кулинарную книгу, а что-то другое, и все это мне очень пригодится. Не тут-то было. Описать событие — значит запечатлеть его и признать, что случилось нечто существенное. Я походила по комнате, убеждая себя, что ничего особенного не случилось. И стала думать про картошку. Когда я первый раз готовила Марку ужин, я решила приготовить картошку. То есть, прикидывая, чем порадовать дорогого мне человека в наш первый ужин, я остановила свой выбор на картошке. Очень-очень хрустящей. Сегодня тоже приготовлю картошку, решила я, картофельное пюре. Если вы хандрите, то лучшее средство от хандры — картофельное пюре.

Из кабинета над гаражом доносился стрекот пишущей машинки Марка. Я все ждала, что он уйдет — скажем, за новыми носками, — и тогда я смогу забежать в его святая святых и проглядеть телефонные счета и квитанции «Американ экспресс», но он сидел как пришитый и долбал по клавишам машинки. А что, если не я, а он делает наметки для будущего романа, подумала я. А может, дело обстоит еще хуже: сочиняет *новую колонку*. Тогда мне крышка. Крах моей супружеской жизни. Колонка уложится в 850 слов и появится в ста девяти газетах. Я знала, как он ее напишет: в скупом хемингуэевском стиле. Колонки о повседневной жизни Марк всегда писал именно так: *Так оно и случится, сказал ему старик. Саша, сказал старик, когда-никогда, но случится обязательно. Ты будешь плыть по реке. Вниз по течению. И наткнешься на бревно.*

Зазвонил телефон. Я взяла трубку:

— Рейчел, это Бетти.

— О боже! Мне так обидно!

— Еще бы, — говорит Бетти.

— А ты уже все знаешь? — спрашиваю я.

— Полный ужас, что и говорить, — говорит Бетти.

— Откуда ты узнала? — спрашиваю.

— Из газеты, — отвечает Бетти.

— Из газеты? — удивляюсь я.

— Почему ты мне не сказала, что Ванесса Меладо тоже в вашей группе? — говорит Бетти.

— Ограбление попало в газеты? — спрашиваю я.

— Да, в отдел светской жизни.

— Нам запрещено рассказывать про членов группы, — говорю я.

— Ну и что она собой представляет?

— Об этом тоже нельзя рассказывать. — Я меняю тему: — Слушай, мне так обидно, что я пропустила твой прием.

— Ничего, — говорит Бетти. — Я, конечно, заметила твое отсутствие и сразу заподозрила неладное. Вижу, предчувствие меня не обмануло.

— Да уж, — говорю я, — полный кошмар.

— Ладно, теперь это уже неважно, — говорит Бетти, — зато я выяснила, с кем у Телмы Райс роман.

— И с кем?

— Тебе не понравится, — замечает Бетти.

— Так с кем же?

— С Артуром, — говорит Бетти.

— С Артуром Сигелом? — уточняю я.

— Да, — подтверждает Бетти. — Вчера днем они заехали в

«Хилтон» выпить бокал-другой. А в вашингтонский «Хилтон» заезжают выпить, только если речь идет о какой-то тайне.

— Ничего у Артура с Телмой Райс нет, — говорю я. — И ни у кого другого тоже.

— Откуда ты знаешь? — спрашивает Бетти.

— Знаю, и все, — говорю я.

— Ну мне-то скажи, — просит Бетти.

— Ладно, только никому больше не рассказывай.

— Даю слово, — говорит Бетти.

— Я встретилась с Телмой у гинеколога и там все узнала.

— Что?..

— Она подцепила жуткую заразу, — сообщаю я. — Тебе лучше вообще про нее не знать.

— О боже, — роняет Бетти.

— Она взяла с меня слово, что я буду держать язык за зубами, — продолжаю я. — Но зараза настолько мерзкая, что она могла бы и не брать с меня слово, я и так не стала бы это рассказывать. А тебе рассказываю только потому, что хочу, чтобы ты знала: между ней и Артуром ничего нет.

— Тогда с чего вдруг она с ним выпивала? — спрашивает Бетти.

— Отчасти именно поэтому, — говорю я.

— Это ты о чем?

— Ей нужен был совет опытного юриста, — объясняю я. — Она подцепила эту гадость в Виргинии, во вьетнамском ресторане, и теперь намерена вчинить им иск.

— А подцепила-то как — с едой или на стульчаке? — спрашивает Бетти.

— Думаю, на стульчаке, — говорю я. — Хотя точно не знаю. Возможно, и с фаршированными блинчиками.

— Господи, — бормочет Бетти. — Бедняжка Телма.

— Бедняжка? — удивляюсь я.

— Мне ее так жаль, — говорит Бетти.

— Ну, очень-то не убивайся, — советую я. — Это излечимо. Но лечение долгое.

— Может, мне пригласить ее с Джонатаном на ужин? — говорит Бетти.

— Не надо, — отвечаю я.

— Почему? — удивляется Бетти. — Болезнь же не заразная?

— Не заразная, — подтверждаю я, — но сейчас она страшно удручена всей этой историей и застолья не украсит.

— Мне кажется, нам стоит устроить танцы, — говорит Бетти.

— Что-что?! — изумляюсь я.

— Потанцуем втроем. Ты, я и Телма.

— Терпеть не могу танцы, — говорю я.

— Ладно тебе, Рейчел, повеселимся.

— Да я танцевать не умею, — признаюсь я.

— Прекрати, — командует Бетти. — Как ты думаешь, где бы нам это организовать?

— В Белом доме, — предлагаю я.

— Отличная мысль! — говорит Бетти. — Там только и разговору, что Белый дом обязан стать более открытым. Я позвоню секретарю по протокольным вопросам.

— Бетти…

— А на будущей неделе мы втроем пообедаем. Во вторник.

— Во вторник я должна быть в Нью-Йорке. У меня семинар-показ по кулинарии.

— Рейчел, с тобой невозможно договориться, — негодует Бетти. — Но мы с Телмой во вторник все же пообедаем. И обговорим эту идею с танцами. Телма немного развеется и хоть ненадолго забудет про свою заразу, а ты отвлечешься от ограбления…

— А я и не зацикливаюсь на ограблении, — замечаю я.

— Вот и прекрасно, — говорит Бетти. — Составляй список гостей.

— Телма наверняка захочет пригласить Киссинджеров, — говорю я. — Ты ведь такие танцы хочешь устроить?

— До свидания, — бросает Бетти и вешает трубку.

Картошка и любовь: некоторые соображения

Начало

Среди моих друзей есть те, кто всегда начинает с блюда из макарон, и те, кто начинает с блюда из риса; я же, если влюблена, непременно начинаю с картошки. Иногда это картошка с мясом, иногда — рыба с картошкой, но картошка — обязательно. Влюбившись, я делаю массу ошибок, о которых потом горько сожалею, но картошка — не из их числа.

Когда речь идет о любви, картошка хороша не во всяком виде. Некоторые вечно талдычат о преимуществах простых картофельных блюд — либо обычной отварной картошки, чуть посыпанной петрушкой или укропом, либо обыкновенной печеной картошки с хрустящей корочкой. Я подозреваю, что простецкие блюда из картошки связаны с определенными культурными корнями человека, которых у меня нет. Во всяком случае, простецкие блюда из картошки бывают кстати — если они вообще бывают кстати, — когда угодно, но только не в начале застолья. И, должна добавить, не в конце. Может быть, в середине — это бы еще сошло с рук, но не мне.

Впрочем, я веду речь совсем о другом: о хрустящей картошке. Над этим блюдом придется немало потрудиться. Дело не только в чистке картошки — ведь до сих пор не изобрели электрического устройства, освобождающего хозяйку от этого тягомотного занятия и не только от него. Как только картошку почистили, ее нужно порезать в соответствии с вашим замыслом и сразу же залить водой, чтобы она не синела, не бурела, не чернела, словом, не приобретала крайне неприятных оттенков, после чего, если вы хотите добиться нужной хрусткости, картошку нужно тщательно обсушить. На все это требуется время, а время — это вам каждый дурак скажет — в любовных отношениях самое важное. К тому же есть и другая серьезная причина, почему в начале романа непременно нужно приготовить хрустящую картошку: потому что если вы ее не приготовите в начале, то не приготовите больше никогда. Уж простите меня за прямоту, но это чистая правда.

Из всех рецептов хрустящей картошки я предпочитаю два. Первый называется «картофель по-швейцарски». В сущности, это большой блин, по составу и вкусу очень похожий на оладьи из

вареной картошки с луком. Главное здесь — умение подкинуть и перевернуть блин: это настолько захватывающее зрелище, что картошка тут — дело десятое. Второй — «картофель Анна». Нарезанный тонкими кружками картофель выкладывается в мелкую сковороду и запекается в духовке, после чего ссыпается коричневато-золотистой горкой на тарелку. Хотя «картофель Анна» — классический французский рецепт, в нем есть что-то безыскусное и старомодное, видимо, поэтому его часто выдают либо за семейный, передающийся из поколения в поколение рецепт, либо за свой экспромт.

Картофель по-швейцарски:

> Очистите 3 крупные (или 4 маленькие) красные картофелины (или любого другого сорта) и залейте холодной водой, чтобы вода их покрывала полностью. В хорошую большую сковороду с толстым дном положите 4 столовые ложки сливочного масла и 1 столовую ложку растительного масла для жарки. Быстро обсушите картофелины и натрите с помощью кухонного комбайна. Откиньте на дуршлаг и отожмите. Обсушите картофель бумажными полотенцами. Полотенец понадобится куда больше, чем вы думаете. Быстро сложите картофель в сковороду, разровняйте кулинарной лопаткой и жарьте на среднем огне около 15 минут, пока блин снизу не подрумянится. Затем, убедившись, что блин не пристал к сковороде, на глазах у изумленной публики одним невероятно ловким движением переверните блин в воздухе. Круто посолите и жарьте еще 5 минут. 2 порции.

«Картофель Анна»:

> Очистите 3 большие (или 4 маленькие) красные картофелины (можно сорта «айдахо»), залейте их водой. Быстро обсушите каждую картофелину и порежьте на кружки толщиной в 18 миллиметров. Обсушите каждый кружок бумажными полотенцами. Положите в чугунную сковороду с ручкой 1 столовую ложку топленого масла и выложите кружки картофеля так, чтобы они не покрывали друг друга. Сбрызните сверху маслом, посолите и поперчите. Поставьте в разогретую до 220 градусов Цельсия духовку на 45 минут; время от времени прижимайте картофель ко дну сковороды. Затем прибавьте жар до 250 градусов и запекайте еще 10 минут. Опрокиньте на плоское блюдо. 2 порции.

Середина (I)

Однажды произошло неизбежное. Я лезу в ящик с картошкой — хочу что-нибудь приготовить — и обнаруживаю, что мелкий коричневый картофель, изрядный мешок которого я купила несколькими неделями раньше, превратился, паршивец, в месиво, из которого лезут длинные, ни на что не годные ростки. Вдобавок из одной картофелины сочится странная коричневая жидкость; в считанные секунды по кухне распространяется жуткая вонь — не иначе как от нее. Я выбрасываю картошку и ищу в шкафу коробку с макаронами. В этот самый миг начало кончается, и начинается середина.

Середина (II)

Иногда ваш любимый вдруг объявляет, что решил сесть на диету: сократить количество углеводов, жиров и соли (то есть исключить картошку — если вы вдруг вознамерились ее приготовить); тем самым он дает вам понять, что середина подходит к концу и начинается конец.

Конец

В конце мне всегда хочется картошки. Картофельного пюре. Когда хандришь, ничего лучше пюре не придумать. Какое блаженство забраться в постель с миской горячего картофельного пюре, обильно заправленного сливочным маслом, и, прежде чем отправить вилку с картошкой в рот, методично сдабривать ее стружкой холодного масла. Однако и у пюре есть недостаток: на него уходит почти столько же сил, что и на хрустящую картошку, а если тебя точит тоска, торчать на кухне совсем не хочется. Разумеется, ты можешь поручить кому-нибудь приготовить для тебя пюре, но давай посмотрим правде в глаза: ты ведь потому и хандришь, что некому приготовить для тебя пюре. Вот и выходит, что большинство людей за свою жизнь явно недополучают картофельного пюре, а если даже и получают, то почти наверняка не тогда, когда хочется.

(Конечно, можно приучить детей готовить картофельное пюре, но следует знать, что Ричард Никсон чуть ли не все детство готовил пюре для своей матери и старательно выбрасывал из него комочки. На мой взгляд, такие комочки только улучшают настоящее пюре, но суть не в этом. Суть в том, что вряд ли стоит

приучать детей готовить картофельное пюре.)

Картофельное пюре:

Положите 1 крупную картофелину (или 2 мелкие) в большую кастрюлю подсоленной воды и доведите до кипения. Уменьшите огонь и не менее 20 минут варите на медленном огне, пока картофель не станет мягким. Слейте воду и, оставив картофель в кастрюле, выпарите оставшуюся жидкость. Снимите кожуру. Пропустите картофелину сквозь пресс для картофеля и немедленно положите в пюре 1 столовую ложку густых сливок, добавьте растопленное масло, соль и перец по вкусу. Ешьте сразу. Одна порция.

X

Эту главу мне не хочется затягивать. Вряд ли вам необходим подробнейший отчет — он не представляет особого интереса. По возвращении в Вашингтон я в первый вечер приготовила креветки с карри. (Если вам интересно, рецепт есть в книге «Борщ с говядиной дяди Симура».) На следующий вечер — курицу, фаршированную лимонами. (Рецепт Марселлы Хазан[66].) Через сутки заказала в «Скоттс барбекю» ужин с доставкой на дом. Мы с Марком сидели за столом и вели беседу. Точнее всего будет назвать ее бессвязной. Говорили обо всем, кроме того, что произошло. Я сдерживала слезы. Изо всех сил крепилась и не спросила, куда он ходил днем. Меня подмывало пойти в его кабинет и перевернуть там все вверх дном в поисках новых улик, но я опять-таки удержалась. А в конце концов решила: какого черта, схожу и посмотрю — хуже ведь быть не может. Оказалось, Марк запер дверь на ключ, и в кабинет я не попала. А в выходные Марк возьми да и спроси, как я делаю салатную заправку, но я не стала рассказывать. Эта заправка (не считая беременности) была моим последним козырем. Я живо представила, как Марк, вызнав рецепт, помчится с банкой «Грей Пупон»[67] (непременный ингредиент) к Телме, примется ее учить, как именно нужно заправку взбивать, и отчалит в лучезарное будущее с салатами из рукколы. Вам, наверно, кажется, что я придаю этой заправке слишком большое значение, но на войне как на войне.

Подозреваю, что вам не дает покоя вопрос насчет секса. Обычно я избегаю обсуждать эту тему — неловко как-то, но раз уж вас это интересует, придется ответить. Да, сексом мы занимались. Занимались всегда. Это-то больше всего меня и озадачивало. Потому-то связь Марка с Телмой и стала для меня полной неожиданностью. Теперь, оглядываясь на прошлое, должна признаться: в последнее время мы не проявляли в постели особой изобретательности, а по этой части я вообще никогда изобретательностью не отличалась. К чему ребячиться, думала я. Время от времени, листая книжки с изящными набросками пар в нестандартных позициях: совокупление стоя, в бассейне, или на полу, я всякий раз теряюсь в догадках. На полу! С какой стати заниматься этим на полу, когда рядом кровать? Признаюсь честно: по мне, даже секс на пляже — это уж чересчур.

Во вторник утром я полетела в Нью-Йорк на свой кулинарный семинар-показ в отделе хозяйственных принадлежностей универмага «Мейси». Время от времени я выступаю с такими показами, хотя не столько показываю, сколько рассказываю.

Иногда приходят серьезные специалисты, и я, небрежно шинкуя овощи, часто ловлю их ухмылки. Серьезные специалисты не принимают меня всерьез, и они правы. В ряды авторов кулинарных книг я попала как бы с черного хода, и пока мастера кулинарных дел раздумывали, как со мной быть, я тут как тут: пишу статьи, выступаю с показами, в том числе на телевидении, — по сути дела, вынимаю у них из кармана деньги.

Они утверждают, что я не получила соответствующего образования, что я не кулинар, а всего лишь демонстратор, что я вырезаю рецепты из чужих поваренных книг и выдаю за свои; у меня нет оригинального взгляда на еду и готовку, я — всего лишь продукт рекламы. (Последнее обвинение меня особенно злит: я была бы рада рекламе, только что-то никто не рвется меня рекламировать.) Раньше они твердили, что я ничего не смыслю в nouvelle cuisine[68], но в итоге-то оказалось, что очень даже смыслю, и больше я этих упреков не слышу. Что до nouvelle cuisine, я считаю ее просто глупой.

На мой взгляд, знатоки злоупотребляют прилагательными. Я прилагательные ненавижу. Сравнения и метафоры тоже ненавижу, они мне не даются и никогда не давались. Тому, кто хочет писать про еду, лучше избегать сравнений и метафор, потому что если их не остерегаться, то в тексте непременно появятся выражения типа «легче перышка». А дальше — пошло-поехало. Но как обойтись без прилагательных — вот главная закавыка. Если пишешь о еде, совсем без них не обойтись, но если ты без них никак не можешь, то рискуешь писать нечто вроде: «Рыба сочная, но соус комковатый» или «Соус нежный, но телятина волокнистая»; короче: существительное + прилагательное комплиментарного толка, следом — второе существительное + прилагательное с негативной окраской. В эти ловушки чаще всего попадают кулинарные обозреватели, которые пишут о ресторанах, а о них я никогда не писала и писать не буду. Все же надо и меру знать.

Как вы понимаете, я не стремилась стать автором книг по кулинарии. Такие люди, наверно, в наши дни есть; встречаются же чудаки, которые с раннего детства стремятся стать кинокритиками (упаси бог!); я же смолоду хотела стать журналистом. И стала. Работала репортером в газете «Нью-Йорк уорлд телеграм энд сан»[69], снимала двухкомнатную квартирку с похожей на чулан кухонькой и, когда ночевала одна, готовила себе чудо-ужин. Никаких баночек йогурта — дудки! Выбирала какой-нибудь рецепт из кулинарной книги Майкла Филда или Джулии Чайлд, по дороге домой покупала все, что нужно, и полвечера старательно осваивала выбранное блюдо. После чего

усаживалась с тарелкой перед телевизором. В то время я думала, что так и следует вести себя человеку тонкой культуры, но на самом деле я шла по стопам Мейми Эйзенхауэр[70]. Зато я научилась готовить. И все вокруг тоже, во всяком случае мои сверстницы. Дело было в середине шестидесятых годов — в разгар первого повального увлечения кулинарными конкурсами. Я всякий раз удивляюсь, когда люди, вспоминая шестидесятые, понижают голос, — видимо, намекая на сложности той эпохи, — а вот у меня о шестидесятых совсем другие воспоминания. За десертом тогда кто-нибудь непременно спрашивал: «А этот мусс по чьему рецепту?» Не забуду, как однажды мне позвонил приятель и сообщил, что его брак распался из-за телятины а-ля Орлофф, и я его поняла как нельзя лучше. В общем, полное безумие. До предельного идиотизма я не дошла: к примеру, ни разу в жизни не испекла киш, но на своем стояла до конца. Боюсь, в определенных кругах до сих пор считают, что именно я изобрела игру под названием «Если бы вам пришлось всю оставшуюся жизнь приправлять суфле либо шоколадом, либо ликером „Гран Марнье“, что бы вы предпочли?»

Итак, я работала в «Уорлд телеграм», когда редактор кулинарной страницы ушел на пенсию. И пока руководство подыскивало преемника, мне предложили временно возглавить отдел и вести колонку «В гостях у…». Вы же знаете, что это за колонка. Я договаривалась с разными знаменитостями об интервью, ехала к ним домой, и они рассказывали мне о званых обедах и ужинах, о дизайнерах и незаменимых экономках, а в завершение делились каким-нибудь кулинарным рецептом. Рецепты были не ахти какие — вы не поверите, если узнаете, сколько дам, славящихся своими приемами, не моргнув глазом потчуют гостей дрянью вроде куриной запеканки с брокколи и виноградом со сметаной и коричневым сахаром, — такое простительно разве что молодоженам. Зато интервью были увлекательные. Чего только мне не рассказывали: и как трудно с прислугой, и каково хозяйке, когда является нежданный гость, и какие чаевые приходится давать на Рождество, и о том, как по курятине, которой вас начинают потчевать, можно определить, насколько плохо экономическое положение в стране. «Темное мясо!» — презрительно бросила как-то одна дама.

Я тихо писала свои скромные беззлобные колонки в газете, которую никто не читал, но в результате стала своего рода экспертом в сфере высокой кухни. Возможно, слово «эксперт» не очень уместно — все же речь не о юриспруденции, экономике или истории Англии семнадцатого века, — однако я ощущала себя экспертом: я уже немало лет прожила с весьма поверхностным

представлением более или менее обо всем (сегодня это называется специалист широкого профиля), а тут вдруг поняла — я и впрямь знаю что-то о чем-то. Во всяком случае, я освоила профессиональный жаргон и, стало быть, могу отпускать шуточки для посвященных. Я взяла на заметку слова, которые непременно вызывают смех, особенно если их произнести громко, например «глютамат натрия», премия «Законодатель горчичного вкуса» компании «Р. Т. Френч»[71], конкурс «Пекари, кондитеры — вперед!»[72] и «Национальный конкурс блюд из курятины». Таким образом, у меня как у кулинарного обозревателя появился дополнительный козырь, отчасти искупавший в глазах профессионалов мой серьезный недостаток: я всегда была убеждена, что некоторые блюда, которые всерьез обсуждаются кулинарами высшего класса, — вроде кулебяки с лососиной (это название тоже неизменно смешит зрителей) — не стоят того, чтобы с ними возиться.

(У серьезных специалистов есть еще один любимый конек: они вечно твердят, что приготовление пищи — процесс в высшей степени творческий; меня это тоже раздражает. Только и слышишь: «Стряпня — очень творческое занятие». Да, несомненно, есть люди — их можно по пальцам перечесть, — которые действительно умеют творить кулинарные чудеса, хотя, на мой взгляд, чудеса эти в основном сводятся к расплавленному на маленьком огне козьему сыру, спрыскиванию телячьей печенки клубничным уксусом или к чрезмерному использованию киви в качестве ингредиента. Но по существу в основе стряпни лежат простые, давно известные правила, а те, кто твердит о ее творческом характере, упускают главное в самом понятии творчества: оно подразумевает творческие муки и упорный труд, но не имеет ничего общего с очередным новым способом приготовления свиной отбивной. Мало того, эти смелые притязания на креативность упускают суть готовки: она целиком держится на наитии. Знаете, за что я обожаю стряпню? За то, что после тяжелого рабочего дня почему-то особенно приятно думать: вот сейчас распущу в кастрюльке масло, добавлю муки, подолью горячего бульона, и смесь *загустеет*! Обязательно! Непременно, притом что в нашем мире все переменно. А тут — почти математическая определенность, хотя людям, жаждущим определенности, в нашем мире приходится довольствоваться кроссвордами.)

Обычно я с большим удовольствием провожу показы: мне нравится обращаться к публике с кратким вступлением, нравится невзначай отклоняться от темы и вскоре снова к ней возвращаться, но во время показа в универмаге «Мейси» — в

разгар готовки тушеного мяса в горшочке по рецепту Лиллиан Хеллман[73] — я почувствовала: что-то не так. Именно благодаря ее рецепту мне удалось утвердить свою репутацию в кулинарном мире, и не случайно: для этого варианта тушеного мяса в горшочке нужны дешевые ингредиенты: пакетик сухого лукового супа и баночка грибного супа-пюре. Еще в рецепт входит некий «Кухонный букет», но я его никогда не кладу. Итак:

> берете кусок хорошей говядины весом чуть меньше 2-х килограммов (чем мясо дороже, тем лучше), кладете в хороший горшок, следом туда же выкладываете грибной суп-пюре, высыпаете пакетик лукового супа, добавляете резаный лук (1 крупная луковица), 3 зубчика измельченного чеснока, 2 чашки красного вина и 2 чашки воды, 1 измельченный лавровый лист и по 1 чайной ложке тимьяна и базилика. Накрываете горшок крышкой и томите в духовом шкафу примерно 3 с половиной часа при температуре 180 градусов Цельсия, пока мясо не станет мягким.

Для меня этот рецепт тушеного мяса очень важен, и вот почему: он дает повод поговорить об отношениях между мужчиной и женщиной в Америке. Что я имею в виду: Лиллиан Хеллман играла большую роль в литературной жизни того времени, но не совсем ту, которую ей ставили в вину. Я ничего не имею против ее политических взглядов и стремления стать центральной фигурой большинства исторических конфликтов двадцатого века, но, как мне представляется, ее роман с Дэшиллом Хэмметом[74] столь же неправдоподобен, как и фильмы с участием Дорис Дэй[75], а именно из-за них, по мнению феминисток, у американцев далекие от реальности представления о любви. Эти фильмы рисуют такую картину: крупный мужчина и маленькая женщина рука об руку идут по дороге вдаль на фоне золотого заката, чтобы жить вместе долго и счастливо. А Лиллиан Хеллман рисует иную картину: крупный мужчина и *крупная* женщина вместе идут по дороге на фоне золотого заката, дерутся, клянут друг друга на чем свет стоит, пьют, убивают черепах, но тоже живут долго и счастливо (пока, естественно, один из них не умрет, давая другому возможность представить их роман в совсем новом свете). Я не утверждаю, что Лиллиан Хеллман первой из писателей оживила эту картину — Хэммет тоже приложил к этому руку, создав Ника и Нору Чарлз[76]. Но Хеллман представляла свою версию не как выдумку, а как реальное событие, так что читатель делает вывод: значит, такое бывает. Бывает ли?

Все это не бог весть что — так, отступление от темы, пока я, не теряя времени, отмеряла жидкие ингредиенты; но меня вдруг осенило: этим своим наблюдением я делюсь без запинки, так, будто чары этого вымысла надо мной не властны, будто я сумела без ущерба для себя избежать влияния подобной фантазии или была выше ее просто потому, что поняла: это всего лишь фантазия. Мне кажется, когда ты берешься за перо, возникает ощущение, что, если ты подметишь что-то в себе и об этом напишешь, то тем самым от чего-то освободишься. Ничего подобного, ты просто об этом напишешь, и точка. На самом деле, когда речь заходит о любви, я такая же дуреха, как старушка Лиллиан, а может, еще дурее.

Вот вам еще пример. Я уже десятки раз писала о стряпне и браке, собаку на этом съела. И прекрасно знаю, как бесконечно усложняется жизнь, если смешивать воедино еду и любовь. Но тогда, выступая в отделе хозяйственных принадлежностей универмага «Мейси», я поняла, что в вопросах еды и любви я ничуть не умнее рядовой еврейской мамаши, живущей ветхозаветными представлениями. Мне нравилось готовить, вот я и готовила. Постепенно готовка стала вариантом слов «я тебя люблю». Потом превратилась в *простой* способ признаться в любви. И, в конце концов, в *единственный* способ признаться в любви. Стремление создать из пирога с персиками шедевр пожирало все силы, на прочее меня не хватало. Другой вариант мне уже и в голову не приходил. Некоторые мои подруги были счастливы в браке и при этом не занимались стряпней; глядя на них, я порой недоумевала: как это у них получается? А если бы я не умела готовить, меня кто-нибудь полюбил бы? Мне всегда казалось, что стряпня входит в условия игры. Кто хочет, налетай! Это Рейчел Самстат — она умная, веселая *и вдобавок умеет готовить*!

От этих мыслей я до того расстроилась и разозлилась, что вдруг с маху как тяпну ножом по луковице — та гранатой полетела в зрителей на первом ряду и плюхнулась в объемистую сумку с надписью «Литерари гилд»[77]. Все засмеялись, я бесшабашно тряхнула головой, будто мне не впервой проделывать такие фокусы (вот уж нет), и тут увидела Ричарда. Ричард — мой продюсер. (До чего же эти слова греют душу! Мой продюсер. Мой врач. Мой бухгалтер. Мой дежурный администратор. Мой агент. Моя помощница по дому.) Ричард Финкел, продюсер моей программы, плохо видит даже в очках, и пока я возвращала на место беглую луковицу, он, щурясь, вглядывался в людскую толчею и, высмотрев меня, неистово замахал рукой — видимо, ему и в голову не приходит, что его,

рыжего, долговязого, трудно не заметить. У меня сразу полегчало на душе. Как странно, что я углядела его именно в ту минуту; в нашу первую с Ричардом ночь он изобразил, как его отец ест луковицу, и с тех пор стоит мне подумать про лук, как перед моими глазами возникает картина: голый Ричард лежит со мной на кровати, неистово грызет воображаемую луковицу и при этом впечатляюще рыгает. Как это я тогда в него не влюбилась — уму непостижимо; я ведь из тех дурочек, для которых мужчина, способный изобразить, как его отец грызет сырую луковицу, — достойнейший объект любви. Однако же не влюбилась. И скажу вам, кто на моем месте влюбился бы в Ричарда. Это Бренда, моя бывшая подруга, а ныне — свойственница. Она всегда влюблялась в мужчин, в которых я не видела ничего привлекательного, и когда я спрашивала, что она нашла в очередном избраннике, в ответ слышала нечто вроде: «Он потрясающе пародирует Софи Такер»[78]. Бренда влюбилась в своего будущего мужа Гарри после того, как он блестяще изобразил двухтысячелетнего старца, а через неделю после свадьбы поняла, что их браку конец: выяснилось, что Гарри целиком позаимствовал этот номер у Мела Брукса[79].

Мы с Ричардом переспали всего несколько раз. Такие связи обычно начинаются с фразы: «Мы делаем большую ошибку». Это значит, что ты не ввязываешься в роман очертя голову, а просто убиваешь время. Убив некоторое количество времени, мы с Ричардом снова стали друзьями. Ну а потом я начала встречаться с Марком, а Ричард — с Хелен, и наши отношения осложнились. Ричард сразу невзлюбил Марка, а я — Хелен, вот в чем была загвоздка. Хелен из тех людей, которые всегда отмалчиваются, но молчит она не из застенчивости, а потому что убедилась: если не раскрывать рта (вот бы мне этому научиться), окружающие начинают нервничать, стесняться и выбирать слова, а заговори она, все было бы иначе. Люди вроде меня ныряют в пустоту молчания, а люди типа Хелен в ней безмятежно парят. Мы, говоруны, несем околесицу, треплемся как заведенные, а люди типа Хелен сидят себе и невозмутимо улыбаются.

— Она меня ненавидит? — спросила я Ричарда после знакомства с Хелен.

— Конечно, нет, — говорит он.

— Тогда почему она всегда молчит? — спрашиваю я.

— Просто стесняется, — объясняет он.

— Сомнительно, — говорю я.

— Ты плохо себе представляешь, какого страху можешь нагнать на человека, — замечает Ричард.

— Чепуха, — отмахиваюсь я.

— Насчет Ирана он не прав, — роняет Ричард после знакомства с Марком.

— Скажи ему сам, — советую я. — Какой смысл обсуждать Иран со мной? Плевала я на него.

— Я пытался с ним поговорить, — отвечает Ричард, — но лектора прервать нелегко.

— Никакой он не лектор, — возражаю я. — Он просто любит поговорить. Говоруны на свете тоже бывают.

— Только не заводи про Хелен, — предупреждает Ричард.

— Я и думать не думала про Хелен.

— Ври больше, — бросает Ричард.

Потом все мы поженились. Если тебе не нравится человек, с которым твой друг или подруга заключают брак, начинаются трудности. Во-первых, тебе придется свести общение к совместным ланчам, а я их ненавижу. Во-вторых, даже самый банальный вопрос типа «как Хелен?» воспринимается болезненно — твой друг уверен, что ты надеешься услышать от него: «Умерла». Ты раздражаешься из-за того, что твой дорогой друг женился на недостойной его женщине, а его раздражает, что ты не замечаешь достоинств его возлюбленной. Позже, если брак твоего друга рушится, он злится на тебя еще больше: будь ты настоящим другом, ты бы все силы положила, чтобы удержать его от этой ошибки, заперла бы его в кладовке, пока у него не пройдет охота жениться. Я попыталась поступить именно так в случае с Брендой и потерпела фиаско. Задолго до того, как мы узнали, что Гарри позаимствовал у Мела Брукса скетч про двухтысячелетнего старца, стало ясно, что он Бренде не пара, и по глупости я так ей и ляпнула. Когда же выяснилось, что я была права и они, прожив вместе восемь лет, в конце концов разошлись, думаете, Бренда мне хоть спасибо сказала? Как бы не так! А ведь кто ее предупреждал, как не я? Она стала спать с моим мужем Чарли, и вдобавок всю нашу троицу Гарри наградил лобковыми вшами.

Ужасно не хотелось сообщать Ричарду о нашем с Марком разладе: я живо представляла себе, как он самодовольно усмехнется. Но вышло иначе. Едва я закончила презентацию, Ричард увел меня в сумрачный бар со словами:

— Мне надо с тобой поговорить.

Я хотела было поднять руку — мол, мне тоже есть что сказать, но он уже начал:

— У меня было очень тяжелое предчувствие. И оно меня не обмануло.

— Предчувствие? — переспрашиваю я. Рассуждать о предчувствиях совсем не в его характере. Он даже пересказы снов

слушать не любит.

— Пошел я вчера постричься, — начинает Ричард. — Сижу в парикмахерской, пытаюсь читать газету, а Мелани — я у нее регулярно стригусь — взялась за дело; вдруг, ни с того ни с сего, я возьми и спроси: «Как у тебя дела с Рэем?» Она с ним года два как помолвлена. Спрашиваю, значит, а она в ответ закатывает глаза: оказывается, Рэй в кого-то влюбился. Короче, пришел к Мелани и признался, что влюблен в другую, но хочет остаться с ней друзьями. А я с тобой дружить не желаю, говорит Мелани. Почему это? — удивляется он. Потому что ты набитый дурак, отвечает она, вот почему. И, обращаясь ко мне, говорит: «Представляешь? Тот еще наглец! А после еще спрашивает: „Ты что же, теперь меня даже стричь не станешь?“ Представляешь? Чувак помолвлен со мной, при этом влюбляется в какую-то телку и еще надеется, что я буду его стричь! Пошел он куда подальше! На кой мне такой козел сдался?»

Щелкая ножницами, она опять закатывает глаза, а я вдруг ловлю себя на том, что тупо смотрю в зеркало и чувствую: со мной происходит что-то странное. «Предвидение», возможно, слишком сильное слово, но ощущение было явно похожее. «Не спрашивай, по ком звонит колокол, Ричард Финкел, — подумал я, — он звонит по тебе»[80].

— К чему это ты клонишь, Ричард? — спрашиваю я.

— Я *знал*, — отчеканивает он. — В ту минуту *я* точно *понял*.

— Понял что?

— Понял, что Хелен влюбилась в кого-то еще.

— Хелен… — повторяю я.

— Моя жена, — поясняет Ричард. — Хелен. Вспомнила? Та самая, которую ты ненавидишь.

— Это не я ее ненавижу, а она меня, — возражаю я. — Хелен меня ненавидит.

— И сразу все прояснилось, — продолжает Ричард. — Хелен в кого-то влюбилась и хотела мне об этом сказать; но если бы она мне выложила все напрямик, то я ни за что не повел бы себя так здраво и трезво, как та парикмахерша.

— А что, Хелен и *вправду* в кого-то влюбилась? — спрашиваю я.

— Да, — говорит Ричард. — Я вернулся домой, рассказал ей, какое у меня предчувствие, и знаешь, что она сказала? «Мне кажется, нам надо поговорить». — Ричард качает головой. — «Мне кажется, нам надо поговорить» — пять самых страшных слов в нашем языке.

— Хелен в кого-то влюбилась, — говорю я.

— Да, — подтверждает Ричард.

— Ну и дела, — бормочу я.

— Ты и не представляешь, каково это, — говорит Ричард.

— Еще как представляю, — возражаю я. — Спроси-ка меня, как поживает Марк.

— Ну и как поживает Марк? — повторяет Ричард.

— Он в кого-то влюбился, — сообщаю я.

— Ты это говоришь только для того, чтобы мне стало легче, — заявляет Ричард.

— Ничего подобного. Он всерьез в кого-то влюбился, а я для него — нечто вроде старого тюфяка.

— Лапочка, — Ричард крепко обнял меня. Потом заказал нам еще по двойной порции. И опять меня обнял. Не могу не отметить, что и в кризисе супружеской жизни есть свои плюсы, например, тебя то и дело заключают в объятия.

— И кто же это, парень или девушка? — спрашивает Ричард.

— Парень или девушка? В каком смысле?

— В кого влюбился Марк? Вот в каком смысле, — уточняет Ричард.

— Знаю, ты Марка не любишь, — говорю я, — но что за глупый вопрос.

— Значит, в девушку, верно?

— Верно, — подтверждаю я.

— Вот и Хелен тоже влюбилась в девушку, — говорит Ричард.

— Ах ты, мой дорогой…

Мы переглянулись. Ситуация была щекотливая. Иначе и быть не может, когда друг рассказывает про семейные неприятности: тут необходимо очень тщательно выбирать слова — вдруг у него все уладится? Но я оказалась в еще более щекотливом положении, чем обычно. К примеру, было бы ужасной ошибкой посоветовать: «Да пускай она катится, скатертью дорога», хоть меня и подмывало так сказать. Еще хуже было бы ляпнуть «лесбиянка», но этого я боялась зря, Ричард меня опередил:

— Ты знала, что она лесбиянка?

— Так ведь поди пойми, кто лесбиянка, а кто нет, — говорю я. — Самые очаровательные, женственные дамы — лесбиянки. Если на то пошло, Хелен, по-моему, на лесбиянку не тянет: шарму в ней маловато.

— Не смешно, — бурчит Ричард.

— Очень даже смешно, — говорю я. — Скорее всего, она не настоящая лесбиянка; просто увлеклась какой-то женщиной, и все.

— Ясно: теперь ты станешь мне внушать, что это нормально и естественно — мол, у всех женщин есть склонности такого рода.

— Не стану, — говорю я, — но для женщин, в отличие от

мужчин, это не столь уж серьезное отклонение. Подумаешь, большое дело.

— Очень даже большое, если речь идет о твоей жене, — возражает Ричард. — А самое ужасное в том, что она влюбилась в особу, с которой я сам ее познакомил, — в свою собственную секретаршу, а ведь я ее к Хелен и устроил.

— Что-то я не улавливаю…

— В Джойс Раскин, — говорит Ричард. — Свою секретаршу. Раньше она работала на Тринадцатом канале, но ее сократили. Мне она всегда нравилась, а Хелен как раз подыскивала секретаря; я дал Джойс номер телефона Хелен, и теперь она спит с моей женой.

— Ну, Джойс тут не виновата, замечаю я.

Когда моя подруга Бренда стала спать с моим первым мужем Чарли, я совершила похожую ошибку — свалила вину на Бренду. Меня ничуть не удивляло, что Чарли стал мне изменять — он же мужчина, а мужчины изменяли мне еще с первого класса. *Но она же моя подруга!* Мы дружили с нашей первой встречи, а было нам тогда по пять лет. Познакомились в детском саду, в очереди за книгами. Та минута врезалась мне в память на всю жизнь: девочка впереди меня обернулась, я взглянула на нее и поняла, что ничего прекраснее в жизни не видала. Льняные волосы до пояса, темно-зеленые глаза, снежно-белая кожа — просто принцесса из какой-нибудь дурацкой сказки. Я всегда тешила себя надеждой, что в конце концов она подурнеет, а я с возрастом похорошею и мы более или менее сравняемся. Но она так и не подурнела. Что еще хуже, в детстве мы с ней каждое лето ездили в лагерь, участвовали там в спектаклях, и она всегда играла девочку, а я — мальчика. Годами меня снедала жгучая обида на Бренду: я мечтала получить роль девочки, но ни разу не получила. Если честно, в глубине души я даже обрадовалась, когда она стала спать с Чарли: я избавилась от чувства вины, ведь я много лет завидовала Бренде, а теперь меня грело сознание, что я — невинная жертва обмана.

Словом, в измене есть и своя привлекательность: из запутанных отношений, при которых обе стороны не чураются оскорблений, ты с великим удовольствием переходишь в другую реальность, простую, ясную и приятную, так как твой обидчик (или обидчица) совершил по отношению к тебе нечто настолько ужасное и непростительное, что тебе мгновенно отпускаются все второстепенные грехи типа лени, зависти, обжорства, алчности… И еще какие-то три, но их я забыла.

Только спустя много лет, когда мне наконец открылась вся чудовищность измены, я убедилась, что совершенно напрасно

винила во всем Бренду. Прошли годы, и в один прекрасный день поганка Бренда появилась на свадьбе моего отца — он женился на ее старшей сестре, — подошла ко мне и искренне, со слезами в голосе говорит:

— Очень надеюсь, что мы снова станем друзьями.

— Сильно сомневаюсь, — отвечаю я.

— Но мне тебя так не хватает, — и она заплакала.

— Ты меня не разжалобишь, не надейся, — говорю я. — Я тебе ничего плохого не делала, не то что ты. Не забыла еще?

— Нет, — признается Бренда. — И не прощу себе этого никогда. Прости меня. Ну пожалуйста!

Прояви благоразумие, Рейчел, приказываю я себе. Теперь она тебе родня. Неужели из-за одного давнего проступка ты никогда больше не станешь с ней разговаривать? Только потому, что однажды твой муж отправился за электрическими лампочками, но так их и не купил?

— Умоляю, прости меня, — продолжает Бренда. — Если бы я могла вычеркнуть из своей жизни одну неделю, я бы вычеркнула ту неделю во Флориде.

ТУ неделю во Флориде?! Я не верила собственным ушам. Задолго до тех поисков электрических лампочек Бренда пребывала в унынии от своего брака с Гарри, и мы с Чарли взяли ее с собой на кулинарный конкурс компании «Пиллзбери». Просто чтобы она взбодрилась! Представляете? Я всю неделю бродила по Большому залу отеля «Фонтенбло», оценивая слоеные рогалики с кремом, а теперь выясняется, что тем временем Бренда с Чарли смотрели по платному каналу порнографические фильмы и без передышки трахались, точно кролики. А тут у моего отца свадьба, куча гостей, отец рассказывает очередную байку с бородой про то, как он послал Говарда Хоукса[81] куда подальше, моя новая мачеха потчует всех соусом гуакамоле, а меня та неделя во Флориде так взбесила, что глаза как пеленой застлало. И злилась я уже не на Бренду, понимаете? Я столько лет на нее злилась, что уже не осталось сил злиться. А вот Чарли — я готова была его убить. Согласна, реакция запоздалая, но, ей-ей, меня так и подмывало набрать его номер и сказать: катись к черту, видеть тебя не желаю. Впрочем, поскольку я и так пять лет — с того дня, когда нашему браку пришел конец, — его в глаза не видела, грозить ему не было никакого смысла. С Марком все тоже вышло хуже некуда, но тут я хотя бы знала, кто виноват.

— И почему же мне не надо винить Джойс? — спрашивает Ричард. — Мы ведь были друзьями.

— Но Хелен-то тебе жена, — говорю я.

— Я ей никогда не доверял, — признается Ричард. — Сидит

себе и потягивает «Тэб»[82], а какие мысли бродят у нее в голове, поди знай.

— Зато теперь знаешь, — говорю я.

— Как прикажешь тебя понимать?

— Сама не пойму. Я хотела тебя приободрить, а не портить тебе настроение, — говорю я.

— Извини, — говорит Ричард. — Расскажи про вас с Марком.

Мы вышли на улицу. Стоял ясный октябрьский денек, и мы под ручку зашагали по городу. Если ты беременна, тебе особенно удобно идти под руку с кем-нибудь высоким: живот не мешает. Я рассказала Ричарду про нас, Марка, Телму и меня. К тому времени, когда я завершила свой рассказ, мы уже дошли до Центрального парка, и тут Ричард меня поцеловал. Целуется он замечательно. Марк тоже, но в браке целоваться постепенно перестают — вот какая штука. Мы дошли до зоопарка, посмотрели, как часы на летнем театре «Делакорт» бьют пять, и сели на лавочку перед тюленьим бассейном. Тут Ричард снова меня поцеловал.

— По-моему, я его просто-напросто закормила, — говорю я.

— Ты с ума сошла, — бормочет Ричард.

— Меня, видимо, настолько заворожило сознание, что мы с ним — супружеская пара, что я даже не заметила, что мужчина, с которым мы пара, уже спарился с совсем другой женщиной.

Тут Ричард кладет руку мне на живот — тугой и круглый, как баскетбольный мяч, и говорит:

— Пошли ко мне.

Я качаю головой.

— Нет, правда, Рейчел, — говорит он. — Вот было бы здорово! Мне еще не доводилось спать с женщиной на восьмом месяце беременности.

— Уверена, что Хелен это тоже понравилось бы, — замечаю я.

— Сегодня утром Хелен съехала с квартиры. Если хочешь, можешь поселиться у меня, — предлагает Ричард. — У нас и детская комната имеется. Я не шучу, Рейчел. Когда-то я снял документальный фильм про метод Ламаза и готов рожать ребенка вместе с тобой. Можем заново пройти курс подготовки.

— Я не в восторге от метода Ламаза.

— Тогда можем пойти на антиламазовские курсы, — говорит Ричард.

— Но мы ведь не влюблены, — говорю я.

— Откуда ты знаешь? — спрашивает Ричард.

— Оттуда: я все еще люблю Марка. А ты все еще любишь Хелен. Мы с тобой — две жертвы измен — будем просто жаться друг к другу, но нас ничто не связывает, кроме желания наказать

тех двоих за то, как они с нами поступили.

— Выходи за меня, — говорит Ричард. И, поднявшись во весь рост, повторяет: — Выходи за меня, Рейчел.

Неподалеку люди сидели на лавочках, бродили вокруг тюленьего бассейна, и я видела, как они с любопытством закрутили головами.

— Рейчел, я серьезно, — уже во весь голос произносит Ричард. — Я хочу на тебе жениться. Надо было еще тогда на тебе жениться.

— Давай, Рейчел, выходи за него! — гаркает парень через две скамейки от нас. — Пускай у мальца будет папаша.

Парочка на другой скамейке зааплодировала, послышались смешки.

— Ричард, сядь, — говорю я. — Прошу тебя.

— А ты что, готова произвести на свет ребенка в нынешних обстоятельствах? — вопит он, направляется к тюленьему бассейну и вот уже прыгает на парапет. — Я хочу на тебе жениться, ты хочешь за меня выйти — ты просто не догоняешь. Выходи за меня, Рейчел. Я — человек верный. Я не способен на измену. Может, я сейчас и под мухой, но ручаюсь за каждое свое слово. Если уж я говорю «навсегда», значит, навсегда. А если ты хочешь, чтобы я сел, перестал на тебя орать и выставлять себя на посмешище, скажи одно только слово: да.

Раздались дружные аплодисменты.

— Слышишь? — говорит Ричард. — Народ меня поддерживает. — Он смотрит на меня, победно вскидывает руки и кричит: — Выходи за меня! И ноги твоей никогда больше не будет в Вашингтоне. Выходи за меня, и тебе никогда больше не придется притворяться, что ты отличаешь Иран от Ирака. Выходи за меня, и тебе никогда больше не надо будет слушать очередного зануду, который трындит о том, кто, по его мнению, станет следующим заместителем редактора иностранного отдела в «Вашингтон пост».

Он тряхнул головой и расплылся в улыбке — явно был уверен, что завершил свое выступление на редкость удачно. Затем повернулся и спиной плюхнулся в бассейн. Снова послышались аплодисменты: это лежавшие на камнях тюлени, хлопая ластами, попрыгали в воду. Публика ринулась к парапету; на глазах зевак Ричард великолепным австралийским кролем проплыл несколько кругов и вылез на берег сохнуть.

— Подумай хорошенько, — кричит он и валится навзничь, изображая полный упадок сил.

И минуты не прошло, как полицейские арестовали его за нарушение общественного порядка. Ричард воспринял арест с

редким добродушием. Его закутали в попону, повели в местный участок, выписали штраф и отправили домой. Я сделала ему яичницу и уложила в постель.

— Останься со мной, — говорит он.

— Нет, — отвечаю я.

— Куда же ты идешь?

— Переночую в отцовской квартире. На последний самолет я уже опоздала.

— Рейчел, — говорит Ричард, — дело вовсе не в том, сколько лет ты для него стряпала. И не в том, что ты хотела стать с Марком настоящей супружеской парой. Дело вообще не в тебе.

— Отчасти наверняка и во мне, — говорю я.

— Почему?

— Потому что если дело не во мне, значит, я точно не смогу ничего изменить.

— Об этом я и толкую, — говорит Ричард.

— Знаю, — говорю я, — но согласиться с тобой не могу.

— В ином же случае поступи так, как я, — советует Ричард. — Теперь мне куда лучше, чем прежде.

— Ты что мне предлагаешь? Попросить человека, которого я не люблю, жениться на мне, а потом сигануть в бассейн с тюленями?

— Я тебе предлагаю совершить дикое сумасбродство, — говорит Ричард, — причем с размахом. Я уже так и сделал: попросил тебя выйти за меня замуж и прыгнул в бассейн к тюленям. А ты поступи так, как хочется тебе.

— Мне в голову приходит только одно дикое сумасбродство: пойти постричься, — говорю я.

— Погоди, ты еще что-нибудь придумаешь, — говорит Ричард. — И тогда я буду рядом.

И с улыбкой засыпает.

XI

Назавтра я улетела в Вашингтон. Настроение у меня поднялось: по крайней мере, есть человек, который хочет быть моим мужем. Правда, не тот, за кем я замужем, но все же лучше, чем ничего. Домой я поехала на такси. Может быть, он по мне скучал, думала я, пока машина сворачивала к дому. Может, образумился. Может, вспомнил, что любит меня. И, может, горько раскаивается. Перед домом стояла полицейская машина. Может, он умер, мелькнула мысль. Всех проблем это, конечно, не решит, но кое-какие — определенно. Конечно же, он не умер. Они никогда не умирают. Особенно если ты желаешь им смерти.

Марк сидел в гостиной в обществе двух вашингтонских полицейских. Они потягивали пиво и расхваливали его колонки. Я не устаю удивляться готовности полицейских попить пива на даровщинку. В детстве я годами смотрела, как Джек Уэбб[83] в «Облаве» решительно отказывается от пива, и всерьез уверилась, что предложить полицейскому даже чашку кофе — значит его оскорбить. При моем появлении стражи порядка вскочили, один пожал мне руку и торжественно объявил, что приехал, чтобы вернуть мне кольцо с бриллиантом. Затем вручил мне квитанцию, я ее подписала и получила от него коричневый, перевязанный бечевкой конвертик. Я вскрыла его. Внутри лежало завернутое в бумажку кольцо и письмо от детектива Нолана: «Уважаемая г-жа Самстат, отправляю вашу собственность на ваш вашингтонский адрес, так как, по словам вашего доктора, вы опять живете там. Преступника мы поймали, он сознался в содеянном, поэтому ваше присутствие в зале суда необязательно. Если когда-нибудь появитесь в Нью-Йорке, позвоните мне. Теперь я лыс». Номер телефона и подпись: Эндрю Нолан. Эндрю. Неплохое имя. Энди. ЭндиЭндиЭнди. Не надо, Энди. Пожалуйста, Энди. Да, Энди. Еще, Энди, еще. Я люблю тебя, Энди. Я стала надевать кольцо, но заметила, что бриллиант шатается в оправе. Дурной знак. Меня уже тошнило от примет. Я показала Марку: камень еле держится. Он сердито взглянул на меня. Еще один дурной знак.

Полицейские удалились; сверху с криком «мамочка, мамочка!» кубарем скатился Сэм и прыгнул мне на колени.

— Вчера звонила Телма, — говорит Марк. — Она на тебя очень сердита. И я тоже.

— Мамочка, где ты была? — спрашивает Сэм.

— В Нью-Йорке. Но я вернулась.

— Она вчера обедала с Бетти, — продолжает Марк, — и Бетти с твоих слов сказала Телме, что у нее герпес.

— Я про герпес не говорила, — возражаю я.

— Ну, что-то подобное точно ляпнула, — упорствует Марк.

— Я сказала, что у нее заразная болезнь.

— Словом, Телма на тебя злится, — говорит Марк.

— *Она* злится на *меня*! Чья бы корова мычала! — Всю жизнь я ждала случая ввернуть «чья бы корова мычала», наконец-то он представился. — Уж точно: чья бы корова мычала, а ее бы молчала. И вот что, ты, подонок, предупреди свою Телму: если она и дальше будет сюда звонить, я скажу Бетти, что у нее триппер. То-то будет срам.

— Трам-пам-пам, — подхватил Сэм и захлопал в ладоши.

— И еще слух распущу, — говорю я: — Угадайте, у какой немыслимо долговязой вашингтонской светской львицы стыдная болезнь, но имейте в виду: речь не о карьеризме.

Марк выскочил из гостиной, хлопнув дверью.

За окном взревел двигатель, машина уехала.

Я почитала Сэму книжку, но мысли мои были далеко. Когда же все это перестанет меня мучить? Хватит ли сил выдержать? В моей жизни осталось одно-единственное светлое пятно — мой малыш, но даже на нем я не могла толком сосредоточиться. Меня ранили в самое сердце. Ранили в мозг, а на ум мне приходят лишь избитые фразы о ране в самое сердце. Я знаю: есть женщины, которым все это известно не понаслышке, но, пока страсти не улеглись, они держат язык за зубами, самообладание не изменяет им и в самую трудную минуту, даже если они оказываются лицом к лицу с соперницей на званом обеде, или в супермаркете, или на зимней распродаже в «Сакс яндел», — но я определенно не из их числа. Однажды на вечеринке моя мать увидела, как отец целуется с какой-то гостьей; она запомнила это на всю жизнь и, напившись, непременно припоминала ему тот случай. Один поцелуй — подумаешь, дело! Как бы она отреагировала, если бы она вынашивала ребенка, а он в это время завел бы полноценный роман?

Я понимала: в том, что произошло, Телма не виновата. Моей подругой она никогда не была. Мы даже ни разу не сходили вместе обедать. Я давно перестала верить в якобы присущую всем женщинам непостижимую, почти сестринскую преданность друг другу. И при всем при том я ненавидела Телму всеми фибрами моего разбухшего тела. Ненавидела за то, что она превратила Марка — мужчину, которого я когда-то полюбила, — в холодного, жестокого, чужого человека. Казалось, он стал ее зеркальным отражением и обращался со мной точно так же, как Телма со своим мужем Джонатаном.

Я сразу представила себе ближайший званый ужин в

Вашингтоне, на который пригласят и нас четверых. Телма, разумеется, будет привычно изображать светскую даму: протянет руку, точно английская королева, мол, она готова подправить пошатнувшиеся отношения с непокорной колонией, затем лицемерно похвалит мою черную шматту, из которой я не вылезаю с пятого месяца беременности.

«Ах, Рейчел, — скажет она, — я всякий раз восхищаюсь: это платье тебе так идет!» Мне страшно хотелось вести себя при этом благовоспитанно. Держать язык за зубами. Пропускать все мимо ушей. А больше всего мне хотелось показать, до чего я невозмутимая и уверенная в себе и досадую на Телму не больше, чем на старую жвачку, на которую ненароком наступила. Увы, этого мне не дано.

А что будет, когда все всё узнают? Когда эта малоаппетитная каша станет притчей во языцех? И мы, все четверо, превратимся в объект насмешек и сплетен или в тех, кого Уолтер Уинчелл[84] называл «неприглашаемыми». Слепить распадающийся брак и без того трудно, ну а когда становится известно, что он «под угрозой», к нему относятся с такой же опаской, как к диагнозу «рак».

Я увела Сэма в кухню и препоручила его Хуаните. Потом черным ходом поднялась в кабинет Марка. Дверь, как я и предполагала, была открыта. В спешке он забыл ее запереть. Я села на стул возле письменного стола и вынула из ящика папку с телефонными счетами. Так оно и есть: там было все — и счета за местные разговоры с домашнего телефона, и за майские звонки во Францию, и за звонки на Мартас-Виньярд[85] в августе. Я вытащила счета «Американ экспресс». (Интересно, как действовали в подобных ситуациях мазохистки прежних времен, до изобретения кредитных карт?) Просмотрела квитанции: отель «Мариотт» в Алегзандрии, отель «Плаза» в Нью-Йорке, «Риц-Карлтон» в Бостоне. И цветы — прямо-таки клумбы цветов.

Я чувствовала себя героиней пошлого романа; мало того, даже знала, какого именно пошлого романа: «Все самое лучшее»[86]. Но мне хотя бы не пришлось *копаться* во всякой дряни — просто не потребовалось. Первые цветы были посланы в сере-

дине марта. Середина марта… И вдруг я вспомнила: в середине марта на атомной электростанции, что на острове Три-Майл[87], случился перегрев реактора; я тогда перепугалась: ветер дул в нашу сторону и нес с собой радиоактивный воздух; я собрала Сэма и уехала с ним в Атланту — там у меня была запланирована презентация. Долгие годы Марк отчитывал меня за полное отсутствие интереса к политике; и вот я ею

заинтересовалась, причем настолько, что уехала из дому; и куда же этот интерес привел? Меня с Сэмом он привел в Атланту, а моего мужа и Телму — в постель. Вот куда заводит политика. Это мне урок.

Я рассовала бумажки по папкам и задвинула ящик. Посидела, тупо глядя в окно. На столе лежала развернутая газета. Я покосилась на нее и вспомнила, что еще не видела сегодняшнюю «Вашингтон пост». Я присмотрелась — номер не сегодняшний, а воскресный, тетрадка объявлений о купле-продаже недвижимости. У меня свело живот, я с трудом перевела дух. Открыла газету на рубрике: «Жилые дома — округ Колумбия». Марк тщательно ее проштудировал: все дома с четырьмя или больше спальнями в приличных районах на северо-западе Вашингтона были отмечены галочками. Голова закружилась, я закрыла глаза: может, пройдет? Стало быть, они подыскивают себе дом. А чему я, собственно, удивляюсь? Выбирают же они себе блейзеры и диваны, значит, и выбора жилья ждать недолго. Приглядевшись, я заметила кое-где на полях краткие пометы. Адреса. Сведения о помещениях для прислуги. В одном из домов, похоже, имеется бассейн.

Я вернулась на кухню, Сэм обедал, и я посидела с ним. Четырнадцать раз спела ему песенку про паучка. Сэм пошел спать, а я попросила у Хуаниты машину, сказала, что ненадолго, и покатила в Кливленд-Парк[88], где жили Райсы. Проехала мимо их особняка. Шторы на окнах задернуты; видимо, никого дома нет. Через полквартала поймала себя на мысли: а не рвануть ли в Алегзандрию. Ворваться к ним в «Мариотт» с банкой инсектицида. И тут увидела нашу машину. Я ударила по тормозам и дала задний ход. Машина, несомненно, наша. Я припарковалась, вышла и заглянула в салон — сзади было приторочено детское сиденье. В ту минуту это показалось мне верхом непотребства: Марк впутал в свою интрижку даже детское сиденье.

Я подошла к дому в поисках признаков жизни. Просторный деревянный дом, обсаженный кустами рододендронов и азалий. Я пересекла лужайку и попыталась заглянуть в щелку под шторой, но кусты мешали подойти к окну вплотную. Я старалась двигаться бесшумно, но под ногами хрустели палые листья и сухие ветки. Внезапно я споткнулась и упала. И поняла, что вывихнула лодыжку; на миг я решила, что еще и растянула мышцы живота, но вскоре живот перестал болеть. Я огляделась: на что же я наткнулась? Оказывается, дом обнесен проволокой. Я решила выяснить, куда она ведет, свернула за угол и ахнула: под рододендроновым кустом прямо на земле ничком лежал человек.

Джонатан Райс. Что, если он мертв, подумала я, но он вдруг дернул ногой. А ведь за последние два часа, подумала я, мне уже дважды казалось, что двое, причем совершенно разных мужчин, мертвы, и не могла решить, в каком из этих двух случаев ошибка огорчила бы меня больше?

Джонатан все лежал под кустом, из ушей тянулись провода наушников. Он повернулся и, почти не мигая, уставился на меня. Потом снял наушники и сел.

— Знаешь, — говорит он, — про герпес ты зря ляпнула. Телма ведь очень хорошо к тебе относилась.

— А теперь нет, — говорю я.

— Теперь нет, — подтверждает Джонатан. — Она на тебя очень злится. Сейчас они подыскивают дом. Нашли что-то подходящее на Двадцать первой улице; правда, Телма полагает, что им нужно пять спален, а Марк считает, что можно обойтись четырьмя.

Интересно, подумала я, кто же занимается Ближним Востоком, пока Джонатан шпионит в кустах, но он опять надел наушники и покачал головой:

— Они намерены без проволочки купить дом, — говорит он, — привести его в порядок, дождаться, когда ты разродишься, и через несколько месяцев переехать туда. Марк рассчитывает добиться совместной опеки над детьми.

У меня снова захватило дух, я прижала руку к животу.

— Что с тобой? — спрашивает Джонатан.

— Да зацепилась ногой за твою проволоку и упала; похоже, растянула мышцы живота.

Каждые несколько минут Джонатан давал мне сводку: что-то про банковский кредит, который Марк с Телмой намеревались взять на покупку жилья, и при этом Джонатан не упустил возможности детально просветить меня насчет растущей процентной ставки, а у меня вдруг снова разболелся живот.

— Джонатан, — говорю я.

В ответ он приложил палец к губам, будто в доме происходят события космического масштаба.

Я сдернула с его головы наушники:

— Джонатан, я рожаю.

Что было дальше, я помню смутно. Помню, что Джонатан встал с земли и ринулся в дом. Помню, что несколько минут спустя появился Марк. Помню, как мы ехали в больницу — я упрекала Марка за то, что он подыскивал жилье, он упрекал меня за то, что я шпионю за ним, причем на чужой территории. Помню родильную палату, в которой неожиданно появился Марвин, мой

акушер-гинеколог. Он немедленно взял дело в свои руки. Марвин — профессор, поэтому он попутно объяснял ход родов группе интернов: роды преждевременные, плод находится в поперечной позиции, и ждать, что он повернется, крайне рискованно; следовательно, опять показано кесарево сечение. Есть вопросы? Один интерн поднял руку.

— Я с удовольствием читаю вашу колонку, — сообщает он Марку.

Интерны вышли.

— Ваш муж может остаться, — говорит Марвин. — Вообще-то посторонним присутствовать на операции не положено, но мы незаметно проведем его в родильную.

Марвин был страшно доволен собой: он может предоставить этой милейшей паре, с которой он на дружеской ноге, возможность вместе участвовать в рождении второго ребенка. Но сейчас это уже не та пара, вертелось у меня на языке; та была у вас в прошлом году. В этом году все переменилось. В этом году мой муж стал мне чужим. Не позволяйте этому чужаку смотреть, как меня будут потрошить.

Анестезиолог сделал мне укол в спину, я ждала, когда подействует эпидуральная анестезия. Марк стоял рядом. Первая схватка. Две подряд. Три. Затем боль притупилась, стала слабее, еще слабее; мне чудилось, что я превратилась в русалку и вместо ног у меня холодный бесчувственный хвост. Пока меня везли в родильную палату, я смотрела на попискивающий монитор.

— Расскажи мне, как Сэм появился на свет, — прошу я Марка.

Он смотрит на меня.

— Доктор сказал: «Что-то тут неладно». Вот с этого места, помнишь?

Марк кивает:

— Врач вывел меня из родильной палаты и сказал: «Что-то тут неладно: сердце почти не прослушивается». Мы с ним вернулись к тебе, и он сказал, что ребенок в тяжелом состоянии. А ты спросила: «Что, наш малыш умрет?»

Этот рассказ я слышала уже десятки раз.

— Доктор ответил: «Медлить нельзя, сделаем кесарево сечение». И тебя увезли. Ты держалась очень мужественно. А я был в ужасе. Всю операцию просидел в комнате для посетителей; помню, какой-то тип напротив меня лопал пиццу с колбасой. Через пятнадцать минут из операционной вышел доктор, провел меня в родильную палату, и я увидел Сэма — он как-то потешно попискивал. Они дали мне его подержать, и тут ты очнулась и спросила: «Это наш малыш?» И я положил его тебе на живот. А

сам притулился рядом с вами.

У меня брызнули слезы:

— Какой был замечательный день.

— Чувствуете что-нибудь? — спрашивает врач. Он имел в виду скальпель.

— Да, — отвечаю я, — немножко.

И отвернулась от Марка. Сестра утерла мне мокрое от слез лицо и говорит: «Держитесь, все будет хорошо». В операционную вошел педиатр — наш педиатр. Когда родился Сэм, он нам сказал: «Если вы хотите, чтобы я стал вашим педиатром, давайте заранее договоримся: когда будете мне звонить, не начинайте с извинений. Чтобы я не слышал фраз типа „простите за беспокойство“. Или „возможно, это сущая ерунда“. Раз уж вы решили позвонить, значит, мне надо вас выслушать. Понятно?» Мы с Марком сидели в кабинете, на руках у нас был маленький мягкий сверток, мы гордились и собой, и нашим малышом, и даже словоблудием педиатра. Новоиспеченные родители, мы смотрели на всех свысока. Для обоих это был второй брак. Все заскоки остались в прошлом; наши дети будут расти в любви и радости, в достатке и с необходимой обслугой. У дочек будут игрушечные ружья, а у сыновей — куклы.

После рождения Сэма я не раз думала: никто никогда не говорил мне, как сильно я буду любить своего ребенка; а теперь я поняла и кое-что другое, о чем тоже никогда не говорят: ребенок — это граната. Родив ребенка, вы взрываете свой брак — когда пыль осядет, он изменится, станет не таким, как раньше. Не обязательно лучше, не обязательно хуже; просто другим. Этого вам никогда не прочесть в бесчисленных, слащавых до идиотизма статейках о распределении обязанностей по воспитанию ребенка, и уж тем более там нет и словечка о том, что после рождения малыша борьба супругов за верховенство в семье продолжится уже на новом поле брани. К примеру, ребенок проснулся среди ночи, а ты, вместо того чтобы немедленно вскочить с постели, лежишь и соображаешь: чья очередь вставать? Если твоя, то вставай: если же его, почему он все еще дрыхнет, а ты уже проснулась и прикидываешь, чья очередь вставать. Кормлением теперь занимаются *оба*: она кормит, а он составляет ей компанию. И к врачу ребенка везут оба: один везет, а другой едет, чтобы первый не обижался, что это дело свалили на него. Сегодня родители бьются за право первым дать малышу настоящую еду, и оба старательно увиливают от обязанности менять подгузник, сокращать количество сладостей в рационе ребенка или настаивать на соблюдении правил поведения.

Об этом никто никогда не рассказывает; впрочем, даже если

бы и рассказывали, мы вряд ли прислушались бы. Мы же такие умные. Такие взрослые. Такие счастливые. И все у нас под контролем.

— А теперь чувствуете? — спрашивает врач.

— Нет.

Он уже резал меня. Но было это где-то далеко-далеко. Прошла минута. Две. Хоть бы с ребенком все обошлось… Ну пожалуйста, пусть все будет хорошо. Я открыла глаза и увидела медсестру, она шла к педиатру, а в руках у нее был младенец — влажная головка, слипшиеся черные прядки волос. И худая, кожа да кости, ручонка. Длинные худые ноги. *Шевельнись. Пожалуйста, шевельнись.* Нога чуть дернулась. Звук, напоминающий тихое покашливание. Едва слышный плач.

Натаниел.

Я закрыла глаза.

С ребенком все в порядке, доносится до меня.

В порядке. Все будет хорошо.

Итак, Натаниел родился раньше срока. Но он в этом не виноват. Во мне что-то умирало, и ему надо было срочно выбраться на свет.

XII

Кесарево делали в сложных обстоятельствах, немудрено, что возникли осложнения. Натаниел лежал на восьмом этаже больницы, его лягушачье тельце было сплошь обвито резиновыми трубками и проводами от мониторов. Я лежала на пятом, тоже опутанная трубками и проводами. После анестезии в голове стоял туман, мысли путались. Я часами перебирала нашу с Марком жизнь. Что же случилось? Отчего все пошло не так? *Он спятил*. Я снова и снова искала ответ. Ответ, конечно, напрашивается сам собой, но принять его — значит принять произошедшее как непостижимую загадку, которую мне никогда не разгадать. Ненавижу загадки, и не я одна их ненавижу. Природа их ненавидит тоже.

В Вашингтон прилетела Вера. Она провела у меня в больнице целый день. Массировала мне голову, выслушивала мои гипотезы. Мне кажется, говорила я, что у меня слишком много времени уходило на стряпню и куда меньше на мужа. Я надеялась, что рождение ребенка изменит нашу совместную жизнь к лучшему, говорила я; очень часто я бывала нетерпеливой, мелочной, раздражительной и сварливой. Вот Марк и потянулся к женщине, которая еще не наслушалась его баек и не смотрела на него с укоризной, когда он излагал точку зрения, позаимствованную у лучшего друга.

— Возможно, все так и есть, — говорит Вера, — но главное не в этом. Главное — понять, чего хочешь ты.

— Может, дело в том, что нам больше нечего было ремонтировать и декорировать, — говорю я. — Может, если бы мы продолжали покупать дома, бороться с подрядчиками и спорить о том, что делать с полами — обесцветить их или покрасить в темный цвет, мы еще много-много лет жили бы и не тужили.

— Ты меня-то услышала? — спрашивает Вера.

— Я ведь всерьез верила, что счастливые браки бывают.

— Бывают, бывают, — говорит Вера.

— Нет, не бывают, — говорю я. — И не рассказывай мне про себя. Не хочу про тебя слушать. Тебе повезло, у тебя брак успешный, но больше таких не будет. А для нас, прочих, надежды нет. Я это знаю и все-таки не теряю надежды. И не оставляю стараний. Думаю, ладно, в прошлый раз я ошиблась, но теперь приложу все силы, чтобы на этот раз не оплошать.

— А что, не самый плохой урок в жизни, — замечает Вера.

— Да толку от него мало, — говорю я. — Очередные креплах.

Помнишь ту притчу?

Вера посмотрела на меня, и глаза ее наполнились слезами. Такое с ней иногда случается, особенно когда я капризничаю или веду себя вызывающе; в ответ она дает волю чувствам, которые я себе запрещаю. А она взяла меня за руку, и мы обе заплакали.

Марк приезжал в больницу каждый день. Кроме дня рождения Телмы — в тот день он позвонил и сообщил, что должен слетать в Нью-Йорк, взять интервью. А я знала, что это день рождения Телмы, потому что на следующий день позвонила Бетти и все мне рассказала. Оказывается, Джонатан Райс заготовил Телме сюрприз на день рождения: званый обед в ресторане; гости съехались, залезли под стол, готовясь разом выскочить, как только приедет виновница торжества, но она так и не явилась.

— Можешь себе представить? — говорит Бетти.

— Боюсь, что могу, — отвечаю я.

— Очень хочется вычислить, с кем она сейчас спит, — говорит Бетти.

— Возможно, с Марком.

Бетти хохочет:

— Ну, погоди, Рейчел, вот возьму и передам твою шуточку Марку. Он со смеху умрет.

— Я сама ему расскажу. Он как раз пришел.

— О чем это ты? — спрашивает Марк.

Держи язык за зубами, Рейчел!

— Так, ерунда. «Дамское ЦРУ» в действии.

Я перебралась с постели в кресло-каталку со всеми своими капельницами. Марк подвез меня к лифту, и мы поехали наверх посмотреть на малыша. Нам повезло. Эту фразу я твердила без конца. Натаниела положили в отделение для новорожденных с серьезными осложнениями: синюшные младенцы с пороком сердца, младенцы с одной почкой или с отверстиями в сердце; у Натаниела все было в порядке, вот только он был очень маленький. Но не самый маленький в отделении. Главное, он был наш, родной, хотя походил на мешочек с костями. Головку ему обрили, чтобы легче было подключать мониторы, тельце облепили крошечными лейкопластырями, удерживавшими на месте трубочки капельниц. Его нельзя было даже просто взять на руки. Разрешалось только просунуть обеззараженные гексахлорофеном руки в специальные отверстия, чтобы его покормить, придерживая неестественно податливое тельце за шейку. При рождении он весил чуть больше килограмма восьмисот граммов. Правда, ел он охотно, вес набирал, но все равно был совсем крошечным. Мы подвесили над его головой

маленького рыжего клоуна, я его качнула. Может быть, Натаниел его заметит. Марк спел ему песенку. *Спи, малыш, не плачь, родной. Засыпай, любимый…* Интересно, куда они пошли отмечать ее день рождения? *Пусть во сне примчит к тебе табун неутомимый…* Хотела бы я знать, что он подарил ей на день рождения. *Табунок коней лихих соберется рядом: гнедых, каурых, вороных — не окинешь взглядом.* Жаль, что я не знала про ее день рождения; я бы тоже отправила ей подарочек. *Спи, малыш, не плачь, родной. Засыпай, любимый…* Удавку, вот что.

Меня пришли навестить Артур и Джули. Однажды — я уже лежала в больнице — выяснилось, что их дизайнер по интерьеру, которому они выдали четыре тысячи долларов на покупку мебели, ухнул все деньги на кокаин; на следующий день их дочку временно исключили из школы за то, что она спустила четырех живых песчанок в унитаз. Днем позже у них на кухне поселилась летучая мышь. Все это они излагали подробно, день за днем. Джули нашла парикмахершу, которая согласилась приехать в больницу и помыть мне голову, а в тот день, когда у меня из носа вынули наконец резиновую трубку и я смогла есть диетическую пищу, Артур расстарался: приготовил рисовый пудинг, единственное блюдо, которое он умеет готовить. Зато готовит его великолепно, кладет в самую меру и риса, и изюма. В этой книге уже немало рецептов для малышей, поэтому рецепт пудинга я опущу. Мне кажется, если вам по вкусу рисовый пудинг — значит, у вас наверняка есть хороший рецепт; а если не по вкусу, то вряд ли вы вообще им соблазнитесь, разве только вдруг влюбитесь в человека, которому рисовый пудинг по вкусу, и сами тоже его полюбите. Со мной так однажды было.

В последний день моего пребывания в больнице Марвин, мой акушер-гинеколог, снял швы. Потом из большой корзины с фруктами — ее прислал мне хахаль Бетти — выбрал яблоко и уселся в обитое ледерином кресло. Я ожидала, что он спросит, не страдаю ли я от послеродовой депрессии? Мне же меньше всего хотелось, чтобы мой врач догадался, что на фоне моей предродовой ситуации послеродовая депрессия — сущая ерунда. Я прекрасно отношусь к Марвину (хотя как-то раз он и попросил меня написать рецензию на его книгу о предменструальных состояниях), но в ту минуту я не была настроена на задушевную беседу.

— Ты веришь в любовь? — спросил он.

Вот что получается, если решаешь сойтись с врачом поближе, думала я. А ведь я сама настояла, чтобы мы обращались друг к

другу по имени, без церемоний. Но я же его не спрашиваю, возбуждается ли он, когда лезет своими лапами дамам во влагалище. Или когда ощупывает груди на предмет уплотнений.

— Что-что?

— В любовь веришь? — повторяет он.

Иногда я верю, что любовь умирает, а надежда — никогда. Иногда верю, что надежда умирает, а любовь — никогда. Порой верю, что секс плюс чувство вины равняются любви. Порой верю, что секс плюс чувство вины равняются хорошему сексу. Иногда верю, что любовь такое же явление природы, как приливы и отливы, а иногда — что любовь есть волевой акт. Иногда верю, что некоторые более способны испытывать любовь, чем другие, а иногда — что все только притворяются, что любят. Порой верю, что любовь превыше всего, порой — что любви придают такое значение только потому, что, когда ее нет, мы тратим жизнь на поиски любви.

— Да, — говорю я. — Верю.

Я поехала домой.

Натаниел остался в больнице.

Мы оба окрепли.

Я держала себя в руках.

Говорила очень мало.

Старалась следить за ходом обсуждения национального бюджета.

Пошла на званый ужин и держала хвост пистолетом.

Натаниела перевели из инкубатора, и теперь я могла брать его на руки и кормить.

Я читала Сэму множество рассказов о младших братиках.

Я не задавала вопросов типа: как у тебя дела, как дела у нас, ты ее все еще любишь, а меня еще хоть чуточку любишь, вы с ней по-прежнему намерены приобрести дом, что ты купил ей на день рождения, у тебя с ней все кончено, у тебя с ней когда-нибудь все кончится?

Прошло две недели.

Позвонила Бетти. Пригласила на ужин.

— Мы приготовим омаров, — сказала она. — А ты привези десерт. Сделай свой знаменитый торт с лаймом.

XIII

Если бы можно было все вернуть назад, я принесла бы совсем другой торт. А тогда, у Бетти, я запустила тем тортом в Марка и обляпала его — любо-дорого смотреть; но черничный пирог был бы куда лучше: его новый блейзер — который они выбирали с Телмой — оставалось бы только выбросить. Но Бетти попросила принести торт с лаймом, и я так и сделала. Готовить его очень просто.

> Берете блюдо диаметром около 25 сантиметров и засыпаете дно слоем раздробленных крекеров из муки грубого помола. Взбиваете 6 желтков. Добавляете 1 чашку сока лайма (подойдет даже готовый бутылочный сок), 2 400-граммовые банки сладкой сгущенки и 1 столовую ложку натертой лаймовой цедры. Выливаете смесь в блюдо и убираете в морозильник. Минут за пятнадцать до подачи взбейте сливки, обмажьте пирог, дайте ему постоять минут пять и несите на стол.

Сейчас-то я понимаю, что швырять торт (а еще лучше — сначала подумать, что тебя довело до этого) надо было на несколько недель раньше, но швыряться тортами, если ты беременна, не так-то легко: ты сама очень уязвима. И я, честно говоря, еще не была готова швыряться тортами. К тому же, когда мне захотелось запустить чем-нибудь в Марка, мысль о торте пришла мне в голову отнюдь не первой, да и запустить в него чем-нибудь меня подмывало не впервой, но не хватало духу. К примеру, однажды, вскоре после того, как я узнала про его шашни с Телмой, я пришла в ярость, но под рукой оказалось лишь сделанное на заказ кресло «Тонет»[89]; а я слишком буржуазна, чтобы бросаться такими креслами. Потом, особенно уже в больнице, я всерьез подумывала, не размозжить ли Марку голову отличной сковородой, купленной в магазине кухонных принадлежностей «Бридж», но я прекрасно знала: на такое я просто не способна. Да и вообще, размозжить мужу голову сковородой — в этом есть что-то удручающе феминистское, словом, вы меня понимаете.

(Я и по сей день задаюсь вопросом: решилась бы я швырнуть в Марка торт, если бы мы ужинали в столовой Бетти? Очень сомневаюсь. Пол в ее столовой застлан великолепным восточным ковром, и я побоялась бы его заляпать. К счастью, ужинали мы в кухне, там пол покрыт линолеумом. Как видите, я типичная

буржуазка — в один миг схватила торт, готовясь швырнуть его в Марка, в один миг решилась на самый храбрый — пусть и банальный — поступок в жизни, однако же успела подумать: слава богу, что на полу линолеум, его легко отмыть.)

В субботу днем, после звонка Бетти, я вышла с Сэмом прогуляться и заодно купить все необходимое для торта. Мы с Сэмом долго прикидывали, что и как будет в понедельник, когда Натаниел приедет из больницы домой, договорились, что Сэм будет его любить и кормить вкуснейшими паучками. Купили в магазине «Нимз» все, что нужно для торта. День был погожий, и мы решили прогуляться до магазина игрушек на М-стрит[90]. Дорога шла мимо ювелирного магазина, где Марк купил для меня бриллиантовое кольцо, и я вспомнила, что так и не отнесла его в ремонт. Оно лежало в моем портмоне, в пакетике.

Сквозь витринное стекло я увидела хозяина магазина: милейший седовласый Лео Ротман в тридцатых годах сражался в рядах Бригады имени Авраама Линкольна[91], в сороковых его выкинули из Министерства труда, а теперь он — ювелир с миллионным состоянием, сидит за прилавком и открывает электронной кнопкой дверь только белым посетителям. Дверь отворилась, Лео расцеловал меня. Когда Марк за мной ухаживал, он заваливал меня цветами, воздушными шарами и ювелирными украшениями, покупал он их у Лео, поэтому Лео считал, что сыграл важную роль в нашем браке — без его изделий не обошлось и на стадии ухаживания, и на свадьбе, и после рождения первенца (первая серебряная ложечка); похоже, Лео ничуть не досадовал, что, за исключением кольца с бриллиантом, Марк тратил на покупки не более нескольких сотен долларов.

Я рассказала Лео об ограблении; он заверил меня, что вставить камень в оправу — минутное дело. Мы с Сэмом наблюдали, как он достал инструменты и принялся за работу. Завязалась беседа. О том о сем. О всякой ерунде. Лео спросил, известно ли мне, что бриллиант в моем кольце во всех отношениях безупречный. Да, отвечаю я, Марк мне об этом говорил. Если вы когда-нибудь вздумаете его продать, говорит Лео, то сбыть его не составит труда — настолько хорош камень; в свое время Лео и Марку сказал, что охотно выкупит его за ту же цену. Очень рада слышать, говорю я. Понравилось ли мне колье, спрашивает он. Колье. Я замялась. Лео взглянул на меня, и лупа выскочила у него из глазницы.

— Я, видно, спутал его с другим покупателем, — бормочет он.

— Нет-нет, — говорю. — Я в курсе: пока я лежала в больнице, Марк что-то купил. — Так-так, значит, он купил ей на день

рождения колье. Я валялась в больнице с трубкой в носу, а он покупал ей колье. — Вот плутишка.

— Надо держать язык за зубами, — бурчит себе под нос Лео.

— Я очень рада, что вы проболтались, — говорю я. — Теперь ясно, что меня ждет. А то откроешь ненароком коробку, там колье, а ты не в том настроении — что может быть хуже? — Меня уже несло, но сил остановиться не было: — Однажды я настроилась на ночную рубашку: Марк без конца намекал, что купил мне подарок на день рождения, и я в конце концов брякнула: «Мне все равно что, лишь бы не чемодан», а он, оказывается, именно чемодан и купил.

Я покраснела, как свекла.

Но Лео сосредоточился на кольце; я доняла его своим трепом, так что он лишь невнятно хмыкал. Закончив работу, он вручил мне кольцо. Изумительное кольцо. Под лучом заходящего солнца бриллиант засверкал, и на стене магазина заиграла яркая радуга. Сэм побежал к ней, я стала вертеть кольцо так и этак, радуга металась по стенам, а Сэм хохотал, прыгал — пытался поймать ее в ладошки.

— Сколько? — спрашиваю я.

— Нисколько, это бесплатно, — говорит Лео.

— За кольцо — сколько? Сколько вы мне дадите за кольцо?

Лео смотрит на меня:

— На самом деле вы же не хотите его продать.

— Я на самом деле хочу его продать, — говорю я. — А вы на самом деле хотите его купить?

— Разумеется, — говорит он.

— Лео, я это кольцо обожаю, — признаюсь я, — но на самом деле оно совсем не вяжется с моим укладом жизни. Во-первых, если бы я не поехала на метро, его не украли бы. Выходит, если в таком кольце нельзя ездить в метро, тогда зачем оно, это кольцо? В определенном смысле оно — что-то вроде норковой шубки. Будь у меня норковая шубка, в Нью-Йорке мне пришлось бы ездить исключительно на такси, и мы бы вскоре совсем обеднели. Марк — такой романтик, не исключено, что за это колье он выложил все свои сбережения.

Лео кивнул:

— Да, на первый взнос.

— На первый взнос, — повторяю я.

— Очень красивое колье, — говорит Лео.

— Стало быть, у меня появится колье, в котором тоже нельзя будет ездить на метро. Так сколько же за кольцо?

— Пятнадцать тысяч, — отвечает Лео.

— Пятнадцать тысяч, — повторяю я.

— Столько за него заплатил Марк, — говорит Лео.

Сразу после того, как моя мать бросила отца и сбежала с Мелом в Нью-Мехико, отец дал мне денег. Вот уж чего я не ожидала так не ожидала. Я поехала его навестить — в то время я была замужем за Чарли, — и мы долго и душевно беседовали о том, как в одно прекрасное воскресенье термиты целиком съели дверь гаража в нашем доме в Беверли-Хиллз, а мы даже ничего не заметили, и вдруг посреди разговора отец схватил чековую книжку и выписал мне чек на три тысячи долларов.

— С чего вдруг? — удивилась я, надеясь, что он не обратил внимания на поспешность, с какой я цапнула чек у него из рук и сунула в задний карман джинсов.

— Хорошая ты девочка, вот с чего, — сказал он.

Я накрыла карман рукой — не ровен час чек вылетит, нырнет обратно в чековую книжку, и сумма с подписью исчезнут без следа. Но под тканью ощущалась заветная бумажка. Я водила пальцем по карману и слышала, как шуршит внутри чек. Сердце гулко колотилось — теперь я могу спокойно расстаться с мужем: у меня есть на что жить.

— Пятнадцать тысяч — что ж, по рукам, — говорю я Лео.

Десять лет прошло; расставаться с мужем теперь обходится дороже.

С чеком в кармане я вернулась домой и занялась тортом. Но впала в транс. Ну, может, и не совсем в транс, но почти что в транс, такого со мной никогда не было: я потеряла дар речи. Несколько часов подряд молчала, ни слова не сказала. В восемь вечера мы с Марком и тортом отправились к Бетти. Нас было четверо: я, Марк, Бетти и Дмитрий, они живут вместе. Раньше Дмитрий был послом Югославии в США. Когда срок пребывания в должности у него закончился, он вернулся в Белград и открыл сеть прачечных самообслуживания. Потом опять приехал в Вашингтон и занялся дорогими шербетами[92]. Марк постоянно ставил Дмитрия мне в пример: смотри, вот человек, сумевший сочетать два разных увлечения — еду и политику; на самом же деле Дмитрия интересовало одно: деньги. Политика занимала его ровно настолько, чтобы понять: в социалистической стране можно разбогатеть на удовлетворении основных потребностей, а в капиталистической — на удовлетворении потребности в дорогих удовольствиях. Более добродушного человека, чем Дмитрий, я не встречала; Бетти это бесит, Дмитрий же только смеется, ну и Бетти смеется вместе с ним. Мне кажется, они очень счастливы. А там кто их знает. Ведь все считали, что мы с Марком очень счастливы. Да и я сама так считала.

Когда мы приехали к Бетти, Марк и Дмитрий отправились на

кухню варить омаров, а мы с Бетти остались в гостиной; Бетти завела речь о танцах, которые Бетти, Телма и я вроде бы взялись устроить. Предположительно в клубе «Салгрейв». Согласие распорядителя бала вроде бы уже получено. Теперь дело за мной: я так и не представила списка гостей, а Телма и Бетти свои уже составили. В списке Телмы, как я и ожидала, значится чета Киссинджер. Бетти трещала без умолку, я слушала ее и не заметила, как выпила целую бутылку белого вина; к началу ужина я была сильно под мухой. Мы принялись за омаров. О чем говорили, не помню. Помню только, что никто вроде бы не обратил внимания, что за весь вечер я не сказала ни слова: им до меня не было дела. Надо будет попробовать повторить этот трюк, подумала я: сиди себе тихенько и помалкивай. Может, и получится, когда буду лежать в гробу.

Мы доели омаров; я достала из морозильника свой торт с лаймом, обмазала его взбитыми сливками и поставила перед собой: надо было дать ему немножко оттаять (см. рецепт). Туг Бетти поворачивается ко мне и говорит:

— Рейчел, ты же не рассказала мне про Ричарда и Хелен!

— А что там у Ричарда с Хелен? — спрашивает Марк.

— Они разводятся, — сообщает Бетти. — На этой неделе я столкнулась с ним в Нью-Йорке.

— Всегда терпеть не мог эту женщину, — говорит Марк.

— А мне она, пожалуй, понравилась, — говорит Дмитрий.

— Когда же ты с ней познакомился? — спрашивает Бетти.

— Да здесь и познакомился, — говорит Дмитрий. — Рейчел с Марком привезли их однажды к нам. С Хелен никто не разговаривал, вот я и решил перебросить с ней парой слов. Нормальная женщина.

— Не знаю никого, кто отозвался бы о ней хорошо, — говорит Бетти.

— Правда, я заподозрил, что она лесбиянка, — добавляет Дмитрий.

— Ну как тут не лопнуть от злости! — вопит Бетти. — Мне-то почему ты не сказал?

— Я тебе говорил, — возражает Дмитрий, — а ты в ответ: «Не смеши меня».

— Черт подери, — буркает Бетти.

— Чего ты так злишься на Дмитрия? — спрашивает Марк.

— Потому что она действительно лесбиянка.

— Вот те раз, — недоумевает Марк.

— Если бы Дмитрий не был таким добродушным, он выразился бы покрепче, я бы ему поверила, и это не стало бы для меня сюрпризом. — Бетти вызверилась на Дмитрия и пробурчала:

— Ненавижу сюрпризы.

Дмитрий поднялся из-за стола: пора было варить кофе; по дороге он чмокнул Бетти в шею.

— Нечего подлизываться, — говорит Бетти и расплывается в улыбке.

— Так Хелен и правда лесбиянка? — спрашивает Марк.

— Ну да, она бросила Ричарда ради своей секретарши, — говорит Бетти.

— Рейчел, а ты об этом знала? — спрашивает Марк.

Я кивнула.

— Я долго не могла поверить, — говорит Бетти. — Пока летела домой, всю дорогу только об этом и думала. Как такое возможно? Сто лет знаешь человека — и на тебе. Сколько они прожили вместе?

— Столько же, сколько мы с Рейчел, — говорит Марк.

— Вот именно, — говорит Бетти. — Как можно столько лет прожить с человеком и не подозревать о таком?

— Не мог *он* не знать, — говорит Дмитрий. — *Я же* знал.

— А он утверждает, что ничего не знал, — говорит Бетти. — Но как можно было не знать? Как можно прожить с человеком и ничего не заподозрить?

— Может, когда они познакомились, она еще не была лесбиянкой, — замечает Дмитрий.

— Конечно, была, — говорит Бетти. — То всю жизнь женщина как женщина, и вдруг — на тебе! Лесбуха!

— И такое бывает, — говорит Дмитрий. — Это как аллергия на клубнику. Можно всю жизнь есть клубнику, и вдруг — опа: сыпь по всему телу.

— Не смеши, — говорит Бетти.

— Последний раз ты сказала мне «не смеши» в ту самую минуту, когда я пытался сообщить тебе, что жена Ричарда — лесбиянка, — напоминает Дмитрий.

— А теперь ты пытаешься уверить меня, что она всего-навсего начинающая лесбиянка, — говорит Бетти. — Где правда?

— Понятия не имею, — признается Дмитрий. — Я просто пытаюсь тебя разозлить.

И опять ее чмокнул.

— Не верю, что люди способны так меняться, — говорит Бетти. — И не пытайся меня разубедить, Рейчел. Не вешай мне на уши эту вашу нью-йоркскую психоаналитическую лапшу: мол, человек способен на все. Чепуха. Поэтому повторяю свой вопрос: неужели можно годами состоять в браке и даже не догадываться о таких существенных особенностях своей второй половины?

Голова у меня пошла кругом.

Надо все же принять участие в разговоре, подумала я. Не то рухну лицом в торт. Надо все же сказать, что такое *и вправду* бывает. Тем временем Марк перевел разговор на другую тему — про Збигнева Бжезинского[93]. Надо все же сказать им, что порой человек так сильно любит кого-то — или так хочет любить, — что ничего не замечает. Предположим, ты решаешь, что любишь этого человека, ты ему доверяешь, живешь с ним изо дня в день как муж и жена и вроде бы даже догадываешься, что все идет не так, но догадываешься смутно, будто сквозь сон. А потом ясно видишь, что все у вас хуже некуда, но чувства, что ты это давно знала, нет: тебе кажется, что все это время ты жила где-то в другом месте.

— Наверно, он жил в воображаемом мире, — говорит Бетти и начинает собирать кофейные чашки.

А Марк с Дмитрием обсуждают разрядку международной напряженности.

В воображаемом мире. Пожалуй, да. А потом этот мир разлетается вдребезги. Мечта умирает. А ты выбирай: если можешь, довольствуйся тем, что есть, а не то бросай все и, как полная идиотка, твори новый иллюзорный мир. Я смотрела на сидевшего напротив Марка и думала: я все еще тебя люблю. Гляжу на твою глупую физиономию, на дурацкую пегую бородку, а в голове одна мысль: в жизни не встречала мужчины неотразимее тебя. Ты мне по-прежнему интересен, хотя сейчас ты зануднее даже шоу Мартина Агронски[94]. Когда-нибудь этот дурман рассеется. А на сегодня с меня хватит. Да, я не красавица, уже, как говорится, в летах, денег у меня — дай бог месяца два протянуть; мне страшно остаться одной, о разводе и помыслить не могу, но лучше я умру, чем буду и дальше делать вид, что все хорошо; лучше умру, чем буду прикидывать, как бы добиться, чтобы ты меня снова полюбил; лучше умру, чем еще хоть раз стану рыться в ящиках твоего стола, гадать, где ты шляешься, ожидать очередной измены и терзаться вопросом: сможет ли мое бедное, потрепанное жизнью тело не первой молодости, со шрамами от кесаревых сечений, все еще тебя возбуждать? Не хочу жалеть себя. Не хочу выступать в роли жертвы. Не хочу надеяться вопреки всему. Не хочу чувствовать, как ярость рвет душу и ищет выхода в слезах. НЕ ХОЧУ СИДЕТЬ И МОЛЧАТЬ!

Я посмотрела на торт, и он вдруг заколыхался. А они говорили о Госдепе. Если запустить в Марка тортом, подумала я, он разлюбит меня навек. И тут меня как током ударило: он уже меня разлюбил. В голове разом прояснилось: все, конец. И неважно, спятил он или нет. Неважно, виновата я в этом или нет. Важно лишь одно: *он меня не любит. Если запустить в него*

тортом, он разлюбит меня навсегда. Но он уже меня не любит. Значит, раз мне хочется, я могу запустить в него тортом. Я взяла блюдо, возблагодарила Бога за линолеум на полу и метнула торт. Он угодил Марку преимущественно в правую половину его лица — тоже неплохо. Крем и лаймовая начинка облепили ему бороду, нос и ресницы, кусочки коржа обсыпали блейзер. Меня разобрал смех. Марк тоже засмеялся; надо признать, он даже не опешил. Захохотал, будто у нас с ним подобные шуточки в ходу, просто мы забыли предупредить Бетти с Дмитрием, и обтерся салфеткой.

— Пожалуй, нам пора домой, — сказал он и встал.

Я тоже встала. Повернулась к Бетти — она ошалело таращилась на нас.

— Кстати, — сказала я, — на танцы меня не ждите.

И мы поехали домой.

Разумеется, все это я пишу спустя время, долгое время; меня смущает, что я опять поступила, как обычно поступаю: подавила гнев, скрыла страдания, сделала вид, что и не было никаких страданий, лишь бы не испортить рассказ.

— Почему ты считаешь, что все, что с тобой случается, надо непременно превращать в рассказ? — однажды спросила Вера.

Помню даже, *когда* она это спросила. После того как распался мой брак с Чарли, я сразу переехала в квартиру, где все предметы обстановки трансформировались: диван — в кровать, журнальный столик — в обеденный стол, приставной столик — в табурет.

— Как вы поживаете? — эдак задушевно спрашивали меня — так в ту пору было принято. Как вы? Меня это коробило. И я рассказывала всем про мою квартирку, где вся мебель трансформируется, и тут звонит мне приятельница:

— Хочу дать тебе совет. Я даю его тем моим подругам, кто разводится: не покупай ничего не в «Азуме»[95].

Этот сюжетец я тоже включила в свой репертуар.

Вера спросила:

— Почему ты считаешь, что все, что с тобой случается, надо непременно превращать в рассказ?

Я сказала почему.

Потому что, рассказывая историю, я предлагаю свою версию того, что произошло.

Потому что мой рассказ вызывает у слушателей смех, а по мне, чем жалеть, пусть лучше они смеются надо мной.

Потому что, если я рассказываю историю из своей жизни, мне уже легче.

Потому что, если я ее рассказываю, значит, жить можно.

Накануне отъезда из Вашингтона я прочитала воскресные

газеты. Поджарила для Сэма гренки со взбитым яйцом, полила их сладким сиропом. Съездила в больницу навестить Натаниела — на следующий день его должны были выписать. Спросила у педиатра, можно ли будет везти его в Нью-Йорк. Можно, сказал педиатр, но только на поезде. Потом я позвонила медсестре, выхаживавшей Натаниела, и сказала, что назавтра мы с ним уезжаем на поезде в Нью-Йорк. Позвонила в Нью-Йорк Ричарду и предупредила, что мы с малышом на несколько недель поселимся у него, пока я не подыщу квартиру. Вернувшись домой, принялась готовить обед: сварила буйабес, сделала крем-брюле, на второе — салат. Я научила-таки Марка делать заправку:

> смешайте столовую ложку горчицы «Грей Пупон» с 2 столовыми ложками хорошего красного винного уксуса, взбейте вилкой. Затем, продолжая взбивать, постепенно добавьте 6 столовых ложек оливкового масла; смесь должна загустеть до консистенции сметаны. И получится великолепная заправка, идеально подходящая для зеленого салата с рукколой, кресс-салатом или цикорием.

Мы легли спать, Марк обнял меня.

— Чудесный был вечер, — сказал он. И заснул.

Я лежала рядом. За два года до того я была беременна Сэмом, и Марк каждый вечер и каждое утро пел мне песенку. Мы прозвали ее «Песенка Петуньи». Глупейшая песенка. Каждый раз Марк менял в ней и мотив, и слова, при этом в ней не было рифм и даже намека на мелодию. *Пою тебе, Петунья, пою песнь о любви, пою тебе, хоть стала ты аж больше, чем в прошлый раз, когда я тоже пел тебе песенку «Петунья».* Что-то в этом роде. Или вот это: *Ах, Петунья, тебя я воспеваю, хотя сейчас немыслимая рань, а у меня похмелье с бодуна.* Словом, вы понимаете. Глупость полная, но всякий раз, когда Марк ее пел, я чувствовала: мной дорожат и любят так, как мне и не снилось. Я все собиралась записать слова этих песенок, немудреных, забавных, доставлявших мне столько радости, но так и не записала. А теперь их уже не вспомнить. Чувства свои помню отчетливо, а вот слов не помню.

Уже неплохо: можно начинать забывать.

Указатель рецептов

Картофель
«Анна»
пюре
по-швейцарски
Лапша по-деревенски
Лимская фасоль с грушами
Миндаль жареный
Шарлотка
Рагу с беконом
Салатная заправка
Торт с лаймом
Торт с персиками
Тушеное мясо (рецепт Лиллиан Хеллман)
Творожный торт
Щавелевый суп
Яйцо в мешочек за четыре минуты

Коротко об авторе

Нора Эфрон (1941–2012) — прозаик, эссеист, сценарист, драматург, режиссер, продюсер.

Нора Эфрон родилась в еврейской семье голливудских сценаристов Генри и Фиби Эфрон. Их дочери пошли по стопам родителей. Сестры Норы Делия и Эми стали писательницами и сценаристками. Сестра Холли пишет детективные романы.

Нора Эфрон росла и окончила школу в Беверли-Хиллз (примыкающем к Голливуду престижном районе Лос-Анджелеса), затем колледж Уэлсли. Стажировалась в Белом доме в президентство Джона Ф. Кеннеди, после чего пять лет работала репортером в газете «Нью-Йорк пост», вела колонку в журнале «Эсквайр».

Сценарии начала писать в сорок лет. Ее сценарии к трем фильмам («Неспящие в Сиэтле», «Когда Гарри встретил Салли», «Силквуд») были номинированы на «Оскар». Успехом пользовались и другие фильмы по сценариям Норы Эфрон («Вам письмо», «Майкл»), Неоднократно была и режиссером, и продюсером фильмов по своим сценариям. Считается мастером романтической комедии.

В 1983 написала роман «Оскомина» (1983). В романе автор кулинарных книг Рейчел Самстат с горькой самоиронией рассказывает об истории своего развода с журналистом Марком Фелдманом (прототипами героев послужили сама Нора Эфрон и ее муж Карл Бернстайн, прославившийся благодаря своей роли одного из разоблачителей Уотергейта). В 1986 году режиссер Майк Николс снял по роману фильм (известный также под названиями «Ревность» и «Изжога»). Главные роли в нем исполнили Джек Николсон и Мерил Стрип, кстати сказать игравшая во многих фильмах по сценариям Норы Эфрон.

Писала Нора Эфрон и пьесы. Ее пьесе «Счастливчик» была присуждена премия «Тони» уже после смерти Н. Эфрон.

Начав как журналистка, Нора Эфрон до конца жизни писала статьи, рецензии, эссе. В книге: «Сумасшедший салат и кое-что о женщинах» (1975) собраны эссе на самые разные темы — от феминизма до воспитания детей. В «Строчи, строчи заметки о прессе» (1978) — эссе о политике, о разных изданиях (от «Нью-Йоркера» до «Пипл»), рецензии на книги политиков и журналистов. Несколько очень интересных эссе об Уотергейте, вернее, о людях, к нему причастных, благодаря чему читатель может посмотреть на то, как делается американская политика «изнутри».

Книга «Шея огорчает, и еще кое-какие мысли о женской доле» (2006) — горестно-юмористические наблюдения о тяготах старения — стала бестселлером № 1, тираж ее достиг миллиона экземпляров.

Последняя книга Норы Эфрон — сборник эссе «Я ничего не помню и прочие соображения» (2010).

О жизни Норы Эфрон, «царственной еврейской дамы», как ее называли, снят документальный биографический фильм «Все пойдет в дело» («Everything Is Copy»). В фильме участвуют Том Хэнкс, Риз Уизерспун, Стивен Спилберг и др. Снял фильм Джейкоб Бернстайн, сын Норы Эфрон. Фильм выйдет на экраны в 2016 году.

Именем Норы Эфрон названа премия писательнице «со своим голосом», присуждаемая фестивалем «Tribeca Film».

9 785995 304418

JK (книжники)

“ *Уморительно смешной… брызжущий язвительным остроумием и вместе с тем добрый роман.* — THE NEW YORK TIMES BOOK REVIEW

“ *Первый роман Норы Эфрон — сердечная, остроумная и мудрая книга.* — HARPER'S BAZAAR

“ *Смешная и трогательная… “Оскомина” доказывает: хорошо написанный роман — лучшая месть.* — CHICAGO TRIBUNE

“ *Стильный роман Норы Эфрон может служить примером для тех, кто хочет свести счеты со своим прошлым.* — ЭММА БРОКС / THE GUARDIAN

СКАЧАЙ НОВОЕ ПРИЛОЖЕНИЕ
JKniga
DOWNLOAD OUR NEW APP
Google play
App Store

проза еврейской жизни

notes

Примечания

1

Имеется в виду землетрясение 1906 г. В результате землетрясения и пожаров Сан-Франциско был почти полностью разрушен. — *Здесь и далее примеч. перев.*

2

«Аркитекчурал дайджест» — ведущий международный журнал об архитектуре и дизайне интерьеров.

3

Ротонда — помещение под куполом вашингтонского Капитолия, США.

4

Алегзандрия — город в штате Луизиана.

5

Кармен Миранда (псевдоним Марии ду Капму Миранды да Кунья; 1909–1955) — бразильская и американская певица и актриса.

6

Чиквита (Чикита) Банана — марка мощной рекламной кампании, которую развернула после Второй мировой войны американская фирма «Юнайтед фрут компани». На рекламной этикетке изображена похожая на Кармен Миранду латиноамериканская певичка в шляпке из бананов.

7

Энтони Троллоп (1815–1882) — английский писатель, один из крупнейших романистов XIX века.

8

Джулия Чайлд (1912–2004) — американская телеведущая кулинарной программы. Знаток французской кухни. Нора Эфрон написала сценарий фильма о жизни Джулии Чайлд («Джули и Джулия»).

9

Хауард Уильям Коселл (псевдоним Хауарда Коэна) (1918–1995) — популярный американский спортивный комментатор, отличавшийся вызывающей самоуверенностью.

10

Имоджен Кока (1908–2001) — американская комическая актриса, кино- и телезвезда, лауреат многочисленных премий.

11

Элейн Мей (р. 1932) — американская сценаристка, кинорежиссер, популярная комическая актриса.

12

Дэвид Бринкли (1920–2003) — популярный американский диктор и комментатор телеканалов Эн-би-си и Эй-би-си.

13

Фил Донахью (р. 1935) — известный американский журналист, телеведущий и режиссер; считается основателем жанра ток-шоу.

14

Дайна Шор (псевдоним Фрэнсис Роуз Шор) — популярная американская певица и актриса. Ее родители — еврейские иммигранты из Российской империи.

15

«Мадлен» или «мадленка» — бисквитное печенье. В одной из сцен эпопеи Марселя Пруста (1871–1922) «В поисках утраченного времени» главный герой окунает «мадленку» в чай — и на сотни страниц переносится в счастливое детство, с которым у него навсегда ассоциируется вкус этого печенья.

16

Исаак Башевис-Зингер (1904–1991) — американский писатель, лауреат Нобелевской премии по литературе (1978).

17

Запеканка из лапши или картошки (*идиш*).

18

Пурим — праздник в память о чудесном спасении евреев от истребления в Персидском царстве более 2400 лет назад.

19

Эстер спасла евреев от гибели, которую готовил злодей Аман (Танах, Свиток Эстер).

20

Гоменташи (или гоменташн), то есть «уши Амана», — треугольное печенье со сладкой начинкой, традиционное угощение на Пурим.

21

«Волшебник из Оз» — музыкальный фильм-сказка режиссера В. Флеминга; входит в список 100 лучших американских фильмов.

22

Румаки или румаке — острая мясная закуска якобы полинезийской кухни, популярная в США в 1950-1960-х гг.

23

Матч «Розовой чаши» — ежегодный матч по американскому футболу двух лучших студенческих команд США; проводится на Новый год в г. Пасадена (штат Калифорния), на стадионе «Розовая чаша».

24

Популярная песенка из американского мультфильма 1926 г.

25

Популярная песня из одноименного американского фильма (1930), считается неофициальным гимном Голливуда.

26

Даррил Занук (1902–1979) — американский продюсер, сценарист, кинорежиссер.

27

Малышка Снукс — героиня американского радиосериала «Шоу малышки Снукс». Главную — пародийную — роль маленькой девочки исполняла в нем эстрадная певица, актриса театра и кино Фанни Брайс (1891–1951).

28

Мужские мягкие фетровые шляпы известной итальянской фирмы «Борсалино» (основана в 1857 г.).

29

Бернард Барух (1870–1965) — американский финансист и государственный деятель: состоял советником при президентах США Вудро Вильсоне и Франклине Делано Рузвельте.

30

Мерв (Мервин Эдвард) Гриффин (1925–2007) — американский медиамагнат, телеведущий и эстрадный певец.

31

Треугольные клецки с начинкой из мяса, творога или фруктов (*идиш*).

32

«Сегодня вечером» — американское вечернее развлекательное ток-шоу, выходит с 1954 г.

33

Генри Алфред Киссинджер (р. 1923) — американский государственный деятель, дипломат и эксперт в области международных отношений.

34

«Балдуччи» — большой магазин с широчайшим выбором деликатесных продуктов и изделий.

35

Китайская Республика была основана в 1911 г. После поражения в гражданской войне 1946–1950 гг. правительство Китайской Республики, руководимое партией Гоминьдан, перебазировалось на о. Тайвань, но до 1971 г. Китайская Республика признавалась большинством государств, а также ООН как законная власть всего Китая.

36

«Кот в колпаке» и «Лисичка в носочках» — популярные книжки для малышей доктора Сьюза (Теодор Сьюз Гейзель [1904–1991]), американского детского писателя и мультипликатора. По его книгам американцы до сих пор учат малышей читать; по ним выпускались мультфильмы, радиоспектакли, мюзиклы.

37

«Блумингдейлз» — сеть американских дорогих универмагов.

38

Дэн Дейли (Дэниел Джеймс Дейли) (1915–1978) — популярный американский танцор и киноактер.

39

Куп (Ирвинг Купсинет; 1912–2003) — американский газетный и тележурналист, много лет вел в Чикаго еженедельное телешоу.

40

Ричард Алва Каветт (р. 1936) — известный американский тележурналист, ведущий ток-шоу.

Шкварки (*идиш*).

42

«Летающая монахиня» — американский ситком 1965 г. Главная его героиня — монахиня в силу малого веса и большого накрахмаленного чепца может летать и благодаря этой своей способности решает все проблемы.

43

«Криско» — фирменное название популярного в США кулинарного жира, добавляемого в тесто для рассыпчатости.

Болван (*идиш*).

45

Теодор Райк (1888–1969) — видный немецкий психоаналитик, один из первых учеников Зигмунда Фрейда.

46

Фернан Ламаз (1891–1957) — французский невролог и акушер, известен как автор методики нелекарственного обезболивания родов.

47

Пеншн-билдинг — здание в центральной части Вашингтона. В нем проводились различные политические торжества. Ныне — Национальный музей строительства, посвященный истории архитектуры США.

48

«Восточный экспресс» — транспортная компания, осуществлявшая автобусное сообщение между Нью-Йорком и Вашингтоном.

49

Риго-Парк — престижный район Нью-Йорка.

50

«Мы сами и наше тело» — книга о женском здоровье и сексуальной жизни (1971). Неоднократно издавалась в США и других странах мира. В России вышла в 2007 г.

51

Роберт Браунинг (1812–1889) — английский поэт и драматург; в 1846 г. женился на известной поэтессе Элизабет Барретт (1806–1861). Считается, что этот брак оказал большое влияние на творчество Браунинга.

52

«Нью рипаблик» — американский леволиберальный журнал о политике, литературе и искусстве.

53

Ленивец — медлительное южноамериканское млекопитающее.

54

«Каса вог» — модный журнал премиум-класса по дизайну и интерьеру.

55

Киш — открытый пирог с начинкой из взбитых яиц, сыра, овощей и т. д.

56

Уильямсберг — город в штате Виргиния; считается крупнейшим музеем колониального периода под открытым небом.

57

Сен-Мартен или Сант-Мартен (остров Св. Мартина) — остров в Карибском море, самый малый обитаемый остров в мире.

58

«Расс и дочери» — крупный нью-йоркский магазин деликатесов.

59

Шикса — женщина, девушка-нееврейка (*идиш*).

60

Пирог с патокой, коричневым сахаром, имбирем и мускатным орехом.

61

«Беллини» — коктейль из игристого вина и персикового пюре.

62

Амниоцентез — метод пренатальной диагностики, позволяющий на ранней стадии беременности определить генные и хромосомные мутации, а также пол эмбриона.

63

Амилнитраты — вещества наркотического действия.

64

«Сирз, Роубак и Ко» — американская компания, управляющая сетями розничной торговли.

65

Белтуэй — кольцевая дорога вокруг Вашингтона.

66

Марселла Хазан (псевдоним Марчеллы Полини) (1924–2013) — автор популярных кулинарных книг; считалась одним из ведущих знатоков итальянской кухни.

67

«Грей Пупон» — американский вариант знаменитой французской дижонской горчицы.

68

Новая французская кухня с пониженной калорийностью (*фр.*).

69

«Нью-Йорк уорлд телеграм энд сан» — газета, выходившая под разными названиями с 1867 г. по 1966 г.

70

Мейми Эйзенхауэр (1896–1979) — жена Дуайта Эйзенхауэра, президента США (1953–1961), была известна своей бережливостью и домовитостью.

71

«Р. Т. Френч» — американская компания, производящая приправы и специи, в частности популярную в США горчицу.

72

Конкурс кулинаров и кондитеров, учрежденный компанией «Пиллзбери».

73

Лиллиан Хеллман (1905–1984) — американская писательница, сценарист, драматург.

74

Дэшилл Хэммет (1894–1961) — американский писатель, автор ставших классикой детективных романов.

75

Дорис Дэй (псевдоним Дорис Мери Энн фон Каппельхофф; р. 1924) — американская певица и актриса; много снималась в сентиментально-романтических фильмах посредственного качества.

76

Ник и Нора Чарлз — герои романа Дэшилла Хэммета «Худой мужчина» (1934), впоследствии неоднократно экранизированного.

77

«Литерари гилд» — один из наиболее известных и крупных американских клубов «Книга — почтой».

78

Софи Такер (псевдоним Сони Калиш; 1887–1966) — американская певица, комическая актриса, родом с Украины.

79

Мел Брукс (псевдоним Мелвина Джеймса Камински; р. 1926) — американский кинорежиссер, актер и продюсер, известный своими кинопародиями и фильмами-фарсами.

80

Цитата из проповеди Джона Донна (1572–1631) — английского поэта и священника, крупнейшего представителя литературы английского барокко.

81

Говард Винчестер Хоукс (1896–1977) — американский кинорежиссер, сценарист, продюсер.

82

«Тэб» — фруктовый напиток без сахара компании «Кока-Кола».

83

Джек Уэбб (псевдоним Джона Рэндолфа «Джека» Уэбба; 1920–1982) — американский актер, телепродюсер, режиссер и сценарист; прославился в роли сержанта Джо Фрайди в радио- и телесериале «Облава».

84

Уолтер Уинчелл (1897–1972) — американский газетный и радиожурналист, вел отделы светской хроники.

85

Мартас-Виньярд — остров в Атлантическом океане, у побережья штата Массачусетс; популярный летний курорт.

86

«Все самое лучшее» — роман американской писательницы Роны Джаффа (1958) о перипетиях трех молодых жительниц Нью-Йорка; был экранизирован (1959).

87

Остров Три-Майл — островок на реке Саскуэханна, Пенсильвания, США.

88

Жилой район на северо-западе Вашингтона.

89

«Тонет» — немецкая компания по производству мебели.

90

М-стрит — одна из центральных улиц Вашингтона.

91

Бригада имени Авраама Линкольна — 15-я Интернациональная бригада (наряду с американцами в ней были и представители других стран) — в Гражданской войне в Испании (1936–1939) сражалась на стороне республиканцев.

92

Шербет — популярный в США десерт из фруктов со льдом и сахаром.

93

Збигнев Бжезинский (р. 1928) — американский политолог, социолог, государственный деятель.

94

Мартин Агронски (1915–1999) — американский журналист и ведущий известных политических телепрограмм («Агронски и компания» и др.).

95

«Азума» — сеть ювелирных магазинов в крупнейших городах США.